ОЧЕРКЪ

ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ

МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ

ВЪ XVII ВѢКѢ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

СЛОВАРЯ КНИЖНОЙ МАЛОРУССКОЙ РѢЧИ

ПО РУКОПИСИ XVII ВѢКА.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4
1889.

ПРОВ. 1966

Пров. 1966

РБ
2918.13

Дозволено цензур. Кіевъ, 9-го Декабря 1888 г.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
3360
25

СОДЕРЖАНІЕ.

Славянская рѣчь въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей XVII в.

I. стран.

Колебанія въ выборѣ литературнаго языка во второй половинѣ XVI и въ началѣ XVII в.—Соображенія южнорусскихъ писателей въ пользу славянскаго языка.—Недовѣріе къ „латинской наукѣ“ со стороны народа и православнаго духовенства.—Водвореніе ея въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ.—Признаніе славянскаго языка объединяющимъ началомъ умственной жизни . . . . . 1—15.

II.

Славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго.—Задачи автора.—Идея „чистаго“ славянскаго языка.—Грамматическая регламентація.—Фиктивныя формы славянскаго языка.—Начало словопроизводства.—Употребленіе надстрочныхъ знаковъ по русскому выговору . . . . . 16—27.

III.

Синтаксическіе архаизмы въ старинныхъ южнорусскихъ памятникахъ.—Фиктивные архаизмы, не соотвѣтствующіе церковнославянскимъ.—Подлинные архаизмы подражательнаго происхожденія.—Стилистическое значеніе церковно-славянскихъ элементовъ рѣчи въ южнорусской письменности . . . . . —27—36.

Книжная малорусская рѣчь въ XVII вѣкѣ.

I.

Славенороссій лексиконъ Памвы Берынды.—Составъ лексикона.—Значеніе польскаго языка въ средѣ малорусскихъ писателей.—Взаимодѣйствіе вліяній между нарѣ-

СТРАН.

чіями малорусскимъ и польскимъ въ лексическомъ отношеніи.—Слова, встрѣчающіяся въ нарѣчіяхъ великорусскомъ, малорусскомъ и польскомъ.—Спрягаемое причастіе на *лъ* съ глагольнымъ корнемъ *ѣс*.—Дѣйствительные полонизмы въ книжной малорусской рѣчи XVII в. . . . 37—51.

II.

Классификація малорусскаго матеріала въ книжной малорусской рѣчи XVII в.—Черты малорусскаго нарѣчія, сходныя съ церковно-славянскими.—Звуки гласные и согласные.—Формы имени существительнаго. Глагольныя формы. . . . . 52—72.

III.

Общерусскіе звуки и формы.—Звуки гласные и согласные.—Формы имени существительнаго.—Глагольныя формы. . . . . 73—115.

IV.

Черты малорусскаго нарѣчія, чуждыя нарѣчіямъ церковно-славянскому и великорусскому.—Звуки гласные и согласные.—Формы имени существительнаго.—Глагольныя формы. . . . . 116—136.

V.

Сводъ наблюденій надъ грамматическими свойствами книжной малорусской рѣчи XVII в.—Стилистическія особенности ея: проза историческая и ораторская . . . . . 137—146.

Схоластическая наука на южнорусской почвѣ во второй половинѣ XVII вѣка.

Національное самосознаніе въ эпоху „Руины“.—Положеніе посполитаго люда въ лѣвобережной Украинѣ.—Школа, какъ примиряющее начало въ вопросахъ внутренней жизни.—Всесословный характеръ кіево-могилянской коллегіи.—Отраженіе народныхъ понятій въ южнорусской печати временъ „Руины“ . . . . . 147—162.

Словарь книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. . . . . 1—102.

Матеріалы, на которые сдѣланы указанія и ссылки въ нашемъ изслѣдованіи, съ объясненіемъ принятыхъ нами сокращеній:

1) АЗР. = Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, т. I, II.

2) АЮЗР. = Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, т. I.

3) Алек. = „Александрія“—списокъ съ рукописи 1697 г. изъ Румянцевскаго музея.

4) Апок. = Апокри́сисъ а́лбо ѡ҃повѣ́дь на кни́жки о сѣко́рѣ берестѣ́йскомъ: старопечатная книга не позже 1597 г. Заглавіе приведено по Описанію славянорусскихъ книгъ Каратаева. Въ подлинникѣ, которымъ мы пользовались, недостаетъ заглавнаго листа.

5) Вир. Сак. = Вирши, сочиненныя Кассіяномъ Саковичемъ по случаю погребенія гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго въ 1622 г., издан. Голубевымъ въ приложеніяхъ къ Исторіи кіевской академіи 1887 г.

6) Г. К. = Іоанникія Галятовскаго Ключъ разумѣ́нія, изд. кіево-печерской лавры 1660 г.

7) Г. Наука = его же На҃у́ка а́лбо спосо҃бъ зложенія каза́нія, изд. кіево-печерской лавры 1659 г.

8) Г. М. = его же Мессі́а пра́ведный, изд. кіево-печерской лавры 1664 г.

9) Г. Чуд. = его же Чу́да пе҃тои Бг҃ородицы, изд. кіево-печерской лавры 1660 г.

10) Грамма́тики славе́нскиа пра́вильнѣе Сунтагма, потща́нїемъ многогрѣ́шнаго Мніха Меле́тіа Смотри́скаго.. .. въ Е҃вю, 1619 г.

11) Гол. гр. Х...=Головацкаго Памятники дипломатическаго и судебно-дѣловаго языка русскаго, 1867 г.

12) Гол.=Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ, 4 т. 1878 г.

13) Густ. л.=Густынская лѣтопись, изд. Археограф. коммиссіей, т. II. 1843 г.

14) Діар. А. Ф.=Діаріушъ Берестейскаго игумена Аѳанасія Филипповича 1646 г., изд. Археограф. коммиссіей: Русская историческая биліотека т. IV, 1878 г.

15) Дум.=Народныя малорусскія думы разныхъ изданій.

16) Ευχαριστήριον ѩлбо вдмчность... в' дрвкарни монастирѧ печ: к: рокѹ ,ѧхлв.

17) Ж. Ѳ.=Житіе Ѳеодосія: Чтенія въ императ. обществѣ исторіи и древностей 1880 г. изд. Попова.

18) Іоанна Вишенскаго посланія: Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи т. II.

19) Ипат.=Лѣтопись по ипатскому списку, изд. Археографическою коммиссіей 1871 г.

20) Казанье двое Леонтія Карповича 1615 г., изд. въ Чтеніяхъ импер. общества исторіи и древностей, 1875 г.

21) Кіевская лѣтопись (1241—1621): Сборникъ лѣтописей, изданный кіевской коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, 1888 г.

22) К. Х.=Кіевская хроника, принадлежитъ В. П. Науменку.

23) Кирилла Транквилліона Зрцало бгословіи выдрвкокано к манастырѹ почаевскѡ рокѹ ,ѧхіи.

24) Лексик. Бер.=Лексіконъ славенорѹсскій... Памвою Берындою... згромажденый... Кутеинское изд. 1653 г.

25) Луц. ев. XIV в.=Луцкое евангеліе XIV в.: Очерки изъ исторіи русскаго языка Соболевскаго 1883 г.

26) Лямент людей побожныхъ, що ся стало въ Литовской земли: Южнорусскія лѣтописи, изд. Бѣлозерскимъ въ 1856 г.

27) Лямент w прыгодѣ нещасно' w зжывости и модерствѣ мечанъ Острозкй. . рѡ Бжыма ,ѧхлз: рукопись принадлежитъ автору.

28) Львов. л.=Львовская лѣтопись, изд. А. Петрушевичемъ.

29) Меж. л.=Межигорская лѣтопись (1608—1700 г.): Сборникъ лѣтописей, изданный кіевскою коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, 1888 г.

30) Мечъ Б.=Мечъ дхны іже ѥсть глъ Бжій Лазаря Барановича, изд. кіево-печерской лавры, 1666 г.

31) Пал. З. К.=Палинодія Захаріи Копыстенскаго 1621 года, изд. Археографическою коммиссіей: Русская историческая биліотека т. IV.

32) Петра Могилы „Собственноручныя записки": Архивъ Юго-Западной Россіи, изд. коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, ч. I, т. VII. 1887 г.

33) Перес.=Описаніе Пересопницкой рукописи. Кіевъ. 1876 г.

34) Пис. Б. Х.=Письма Богдана Хмельницкаго къ разнымъ лицамъ по спискамъ съ подлинниковъ, хранящихся въ Главномъ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ.

35) Рад. Ог.=Радивиловскаго Ѻгородокъ Мрїи Вцй, изд. кіево-печерской лавры, 1676 г.

36) Сбор. 1073 г.=Изборникъ Святослава 1073 г., изд. Морозовымъ.

37) Сбор. ц. ар. м.=Сборникъ церковно-археологическаго музея при кіевской духовной академіи № 441.

38) Син.=Сунѡѱісъ, изд. кіево-печерской лавры 1678 г.

39) Стр.=Страсти Христовы, рук. XVII в.

40) Тр. п.=Тріодь постная, изд. кіево-печерской лавры, 1627 г.

41) Уч. Ев.=Учительное Евангеліе, рукоп. кіево-михайловскаго монастыря, 1604 г.

42) Хм. л.=Хмельницкая лѣтопись, изд. кіевс. археографической коммиссіей, 1875 г.

43) Чуб.=Пѣсни, собранныя и изданныя Чубинскимъ въ Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, т. V.

Считаемъ необходимымъ замѣтить, что мы не имѣли возможности воспользоваться нѣкоторыми рукописями и старопечатными книгами, на которыя дѣлаемъ ссылки въ своемъ изслѣдованіи, по-

этому мы были вынуждены въ подобныхъ случаяхъ приводить текстъ памятниковъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были изданы въ наше время, т. е.—въ большинствѣ случаевъ—безъ соблюденія старинаго правописанія. Можно пожалѣть о томъ, что этотъ способъ изданія старинныхъ памятниковъ нашихъ считается, по видимому, правильнымъ съ научной точки зрѣнія.

Славянская рѣчь въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей XVII вѣка.

I.

Колебанія въ выборѣ литературнаго языка во второй половинѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка.—Соображенія южнорусскихъ писателей въ пользу славянскаго языка.—Недовѣріе къ „латинской наукѣ“ со стороны народа и православнаго духовенства.—Водвореніе ея въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ.—Признаніе славянскаго языка объединяющимъ началомъ умственной жизни.

Въ XIV вѣкѣ Южная Русь вошла въ составъ литовскаго государства, но только въ XV вѣкѣ сознано было въ ней объединяющее начало политической жизни, когда Витовтъ поставилъ крымское ханство въ ленную зависимость отъ себя, а внутри страны, въ замѣнъ удѣльнаго порядка, державшагося при Ольгердѣ, началъ проводить систему государственнаго единства. Послѣ паденія демократической — собственно литовской партіи въ лицѣ Сигизмунда Кейстутовича, а также удѣльно-княжеской въ лицѣ Свидригайла, выступили на сцену *земяне*, подготовлявшіе шляхетскій строй въ литовско-русскихъ земляхъ. Эта смѣна одного порядка вещей другимъ ставила Южную Русь въ выжидательное положеніе и не давала возможности заложить въ ней основы прочной культуры. Древнерусскія книжныя преданія тянулись только въ богослужебномъ обрядѣ православной церкви, да въ старинной письменной рѣчи, которая принята была въ канцеляріяхъ литовскихъ князей. Встрѣчаются въ ней особенности то малорусскаго, то бѣлорусскаго нарѣчій, но случайно и болѣе или менѣе безсознательно.

Съ сороковыхъ годовъ XVI вѣка въ Литву начали проникать идеи реформаціи, а вслѣдъ затѣмъ идеи кальвинизма и социніанства. Онѣ коснулись и Южной Руси и вызвали здѣсь вниманіе книжныхъ людей къ народному языку, которое выразилось въ

цѣломъ рядѣ переводовъ Евангелія и другихъ священныхъ книгъ „изъ языка клѣтарскаго на мовоу роускоую“, или „с полскаго языка на речь рускую“. Явилась такимъ образомъ потребность создать письменную русскую рѣчь, какъ отдѣльное цѣлое, отличное отъ рѣчи славянской и польской. Тѣмъ не менѣе переводчики не могли отрѣшиться въ трудахъ своихъ отъ языка своихъ подлинниковъ. Сравнивая два перевода, которые мы имѣли подъ руками, мы должны отдать предпочтеніе тому изъ нихъ, который сдѣланъ „изъ языка клѣтарскаго“. Въ такой книгѣ, какъ Евангеліе, славянская рѣчь не можетъ быть совершенно лишнею, лишь бы она выражена была понятнымъ образомъ, въ духѣ народной фонетики и фразеологіи. Таковъ именно стиль Пересопницкаго Евангелія (1556—1561 г). Что касается до другаго Евангелія—Хорошевскаго (1681 г)[1]), то въ немъ польскій текстъ почти дословно переданъ русскими буквами: устранена только польская фонетика, фразеологія же вся почтиоставлена польская[2]).

Какъ бы то ни было, начало было сдѣлано: народная рѣчь была допущена въ священныя книги. Въ такъ называемыхъ „Учительныхъ Евангеліяхъ“, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ, мы нерѣдко встрѣчали переложенія на народную рѣчь отрывковъ изъ книгъ новозавѣтныхъ и даже ветхозавѣтныхъ[3]). Къ XVI в. относится также переводъ всей книги „Пѣснь пѣсней[4]), къ концу XVI или къ началу XVII в.—переводъ Псалтири на малорусское нарѣчіе[5]).

[1]) Переведено Валентиномъ Невгалевскимъ въ мѣстечкѣ Хорошевѣ на Волыни. Рукопись хранится въ библіотекѣ кіево-михайловскаго монастыря подъ № 1636.

[2]) Подробнѣе объ этихъ переводахъ—въ Описаніи Пересопницкой рукописи (Кіевъ 1876 г.), а такъ же въ статьѣ: „Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ“ (Кіевская Старина 1882 г. Ноябрь).

[3]) Таково, напримѣръ, Учительное Евангеліе 1604 г.—въ библіотекѣ кіево-михайловскаго монастыря, рукопись подъ № 1643, или же Учительное Евангеліе, напечатанное при Петрѣ Могилѣ въ 1637 г.

[4]) См. Описаніе рукописей московской синодальной библіотеки Горскаго и Невоструева. Отд. II кн. 3. № 331. Переводъ сдѣланъ съ латинскаго. Текстъ священной книги оканчивается цѣлымъ рядомъ статей, представляющихъ духовное руководство къ возбужденію въ человѣкѣ любви къ Богу. Вторая и третья статьи имѣютъ видъ молитвенныхъ воззваній.

[5]) Рукопись хранится въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 1017. Нѣкоторымъ изъ псалмовъ, начиная съ 37, предпосланы краткія введенія, въ которыхъ излагается въ немногихъ словахъ содержаніе псалма.

Но не таковы были условія общественной жизни, чтобы эта мысль безъ колебаній и сомнѣній могла войти въ сознаніе южнорусскихъ грамотныхъ людей.

Прежде всего она казалась благочестивымъ людямъ орудіемъ обоюдуострымъ. Хотѣли они говорить съ народомъ на понятномъ для него языкѣ, но боялись проговориться. Такъ, гетманъ Ходкевичъ въ предисловіи къ изданному имъ въ 1568—1569 гг. „Учительному Евангелію“ говоритъ, что онъ хотѣлъ-было переложить эту книгу „выразумѣнїм ради простыѧ людей“ на „простоую молвоу“, но посовѣтовали ему „люди мудрые, ктоѡ пишутъ оучёные, иже прикладанїемъ здавныхъ пословицъ на новые, помылка чинятъ немалам. якоже и нынѣ обрѣтаютъ вкнигахъ новаго перекоду“[1]). И въ самомъ дѣлѣ, не легко было писателю того времени найти въ народной рѣчи точныя выраженія для всякаго рода богословскихъ положеній, которыя были тогда предметомъ горячей полемики. Да и самая рѣчь эта звучала неодинаково въ разныхъ краяхъ литовскаго государства: это была то малорусская то бѣлорусская рѣчь, а та и другая въ свою очередь распадалась на множество отдѣльныхъ говоровъ. Поэтому можно вообразить себѣ, какія затрудненія встрѣтилъ-бы писатель, если-бы онъ рѣшился говорить чистымъ народнымъ языкомъ, не занявшись предварительно изученіемъ народныхъ нарѣчій, которое въ XVI в. не мыслимо было не только у насъ, но и въ Европѣ. Понятно такимъ образомъ, почему мысль о народной рѣчи скользнула, такъ сказать, въ умѣ книжныхъ людей, не получивъ тотчасъ надлежащаго примѣненія. Они спѣшили организовать литературную рѣчь на готовой почвѣ книжныхъ преданій, спѣшили найти въ нихъ объединяющій фокусъ, что бы не растеряться въ массѣ діалектическихъ подробностей. Такимъ литературнымъ фокусомъ былъ для нихъ церковно-славянскій языкъ. Это была своего рода униформа для всѣхъ народныхъ нарѣчій, освобождавшая, какъ писателя, такъ и читателей, отъ непосредственнаго знакомства съ этими нарѣчіями,—мало того—расчитанная не на одну Русь, но и на другихъ славянъ греческаго исповѣданія. „Русинъ либо

[1]) Описаніе славянорусскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами 1491—1730 гг. Каратаева. Вып. I, стр. 144.

сербинъ, или болгаринъ", говорится въ одномъ полемическомъ сочиненіи начала XVII в., „въ разумѣ языка славенскаго вѣдаетъ и разумѣетъ, чѣмъ спастися можетъ" [1]),—а въ книгѣ „Тріодіонъ", изданной въ кіево-печерской лаврѣ въ 1627 г., издатели просятъ другихъ славянъ, чтобы они не нарекали на нихъ за переводъ синаксарей „на россійскую бесѣду общую" [2]). Очевидно, славянскій языкъ считался неприкосновенною собственностію всего православнаго славянства, въ противоположность латинскому языку, который былъ органомъ католическаго славянства. Достоинство славянскаго языка, по мнѣнію защитниковъ его, заключалось въ томъ, что онъ по своей конструкціи ближе стоялъ къ греческому языку, чѣмъ языкъ латинскій. Мысль эта, въ послѣдствіи развитая Ломоносовымъ, въ первый разъ высказана была извѣстнымъ Захаріей Копыстенскимъ. Въ „Предмовѣ" къ толкованію Іоанна Златоустаго на 14 бесѣдъ Апостола Павла (1623 г.) онъ утверждаетъ, что, за вычетомъ греческихъ словъ, существующихъ въ языкѣ латинскомъ для выраженія „трудныхъ рѣчій", латинскій языкъ окажется „недоволный и недостаточный". „Зъ вѣку заисте, продолжаетъ ученый авторъ „Палинодіи", той славенскій языкъ есть знаменитъ, котораго Іафетъ и его поколѣніе уживало: широко и далеко ся ростяглъ, и славный былъ: для чего отъ славы славенскимъ названный есть, гды отъ Заходу Бѣлаго моря и Венецкихъ и Рымскихъ ся тыкаетъ границъ, а отъ полудня зъ Греціею въ сусѣдствѣ и братерствѣ живетъ; надъ сходъ зась солнца надъ Чернымъ моремъ до Персіи притагаетъ, а у Ледовитого моря ся опираетъ" [3]) Еще рѣшительнѣе въ этомъ направленіи высказывались менѣе ученые современники Захаріи Копыстенскаго. „Языкъ славянскій", говоритъ одинъ изъ нихъ, „правдою Божіею основанъ, збудованъ и огороженъ есть", а въ латинскомъ языкѣ „только лжа, поганская хитрость и фарисейство сѣдитъ, почиваетъ и обладаетъ" [4]). Страстная полемика велась въ то время изъ-за сла-

[1]) Петръ Могила, Голубева. Приложенія стр. 92.
[2]) Ibid. 399.
[3]) Исторія кіевской академіи, Голубева, вып. 1, стр. 182.
[4]) Петръ Могила, Голубева 92.

вянскаго языка. Многіе питали мистическую вѣру въ его чудодѣйственную силу. „Въ родѣ Латинскомъ", говоритъ тотъ-же авторъ, „нѣтъ ни единаго человѣка святаго, который бы добронравіе и запахъ красный и любимый отъ своего тѣла по смерти испустилъ и знакъ святости показалъ, но всѣ смердятъ, яко гнилые псы":—между тѣмъ, посредствомъ славянскаго языка многіе спасли душу свою, о чемъ свидѣтельствуютъ житія „оныхъ святыхъ мужей, чудотворцевъ великихъ, которые и по смерти бѣсныхъ исцѣляли" [1]).

Нужно замѣтить, что это не былъ уже тотъ славянскій языкъ, который мы встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ памятникахъ славянской письменности, напр. въ Остромировомъ Евангеліи. Онъ далеко стоялъ отъ живой народной рѣчи, которая давно уже утратила многіе звуки и формы, роднившія ее нѣкогда съ старинным славянскимъ языкомъ. Положительно можно сказать, что этого стариннаго языка никто надлежащимъ образомъ не зналъ ни въ Южной, ни въ Сѣверной Руси. Въ богослужебныхъ книгахъ господствовалъ уже новый славянскій языкъ, который въ теченіи многихъ вѣковъ измѣнялся подъ вліяніемъ разныхъ славянскихъ нарѣчій, поэтому славянскія рукописи того времени отличаются синкретизмомъ, т. е. наслоеніями всякаго рода не только діалектическими, но и хронологическими. Такимъ образомъ и новый славянскій языкъ, благодаря *нерусской* примѣси, былъ мало понятенъ народу, представляя и для книжныхъ людей образцы, не совсѣмъ удобные для подражанія. Они всѣми силами стремились усвоить литературные способы выраженія, допускаемые въ славянскихъ книгахъ,—и все таки не могли отрѣшиться отъ стихійнаго вліянія народной рѣчи, которая постоянно вторгалась въ славянскую рѣчь, какъ ясный лучъ солнца въ темное, обветшалое зданіе. Это особенно замѣтно въ раннихъ полемическихъ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ Уніи, напр., въ посланіи І. Вишенскаго, который, не смотря на свое религіозное уваженіе къ славянскому языку, не могъ справиться съ его тяжеловѣсной фразеологіей, то передѣлывая ее въ народномъ вкусѣ, то перемѣшивая ее съ народными словами и выраженіями, исполненными крѣпкаго малорусскаго юмора. Но въ то время какъ одни,

[1]) Петръ Могила, Голубева. Приложенія 92—73.

желая писать пославянски, не могли овладѣть славянскою рѣчью, другіе—наоборотъ, желая держаться народной рѣчи, не могли обойтись безъ славянскихъ словъ и выраженій. Такъ, Кириллъ Транквилліонъ въ „Зерцалѣ Богословія“ (1618 г.) извиняется предъ читателемъ, что онъ не все писалъ „попростѹ“, а вынужденъ былъ „вто́й кни́зѣ покладати просты́ ѩзы́къ и̑ слове́нскій“: причина въ томъ, что многія слова славянскія не переводимы на простой языкъ,—а впрочемъ, съ огорченіемъ прибавляетъ онъ, „простако́ки ки кри́во, хотѧ́ и̑ наи̑простѣ́йше, а мо́ѹдрїи и̑ крйво́ спра́вити мо́же“ [1]).

Но „простаковъ“ было больше, чѣмъ „мудрыхъ“. Нужно было такъ или иначе согласить умственные интересы тѣхъ и другихъ, а для этого нужно было создать нѣчто среднее между рѣчью славянскою и народною. Сознаніе этой нужды выразилось въ особенной терминологіи для названія народа русскаго, страны русской, рѣчи русской. Еще въ первой половинѣ XV в., подъ вліяніемъ высшей церковной іерархіи греческаго происхожденія, появились въ Юго-Западной Россіи отъ греческаго слова Ῥῶς производныя слова: *Росея* и *Росія*, *роскій* и *россійскій* вмѣсто старинныхъ *Русь*, *рускій* [2]). Въ концѣ XVI в. эти слова съ прибавкой родоваго понятія *Славенороссій*, *славенороссійскій* получили особенное распространеніе [3]). Казалось книжнымъ людямъ того времени, что въ греческой передѣлкѣ эти слова болѣе соотвѣтствуютъ вѣроисповѣдному чувству русскихъ людей, говорившихъ разными нарѣчіями, которыя желательно было соединить въ одной общей литературной рѣчи для подобающаго выраженія этого чувства. Но оно уже было выражено въ церковныхъ книгахъ,—поэтому, какъ ни мудрили „мудрые“, а все-же отрѣшиться отъ славянскаго языка они не могли.

На сторонѣ славянскаго языка были и вѣковыя привычки народа, который вовсе не смущался загадочной темнотой церковныхъ словъ и выраженій, видя въ ней естественное свойство священнаго языка, стоящаго выше ежедневнаго употребленія.

[1]) Изъ Библ. кіевск. духовной академіи кн. подъ № 402.
[2]) Галицкій Литерат. Сборникъ 1859 г. Вып. II, 256. Ст. А. Петрушевича
[3]) Собраніе соч. Максимовича т. II, 307—311.

Выходила путаница въ понятіяхъ и стремленіяхъ: тѣ, которые болѣе или менѣе понимали церковно-славянскій языкъ, не чужды были стремленія къ народной рѣчи,—самъ-же народъ готовъ былъ поддерживать церковно-славянскій языкъ вовсе не потому, что онъ былъ для него понятенъ, а наоборотъ—потому, что онъ возвышался надъ уровнемъ его обыкновенныхъ понятій. Многіе такъ сжились съ этимъ порядкомъ вещей, что не считали возможнымъ желать чего нибудь лучшаго, отстаивая вмѣстѣ съ славянскимъ языкомъ и темноту народныхъ массъ. Извѣстный іезуитъ Скарга доказывалъ, что Русь сама не знаетъ славянскаго языка,—да и знать его не стоитъ, потому что онъ никогда не былъ языкомъ науки [1]). Мнѣніе это вызвало отвѣтъ со стороны неизвѣстнаго намъ ревнителя православія, который „отъ своее простоты“, какъ онъ говоритъ, „и глупства славянскаго языка“ [2]) пишетъ: „мы глупая Русь... глупыми быти по разсужденію свѣта сего, изволяемо, яко да спасеніе душевное получимъ“ [3]). Онъ совѣтуетъ учить дѣтей „богомолебному и праведному часословцу во мѣсто діалектики, которая зъ бѣлаго черное, а зъ чернаго бѣлое претворяетъ“ [4]). Онъ предостерегаетъ православныхъ отъ увлеченія латинской наукой примѣромъ тѣхъ епископовъ, которые „лакомячися на латинскую хитрость, мудрость, славу свѣтскую и тѣлесное покоище, пострадаша“ [5]). И нужно сказать, что въ этихъ убѣжденіяхъ звучала нота, симпатическая для народа, который смутно понималъ, что „латинская наука“ посягаетъ на свободу его совѣсти. „И гдѣ еси“, обращается тотъ же авторъ къ Скаргѣ, „то въ евангеліи и апостольской наукѣ нашелъ и начиталъ, яко да учитель наказаніемъ и порадою власть свѣтскую попуждаетъ, да плѣнитъ и неволитъ волныхъ и свободныхъ“ [6])? Въ самомъ дѣлѣ, это не была та

[1]) Это сочиненіе въ первый разъ издано было въ 1577 г. См. Петръ Могила, Голубева. Прилож. 145.
[2]) Ibid. 7—4.
[3]) Ibid. 76—77.
[4]) Ibid. 73.
[5]) Ibid. 69.
[6]) Ibid. 117.

наука, которая, развиваясь на почвѣ свободной мысли, содѣйствуетъ въ свою очередь ея развитію. Напротивъ того, она не довѣряла разуму и боялась его безстрастныхъ приговоровъ. Она сторонилась отъ всего, что могло нарушить покой вѣрующаго сердца, и заботилась только о томъ, что-бы одѣть готовое знаніе во всеоружіе логическихъ построеній. Она чуждалась самостоятельнаго творчества, предпочитая форму мысли дѣйствительному ея содержанію. Однимъ словомъ, это была извѣстная ancilla теологіи—схоластическая наука, выдвинутая іезуитами для защиты католичества. Противъ этой науки возставало инстиктивное чувство народа—не потому, что-бы онъ отчетливо представлялъ ея сущность, но потому, что онъ видѣлъ ея деморализующее вліяніе въ своей же собственной средѣ. Довольно вспомнить только многіе эпизоды изъ исторіи Уніи. Не повторяя того, что болѣе или менѣе всякому извѣстно объ этомъ, скажемъ только, что Унія, поддерживая авторитетъ іерархіи, подрывала соборное начало церковной жизни, которое вполнѣ соотвѣтствовало основнымъ воззрѣніямъ народа на общественную жизнь во всѣхъ возможныхъ ея проявленіяхъ. Устами одного изъ лучшихъ своихъ представителей, Іова Борецкаго, народъ высказался за право мирянъ предлагать совѣты пастырямъ церкви: „тогда, говоритъ Іовъ, „отцы въ сынахъ и сыны въ отцахъ пребывать будутъ“, и такимъ образомъ „послѣдуетъ согласіе и приверженность къ намъ народа“ [1]). Между тѣмъ, опираясь на государственную поддержку, Унія, вопреки своему названію, вносила рознь въ народное общежитіе, отъ котораго отставали люди, любившіе плыть по теченію. Они, обыкновенно, извлекали изъ своего положенія всякія выгоды и свысока смотрѣли на младшую братію. „Вы брата своего уничижаете, обращается къ нимъ Іоаннъ Вишенскій, „хлопаете, кожемякаете, сѣдельникаете, шевцами на поруганіе называете. Добре, нехай будетъ хлопъ, кожемяка, сѣдельникъ и шевецъ, але вспомяните, яко братъ вамъ родный во всемъ есть“ [2]). Такимъ образомъ, „латинская наука“ являлась передъ народомъ въ видѣ несимпатической для него Уніи.

[1]) Обзоръ рус. духовной литературы, Филарета. 178.

[2]) Акты Южной и Западной Россіи. II. 239.

Но какова-бы ни была „латинская наука“, во всякомъ случаѣ она была организованная умственная сила, съ которою можно было бороться такою же силой. Это было понято на югѣ Руси скоро послѣ появленія іезуитовъ въ Польшѣ [1]). Первая школа съ научнымъ характеромъ основана была въ 1580 г. княземъ К. К. Острожскимъ въ Острогѣ,—затѣмъ появились такія же школы и въ другихъ городахъ югозападной Руси. Въ противовѣсъ латинскому языку выдвинутъ былъ въ этихъ школахъ греческій языкъ. Въ уставѣ львовской школы (1586 г.) ничего не сказано о латинскомъ языкѣ,—называлась она школою *греческаго* и *славянскаго письма* [2]) По всему видно, что на первыхъ порахъ науку хотѣли почерпнуть изъ болѣе чистаго вѣроисповѣднаго источника. Но, по мѣрѣ открытія подобныхъ школъ, въ нихъ появляется и латинскій языкъ. Такъ, въ уставѣ виленскаго братства (1588 г.) упоминаются уже языки латинскій и польскій, хотя оба они поставлены послѣ русскаго и греческаго [3]). Изъ грамоты патріарха Ѳеофана кіевскому братству видно, что оно завело школу наукъ еллинославянскаго и *латинскаго* письма [4]),—однако же въ письмѣ къ Михаилу Ѳеодоровичу само братство называетъ свою школу „училищемъ языка *славянорусскаго, еллиногреческаго* и прочихъ дидаскаловъ“ [5]). Оно благоразумно умолчало о латинскомъ языкѣ, не желая набрасывать на свою школу тѣнь подозрѣнія въ православной Москвѣ.

А между тѣмъ сила вещей брала свое. Само собою понятно, что въ польскомъ государствѣ нужно было учиться по-польски. Что касается до латинскаго языка, то онъ былъ въ старинной Польшѣ языкомъ церкви и школы, языкомъ гражданскихъ и политическихъ понятій, — поэтому онъ входилъ въ-

[1]) Іезуиты водворились въ Польшѣ въ 1564 г., а въ Вильнѣ въ 1569 г.—въ годъ Люблинской Уніи.

[2]) Исторія рус. церкви, Макарія, IX. 415.

[3]) Ibid. 419.

[4]) Петръ Могила, Голубева. 296.

[5]) Ibid. 290.

самое существо польскаго общежитія, составляя необходимую приправу польской рѣчи въ кругу сколько-нибудь образованныхъ людей. Можно ли было послѣ этого южно-русской школѣ ограничиться изученіемъ языковъ греческаго и славянскаго? Очевидно, разъ сознана была на югѣ Руси необходимость въ школахъ, онѣ должны были рано или поздно сдѣлаться *латинскими школами*. „Самая главная надобность въ латинскихъ школахъ, говоритъ Сильвестръ Косовъ [1]), та, что-бы бѣдной Руси нашей не называли глупою Русью. Поѣдетъ бѣдняга Русинъ на трибуналъ, на сеймъ, или на сеймикъ, въ уѣздный городской судъ или земскій,—bez laciny płaci winy! Ни судьи, ни стряпчаго, ни ума, ни посла. Смотритъ только то на того, то на другаго, вытаращивъ глаза, какъ коршунъ“ [2]). Это уже вовсе не то, что мы слышали раньше—отъ старшаго поколѣнія южно-русскихъ писателей, которые, съ своей точки зрѣнія, были совершенно равнодушны къ словамъ „глупая Русь“. Это голосъ окрѣпшаго національнаго самосознанія, которое не хочетъ мириться съ приниженнымъ положеніемъ въ государствѣ. Весь вопросъ въ томъ, удастся-ли новому поколѣнію защитниковъ „бѣдной Руси“ сохранить свѣжесть народнаго чувства и не усвоить вмѣстѣ съ „латинской наукой“ тѣхъ понятій, которыя чужды были народному духу.

Что бы видѣть, какъ рѣшали въ то время поставленный нами вопросъ, прежде всего обратимся къ программѣ просвѣтительной дѣятельности, которая начертана была въ тридцатыхъ годахъ XVII в. знаменитымъ Петромъ Могилою. Опираясь на симпатіи народа къ „древнему благочестію“, онъ всѣми силами старался поставить его подъ защиту науки, что-бы установить его догматическія начала, объяснить смыслъ богослужебныхъ обрядовъ, очистить ихъ отъ всякой посторонней примѣси. Нельзя сказать, что бы эта программа соотвѣтствовала всѣмъ потребностямъ жизни малорусскаго народа, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что творецъ ея не могъ найти въ условіяхъ своего времени твердой точки опоры для составленія программы

[1]) Elegesis abo danie sprawy o szkolach Kiowskich i Winnickich, w Lawrze. 1635 г.

[2]) Исторія кіевской академіи, Макарія. 76.

болѣе обширной. На первыхъ порахъ нужно было отстоять право народа держаться „древняго благочестія“, которое подвергалось самымъ ожесточеннымъ нападеніямъ со стороны враговъ. Всякое отклоненіе отъ этого пункта могло бы только ослабить силы, способныя къ просвѣтительной дѣятельности. Мы вовсе не желаемъ сказать этимъ, что Петръ Могила руководствовался такимъ именно расчетомъ: мы только указываемъ на историческую логику событій, которая была обязательна для него, если только онъ желалъ добиться какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ. И нужно сказать, что на отмежованной имъ почвѣ онъ въ короткое время добился этихъ результатовъ. Подъ его вліяніемъ составленъ былъ сводъ основныхъ положеній православной догматики [1]), приведено было въ порядокъ богослуженіе православной церкви [2]). Понимая историческое значеніе святынь кіевскихъ, онъ поднялъ изъ развалинъ нѣкоторые храмы кіевскіе, другіе-же обновилъ и украсилъ. Но главнымъ дѣломъ его жизни, излюбленнымъ дѣтищемъ его души, была основанная имъ школа въ кіево-печерской лаврѣ (1631 г.), которую онъ вскорѣ соединилъ съ школой Богоявленскаго братства на Подолѣ (1632 г.). Такъ появилась знаменитая кіево-могилянская коллегія, переименованная при Петрѣ Великомъ въ академію (1701 г.). Она дала Кіеву умственный перевѣсъ надъ всѣми южнорусскими городами. Какъ во дни Владиміра Равноапостольнаго, Кіевъ снова сдѣлался центромъ просвѣщенія не только для Южной Руси, но и для Сѣверной. Правда, оно было взято не изъ перваго источника—не изъ гуманизма европейскаго, который на Западѣ стремился къ освобожденію мысли отъ подавляющаго авторитета средневѣковой теологіи, не изъ новыхъ воззрѣній Бекона на первоосновы человѣческаго знанія. Но, при оцѣнкѣ всякаго умственнаго движенія, не нужно забывать хронологіи. Беконъ умеръ въ то время, когда Петръ Могила выступилъ на общественное поприще. Ре-

[1]) Краткій катихизисъ подъ заглавіемъ: „Собраніе короткой науки о артикулахъ вѣры православно-каѳолической христіанской. Первое изд. въ Кіевѣ 1645 г.

[2]) Требникъ Петра Могилы (Евхологіонъ). Первое изд. тоже въ Кіевѣ 1646 г.

ализмъ Бекона не успѣлъ еще проникнуть тогда и въ европейскія школы. Что касается до гуманизма, то онъ въ школьной обстановкѣ потерялъ ту остроту и ѣдкость, которою проникнуты были литературныя произведенія гуманистовъ. Вліяніе его ограничилось здѣсь смѣной средневѣковой латыни на классическую, при чемъ средневѣковые trivium и quadrivium остались въ полной неприкосновенности—съ тѣмъ-же преобладаніемъ наукъ trivium'а, т. е. грамматики, діалектики и риторики, надъ науками quadrivium'а, съ тою-же односторонностію метода, расчитаннаго на развитіе формальныхъ сторонъ мысли, выраженной въ изящной формѣ классической латыни. Сообразно съ этою цѣлью, изученіе классическихъ писателей не шло дальше упражненій въ слогѣ, которыя развивали механизмъ рѣчи въ ущербъ ея содержанію. Господство классической латыни давало ей видъ *втораго отечественнаго языка*, настоящій-же отечественный языкъ находился въ полномъ пренебреженіи. Такъ было всюду въ Европѣ—не только въ католическихъ школахъ, но и въ протестантскихъ, не только въ XVI в., но и въ первой половинѣ XVII в., пока идеи Амоса Коменскаго не утвердились въ школьной практикѣ. А это произошло уже послѣ Вестфальскаго мира, т. е. спустя почти двадцать лѣтъ послѣ основанія кіево-могилянской коллегіи. Само собою разумѣется, что Петру Могилѣ не оставалось ничего другаго, какъ принять за образецъ своей школы обычный въ то время типъ *латинской* школы. Такъ онъ и сдѣлалъ, насадивъ, какъ сказано въ панегирикѣ ему, Геликѡнъ, то есть, садъ ѹмѣ́тности, ѥсмь навкъ ѝ вѣкѣ маючій“. Кромѣ извѣстныхъ наукъ trivium'а, въ панигирикѣ исчисляются и науки quadrivium'а—ариѳметика, музыка, геометрія и астрономія. Всѣ онѣ подчиняются *Ѳеологіи*, которая есть „корѣнь и вѣрхъ всѣхъ навкъ и ѹмѣ́тностій“ [1]). Нечего и говорить о томъ, что въ этомъ „Геликонѣ“ могъ процвѣтать не иной методъ воздѣлыванія наукъ, какъ только схоластическій. Насажденъ былъ „Геликонъ“ для того, что-бы облечь древнее благочестіе во всеоружіе науки. Весь вопросъ такимъ образомъ сводился къ

[1]) Изъ Библіотеки кіевс. дух. академіи, кн. подъ № 3051.

усвоенію научной техники. Отсюда всякаго рода риторическія упражненія и диспуты,—отсюда-же и господство латинскаго языка, который въ то время былъ обязателенъ въ наукѣ.

Такимъ образомъ заслуга Петра Могилы заключается въ томъ, что онъ отстоялъ въ Южной Руси право научнаго знанія, не опасаясь того, что оно происходило изъ иновѣрныхъ источниковъ. Конечно, это было одностороннее знаніе, но все-таки оно пріучало мысль къ опредѣленному методу, который во всякомъ случаѣ могъ служить твердой точкой опоры для дальнѣйшаго движенія мысли. Важно уже было то, что схоластическая наука располагала людей уважать эту самую мысль и не бояться ея логической силы. Она была водворена въ Южной Руси не для подрыва мѣстныхъ началъ жизни, а для развитія народнаго самосознанія въ средѣ тѣхъ людей, которые, за недостаткомъ мѣстной образованности, увлекались чуженародною—польскою. На стражѣ этого самосознанія поставленъ былъ славянскій языкъ, какъ богослужебный органъ „древняго благочестія“. Самъ Петръ Могила заботился о томъ, что-бы въ богослужебныхъ книгахъ строго соблюдалась орфографія „грамматичнаа діалекту словенскаго пространнаго и всякоя благости и сладости преисполненнаго“ [1]). Для приведенія въ систему вѣроученія и обрядовъ православной церкви требовалось, сверхъ обширной богословской учености, грамматическое знаніе церковнославянскаго языка. Тутъ мало было простаго навыка къ славянской рѣчи,—нуженъ былъ научный методъ ея литературной обработки, нужны были талантливые представители этого метода. Однимъ изъ этихъ представителей былъ знаменитый Епифаній Славинецкій. Онъ учился въ кіевской коллегіи въ то самое время, когда учителя его, подъ руководствомъ Петра Могилы, подвизались на церковно-литературномъ поприщѣ [2]). Какъ извѣстно, Славинецкій вызванъ былъ въ Москву (1649 г.), гдѣ поручено было ему исправленіе богослужебныхъ книгъ. Онъ исполнилъ это дѣло

[1]) Петръ Могила, Голубева. 376.

[2]) Это были слѣдовавшіе одинъ за другимъ ректора коллегіи: Исаія Трофимовичъ (1632—1638), Софроній Почаскій (1638—1640), Игнатій Оксеновичъ (1640—1642), Іосифъ Кононовичъ (1642—1646), Иннокентій Гизель (1646—1650).

съ излишнимъ буквализмомъ, опасаясь, можетъ быть, придирчивой критики со стороны возникавшаго тогда раскола. Такъ можно думать, между прочимъ, потому что въ собственныхъ сочиненіяхъ Славинецкаго славянская рѣчь совсѣмъ иная: она не только правильна и вразумительна, но даже отличается нѣкоторымъ изяществомъ. Какъ бы то ни было, на этомъ скромномъ труженикѣ стояло тогда все дѣло патріарха Никона. Славинецкій установилъ текстъ богослужебныхъ книгъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ употребляются во всей Россіи и даже у другихъ православныхъ славянъ. Это могъ сдѣлать только человѣкъ съ серіознымъ филологическимъ образованіемъ. Современники по всей справедливости называли его „изящнымъ дидаскаломъ, искуснѣйшимъ въ еллино-греческомъ и славянскомъ діалектахъ“ [1]).

Славинецкій былъ піонеромъ южнорусскаго просвѣщенія въ Москвѣ,—въ самомъ-же Кіевѣ оставалось не мало „дидаскаловъ“, которые не уступали ему въ знаніи церковнославянскаго языка. Таковъ былъ Лазарь Барановичъ, первый ректоръ кіевскаго коллегіума изъ его воспитанниковъ (1650—1657). Это былъ громозвучный витія своего времени, любившій вносить въ свои проповѣди пышныя декораціи славянской рѣчи [2]). Она считалась умѣстной не только въ богословскихъ сочиненіяхъ, но даже въ историческихъ. Извѣстный „Синопсисъ“, приписываемый Иннокентію Гизелю, а также Густынская лѣтопись, написаны по церковнославянски [3]). Очевидно, въ кіевомогилянскомъ коллегіумѣ многіе раздѣляли убѣжденіе, что церковнославянскій языкъ годится для всѣхъ родовъ сочиненій, что на немъ можно выражать не только всѣ тонкости богословской мысли, но и бытовыя подробности жизни. Въ виду разногласія въ мнѣніяхъ и стремленіяхъ, которое часто доходило въ то время до кровавыхъ столкновеній, представители кіевской учености болѣе или менѣе чувствовали нужду въ объединяющемъ началѣ умственной жизни,

[1]) Обзоръ русской духовной литературы, Филарета. 234.

[2]) О стилѣ Л. Барановича можно уже судить изъ самыхъ заглавій его проповѣдей: *Мечъ духовный* (перв. изд. 1666 г.), *Трубы словесъ* (перв. изд. 1674 г.).

[3]) Синопсисъ имѣлъ много изданій въ XVIII в.; въ первый разъ напечатанъ былъ въ Кіевѣ въ 1674 г. Послѣднее его изданіе относится къ 1823 г.

поэтому многіе изъ нихъ держались за славянскій языкъ, какъ за якорь спасенія, утвержденный на религіозномъ чувствѣ народныхъ массъ, стараясь убѣдить себя и другихъ въ томъ, что народная рѣчь немногимъ отличается отъ славянской: „аще в нѣкихъ странахъ мало что въ словесѣхъ и премѣненіи, говоритъ составитель Синопсиса, ѡбачѣ единымъ славенскимъ языкомъ глютъ“ [1])— не только Русь, но и другіе славяне.

Каковы-же были черты этого „единаго славенскаго языка“, возстановленнаго малорусскими писателями, получившими образованіе въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ? Откуда почерпали они увѣренность въ томъ, что они знаютъ этотъ языкъ въ подлинномъ его видѣ?

Обратимся сперва къ самимъ источникамъ ихъ знанія.

[1]) Изъ Библ. кіевской дух. академіи, изданіе 1678 г. стр. 12.

II.

Славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго.—Задачи автора.—Идея „чистаго“ славянскаго языка. Грамматическая регламентація.—Фиктивныя формы славянскаго языка.—Начало словопроизводства.—Употребленіе надстрочныхъ знаковъ по русскому выговору.

Еще въ 1586 году напечатана была въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей, „Кграматыка словеньска языка з газофилакіи славнаго града Острога власне отчизны яснѣ вельможного княжати и пана Константина Константиновича на Острогу“ [1]). Въ 1591 году была издана въ Львовѣ „Грамматіка доброглаголиваго Еллиносло́венскаго ѩзы́ка“. Сложена она была „ѿ разли́чныхъ грамматі́къ сѵ́дѣйми́ же въ Ло́вской шко́лѣ“ [2]). Составители ея имѣли въ виду главнымъ образомъ греческій языкъ, но по временамъ увлекались аналогіями съ языкомъ славянскимъ. Грамматическую терминологію они заимствовали изъ славянскаго перевода греческой грамматики „О ѳсми́ часте́хъ сло́ва“, сдѣланнаго въ IX вѣкѣ Іоанномъ, экзархомъ болгарскимъ.—Чрезъ пять лѣтъ появилась въ Вильнѣ „Грамматіка Слове́нска съставле́нна Лаврентіемъ Зиза́ніемъ“ [3]). „За науку можно ся имаймо“, говоритъ авторъ въ предисловіи къ своему труду, чтобы книги словенскаго языка не только „добре читати, но и право писати“ [4]). Задача была

[1]) Эта небольшая книжка—около 14 листовъ, по всей вѣроятности, была плодомъ грамматическихъ наблюденій надъ славянскимъ языкомъ переводчиковъ Острожской Библіи. Въ настоящее время она составляетъ библіографическую рѣдкость. Неполный экземпляръ ея находится въ библіотекѣ кн. П. Вяземскаго, болѣе полный—въ библіотекѣ Перемышльскаго собора І. Крестителя. См. Голубева, Исторія кіевской академіи. Выпускъ І.

[2]) Экземпляръ этой рѣдкой книги безъ выходнаго листа хранится въ библіотекѣ кіевской духовной академіи подъ № 346. Г.

[3]) Описаніе славянорусскихъ книгъ Каратаева, 257.

[4]) Сказанія русскаго народа Сахарова т. II, XIX.

ясно сознана, но для рѣшенія ея автору не доставало дара комбинаціи и нѣкоторой смѣлости въ установленіи славянскихъ формъ примѣнительно къ свойствамъ русскихъ нарѣчій. Тѣмъ и другимъ качествомъ въ полной мѣрѣ обладалъ извѣстный Мелетій Смотрицкій, авторъ славянской грамматики, напечатанной въ 1619 году въ Эвю (близъ Вильны).

Мы должны остановиться на этой книгѣ въ виду громаднаго вліянія ея на богослужебный языкъ православной церкви, который въ свою очередь былъ регуляторомъ книжной рѣчи у всѣхъ славянъ восточнаго исповѣданія. Отсюда ведетъ свое начало, такъ называемая, грамотность русская вообще и малорусская въ частности. Она выражается преимущественно въ умѣньи писать *грамматически* правильно. Въ Малороссіи съ бо́льшею точностію грамотныхъ людей называютъ „*письме́нными*“, такъ какъ главная трудность книжной рѣчи заключается не въ чтеніи ея, а въ письмѣ, гдѣ считается обязательнымъ употребленіе той или другой славянской буквы для выраженія разныхъ звуковъ, или-же наоборотъ — нѣсколькихъ буквъ для выраженія одного звука. Развитіе грамотности или „*письме́нства*“ обезпечено было грамматикой Мелетія Смотрицкаго, которая проникала въ самыя низшія школы посредствомъ славянскихъ букварей, и донынѣ еще сохранившихъ кое-что изъ грамматической терминологіи М. Смотрицкаго, какъ-бы во исполненіе его мысли, выраженной имъ въ обращеніи къ учителямъ школьнымъ: „Дѣ́тькамъ, говоритъ онъ, о́учи́тисѧ почина́ючимъ кѵ́ква́рь, зѣ́ыкле рекомы́й Алфавита́рь, з той-же грамма́тики вы́черпненый, а́бы склонені́ямъ грамматі́чнымъ зъ лѣ́тъ дѣ́тинныхъ зъ мо́вою за́разъ привыка́ли, до вы́ученыа пода́ванъ нехай бу́детъ“ [1]). А букварей такихъ

[1]) Первое практическое руководство для юношества, составленное на основаніи грамматики Мелетія Смотрицкаго, напечатано было въ Вильнѣ въ 1621 году подъ заглавіемъ: „Грамматика або сложеніе письмени хотящимъ ся учити славеньскаго языка, младолѣтнымъ отрочатомъ“ (См. Голубева, Исторія кіевской академіи, вып. I). Другое подобное руководство вышло въ Кременцѣ въ 1638 году (есть экземпляръ этой книги въ кременецкой духовной семинаріи). Авторъ этой книги Аѳанасій Пузина, Луцкій епископъ (1633—1649), тотъ самый, который въ 1648 году послалъ Хмельницкому, поднявшему знамя возстанія противъ Польши, деньги, по-

одна кіево-печерская лавра въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, т. е. со времени появленія грамматики М. Смотрицкаго, выпустила въ народъ безчисленное множество [1]).

Но главной задачей Мелетія Смотрицкаго было—поднять „заѵѣдбаный, а цр҃кви наш҃ей природный“ славянскій языкъ до высоты литературнаго органа и такимъ образомъ доставить „славѧнскомѹ въ народѣ нашемъ ѩзыкови подненіе, выроздменіе его и пожитокъ“. Для этого требовалось научить не только „читати по слов҃енскоу и что҃мое выроздмѣѣати“, но и „писати роздѣлне“, т. е. сочинять по славянски. Въ этомъ отношеніи Мелетій Смотрицкій возлагаетъ большія надежды на свою книгу: „она, говоритъ онъ, наоучитъ порѧдкѹ и спорженьм слокъ, которіи за которыми... вѣдалъгъ сочиненіи покладани бы҃ти маютъ... оукажетъ зле положенное слово, оукажетъ збытное, оукажетъ и чего бы не доставало“. Этотъ рѣшительный тонъ объясняется убѣжденіемъ Мелетія Смотрицкаго, которое въ его время было всеобщимъ не только у насъ, но и въ Европѣ, что грамматика есть „кѹ пониманью ѩзыка чистости“, т. е. она есть сводъ постановленій и правилъ, которымъ долженъ подлежать языкъ для того, что-бы имѣть достоинство и силу языка *чистаго*. Ничего нѣтъ удивительнаго въ этомъ стремленіи создать *чистый* славянскій языкъ, если два вѣка спустя знаменитый I. Добровскій въ своихъ Institutiones linguae Slavicae имѣлъ въ виду ту же цѣль. Вся разница въ томъ, что Добровскій хотѣлъ возстановить идеальный типъ славянскаго языка, которому *долженъ былъ* соотвѣтствовать славянскій языкъ въ вѣкъ Кирилла и Меѳодія. Мелетій Смотрицкій не могъ идти такъ далеко: онъ пользовался славянскими ру-

рохъ, пушки и пули (Памятники кіевской коммиссіи, I. 60—63). Къ сожалѣнію, въ экземплярѣ, который былъ въ нашихъ рукахъ, нѣтъ первыхъ листовъ, на которыхъ обыкновенно помѣщалась въ тѣ времена „предмова“ къ читателю. Вообще же въ книгѣ—то-же распредѣленіе частей, та-же терминологія, тѣ-же примѣры, что и въ грамматикѣ М. Смотрицкаго.

[1]) Съ этой точки зрѣнія было-бы интересно прослѣдить исторію кіевскихъ букварей въ сравненіи съ букварями виленскими, почаевскими, львовскими и московскими. Къ сожалѣнію, въ самой кіево-печерской лаврѣ мы не могли найти букварей XVII в. Сохранились только буквари конца прошлаго вѣка. Самый древній относится къ 1791 году: въ немъ уже замѣтно вліяніе московскихъ изданій.

кописями русской редакціи, и при томъ поздними—не древнѣе XV—XVI в., поэтому въ его грамматикѣ получился не столько *чистый* славянскій языкъ, сколько языкъ *очищенный* отъ старинныхъ особенностей его, которыя могли быть свойственны нѣкогда и нарѣчіямъ древнерусскаго языка, но постепенно утратились въ немъ. Такимъ образомъ, позднѣйшіе—смѣшанные и искаженные звуки и формы русскаго языка Мелетій Смотрицкій приписываетъ *чистому* славянскому языку. Не имѣя, напримѣръ, надлежащаго понятія объ истинной природѣ глухихъ гласныхъ, онъ называетъ ихъ *припряжногласными* буквами, которыя сами по себѣ не произносятся, но только „ъ дебелое, ь-же тонкое окончаніе творятъ“. Точно такъ же ему неизвѣстно было и носовое произношеніе юсовъ. Вотъ почему и формы съ глухими и носовыми гласными, видоизмѣненныя въ духѣ русской фонетики, Мелетій Смотрицкій считаетъ возможными въ славянскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, позднѣйшія формы творит. ед. именъ сущест. мужес. р. *омъ*, *емъ* вмѣсто *ъмъ*, *ѣмъ* онъ допускаетъ въ славянскомъ языкѣ,—винит. ед. именъ сущест. женс. р. *у*, *ю* тоже считаетъ чистыми славянскими формами. Повинуясь установившимся въ его время особенностямъ живой рѣчи, онъ различаетъ имена сущест. мужес. р. одушевленныя отъ неодушевленныхъ, т. е. думаетъ, что въ церковнославянскомъ языкѣ были формы винит. падежа: дроугъ, сына, свидителѧ,—думаетъ такъ же, что въ немъ имѣло мѣсто позднѣйшее смѣшеніе въ тѣхъ же именахъ темъ *а* съ темами *у*, а такъ-же темъ *а* съ темами *і* въ родит. множ., т. е. дроугъѡкъ и дроугъ, сыноукъ и сынъ, свидителей и свидитель.

Очевидно, Мелетій Смотрицкій далекъ былъ отъ современныхъ намъ научныхъ стремленій поставить изученіе церковнославянскаго языка на историческую почву. Методъ у него теоретическій. Онъ руководствуется грамматическими категоріями, принятыми въ языкахъ классическихъ, преимущественно въ языкѣ греческомъ. Такъ, напримѣръ,—въ ученіи о славянскомъ глаголѣ онъ старается скопировать наклоненія и времена съ

греческаго глагола [1]). Въ этомъ отношеніи онъ слѣдуетъ старинному грамматическому обычаю, ведущему свое начало отъ I. Екзарха Болгарскаго, ставить въ параллель славянскія формы съ греческими, а за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ славянскихъ формъ, Смотрицкій создаетъ фиктивныя. Таково, напримѣръ, выдуманное имъ *причастодѣтіе* [2]). Таковы-же различныя формы временъ (настоящее, прошедшее и будущее) въ неопред. наклоненіи, на самомъ дѣлѣ не существующія. Всѣ эти формы Смотрицкій образуетъ отъ соотвѣтствующихъ формъ времени изъявит. наклоненія, какъ и вообще всѣ наклоненія выводитъ оттуда-же, слѣдовательно, онъ даже не предчувствуетъ значенія глагольныхъ темъ. Любопытно, что въ своихъ апріорныхъ построеніяхъ онъ иногда наталкивался на такія явленія, которыя не укладывались въ правила,—и вотъ здѣсь является у него живая мысль о томъ, что, кромѣ грамматическихъ правилъ, „ѥ́сть ѻ҃быкъ“ или „на́быкъ“, присущій живой рѣчи. Это дало ему возможность подмѣтить нѣкоторыя особенности славянскаго языка,

[1]) Наклоненій у Смотрицкаго шесть:

1) Изъявительное (бі҃ю, чтѹ́, стою҆).
2) Повелительное (бі҃й, чти҆, стои҆).
3) Молительное (оу҆слы́шн, вонми҆, при́зри).
4) Сослагательное (а҆ще бы хотѣ́лъ, да́лъ бы).
5) Подчинительное (да бі҃ю).
6) Неопредѣленное (ки́тн).

Временъ тоже шесть:

1) Настоящее (бі҃ю, бі҃ѥнъ быка́ю).
2) Преходящее (би́хъ, бі҃ѥнъ ѥ҆смь).
3) Прешедшее (бі҃лхъ, бі҃лнъ ѥ҆смь или быхъ).
4) Мимошедшее (бі҃ла́хъ, бі҃лнъ быва́хъ).
5) Непредѣлное (поби́хъ, поби҃ѥнъ быхъ).
6) Будущее (поб҆ю, поби҃ѥнъ бѹ́дѹ).

[2]) „Ѥ҆сть Гре́комъ, говоритъ Смотрицкій, нарѣ҆ч҆е знаменова́нїемъ положи́телнаго на εον (λεκτέον), Лати́номъ verbum participiale in dum (legendum), намъ слове́номъ причастодѣ́т҆е рече́но: „ѥ҆сть же глаго́лъ причастенъ нѹ́ждѹ вѣдѹщаго дѣ́йствїа знаменѹ́ющій, ꙗко чита́телно“.

преимущественно развитыя въ русскихъ нарѣчіяхъ. Такова, напримѣръ, замѣна въ русскихъ нарѣчіяхъ прошедшихъ простыхъ формъ глагола сложными [1]),—таково же русское *дѣепричастіе*, которое справедливо считаетъ Смотрицкій особеннымъ типомъ причастія, не сознавая того, что въ русской формѣ оно было чуждо славянскому языку [2]).

Особенно поучительны соображенія Смотрицкаго о такъ называемыхъ *видахъ* глагола. Собственно говоря, смутное представленіе о видахъ имѣлъ уже I. Екзархъ Болгарскій. Онъ же первый предложилъ и самый этотъ терминъ, отличивъ въ глаголахъ видъ *первообразный* (хощ҃, приимл҃) отъ производнаго (къ҆хощ҃, къ҆приимл҃). Смотрицкій развилъ дальше ученіе о видахъ, подраздѣливъ производный видъ на *начинательный* (каменѣ́ю—всегда съ примѣтою *ѣ*) и *учащательный* (чита́ю). Обѣ эти разновидности производнаго вида потому такъ и названы, что онѣ происходятъ отъ вида совершеннаго. *Начинательный*, по мнѣнію Смотрицкаго, обыкновенно на *лю* (тепли́ю, кѣли́ю—отъ теплю́, кѣлю́), а учащательный оканчивается обыкновенно на *аю* и *яю* (кѣга́ю, чита́ю—отъ кѣгоу҆, чтоу҆). Не ускользнула отъ Смотрицкаго и связь между видами глагола и различными формами времени, но, выясняя эту связь, Смотрицкій не избѣжалъ всякаго рода натяжекъ. Такъ, онъ говоритъ, что въ первомъ спряженіи преходящее время образуется отъ 1 л. ед. числа наст. врем. глаголовъ вида совершеннаго (отъ даю҆, бі҃ю, ведоу҆—да́хъ, би́хъ,

[1]) „Времена: преходя́щее, проше́дшее, мимоше́дшее и непредѣ́лное наклоне́нїя и҆зъ҆ꙗвительнаго рѣ́ска и҆ногда́ ꙗ҆зы́ка на́быкомъ дѣ́йствительнѣ и҆ страда́тельнѣ произноси́ма быти ѻ҆брѣта́емъ: сице сѹ҆ществи́тельнымъ глаго́ломъ растворя́ема, ꙗ҆ко: че́лъ ѥ҆смь, чита́лъ ѥ҆смь, прочита́лъ есмь (вмѣсто чита́хъ, прочита́хъ“ и проч.).

[2]) „Дѣеприча́стїа соу҆ть прича́стїа чрезъ оу҆сѣче́нїе и҆ли изъ҆ѧ́тїе сокраще́нїа и҆ знаменова́нїемъ ѿ҆ прича́стїй (ѿ҆ нихъ же и҆ составля́ются) потоли́кѹ разли́чествѹющаа, поколи́кѹ прилага́тельное оу҆сѣче́нное ѿ҆ цѣ́лаго разли́чествовати ѻ҆бы́че“. Въ дѣепричастіяхъ нѣтъ падежей, за исключеніемъ именительнаго: „чита́а, чита́въ, прочтоу҆́щъ, что́мъ, чте́нъ, чита́емъ“ и проч.

вѣдо́хъ),—во второмъ спряженіи отъ 2 л. ед. числа наст. времени, не поясняя при этомъ, отъ какихъ глаголовъ—совершенныхъ или несовершѣнныхъ, хотя примѣры взяты изъ глаголовъ несовершенныхъ (отъ таи́ти, гласи́ти, вреди́ти—таи́хъ, гласи́хъ, вреди́хъ). Къ неправильнымъ образованіямъ онъ относитъ формы преходящаго на *ахъ* (въ глаголахъ втораго спряженія: держа́хъ, сто́ялъ, молча́хъ),—формы на *ѣхъ* (терпѣ́хъ, болѣ́хъ, горѣ́хъ) и даже на *охъ* (вѣгохъ—всего одинъ примѣръ). Затѣмъ уже отъ преходящаго производится *непредѣльное* время съ помощію *наращенія*, т. е. приставки (ѿда́хъ, претерпѣ́хъ и проч.). Куда-же относится *прошедшее* время, отъ котораго образуется и *мимошедшее*? Оно составляется, какъ говоритъ Смотрицкій, отъ 1 л. единст. чис. наст. вр. вида *учащательнаго*, причемъ *аю* измѣняется на *а* (чита́хъ), *яю* на *я* (кія́хъ отъ предполагаемаго кія́ю), *ую* на *ова* (трѣбовахъ). Очевидно, прошедшее время есть тотъ же аористъ, что и преходящее, слѣдовательно, одна и та же грамматическая категорія времени разбита на двѣ. Мысль у Смотрицкаго была подвести итоги временамъ и видамъ, т. е. пріурочить извѣстныя времена къ извѣстнымъ видамъ, именно времена преходящее и непредѣльное къ *совершенному* виду, а прошедшее и мимошедшее къ *несовершенному*. Вышло, однако-же, такъ, что спутаны, какъ мы видѣли, времена, спутаны и виды, ибо, по Смотрицкому, вреди́ти, держа́ти, сто́яти—нужно считать глаголами совершеннаго вида. А такъ какъ эти глаголы у него считаются первообразными, то отсюда новая сбивчивость: не различены надлежащимъ образомъ первообразные глаголы отъ производныхъ. Все это произошло отъ излишней регламентаціи. Смотрицкій хотѣлъ поставить въ причинную зависимость разныя свойства глаголовъ; изъ образованія ихъ хотѣлъ вывести и ихъ видовыя свойства, а изъ этихъ послѣднихъ—формы времени, не умѣя различить при этомъ корневыхъ темъ глагола отъ глагольныхъ темъ вообще. Вышелъ такимъ образомъ сочиненный языкъ, а не дѣйствительный. По образцу формъ дѣйствительныхъ Смотрицкій часто образуетъ формы недѣйствительныя. Такъ, напримѣръ, самъ онъ утверждаетъ, что глаголы „ви́да ѹчитáтелна пѣ́ркаго

сѹ́ть спряже́нїа“, однако же и во второмъ спряженіи онъ предлагаетъ такія формы, какъ творю́, творя́лъ, творя́хъ, творя́щій, творя́вый, и т. п.

Итакъ, въ языкѣ славянскомъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, нужно различать элементы дѣйствительно славянскіе отъ элементовъ мнимо славянскихъ, къ которымъ относятся, во первыхъ, формы фиктивныя, придуманныя Смотрицкимъ по аналогіи съ латинскими, греческими или же съ подлинными славянскими формами,—во вторыхъ, формы русскія, усвоенныя славянскому языку безъ всякаго основанія. Эти послѣднія допущены въ славянскую грамматику, конечно, непреднамѣренно. Смотрицкій вовсе не склоненъ былъ смѣшивать славянскій языкъ съ русскимъ, хотя, правду сказать, и о русскомъ языкѣ онъ имѣлъ довольно смутныя понятія, судя по тому, что въ главѣ о предлогахъ онъ обронилъ такого рода замѣчаніе: „да́тельнаго падежа́ трѣ́бѹютъ два предло́га ко и по, сказѹ́емое ро́сски ве́длугъ“. Во всякомъ случаѣ, онъ сознавалъ, что въ славянской грамматикѣ не можетъ имѣть мѣста иной языкъ, кромѣ славянскаго. Но такъ какъ подлинное произношеніе многихъ славянскихъ буквъ ему было неизвѣстно, то онъ или произносилъ ихъ порусски, воображая при этомъ, что произноситъ пославянски (напримѣръ, *юсы*), или довольствовался тѣмъ, что писалъ ихъ пославянски въ тѣхъ случаяхъ, когда они звучали въ разныхъ нарѣчіяхъ русскихъ различно (напримѣръ, *ѣ*). Вообще же главной заботой его было научить грамотному письму. Фонетика народныхъ говоровъ строго подчинена была *графической* грамматикѣ: „глюстѝ подоба́етъ, говоритъ онъ, ѝ падежѝ въ склоне́нїихъ, ѝ времена́ въ спряже́нїихъ, ѝ конча́нїа, не писа́ть: о вмѣ́сто ѡ, ѝ наоборо́тъ,—а вмѣ́сто ѧ, ѝ наоборо́тъ,—ъ вмѣ́сто ѣ, ѝ наоборо́тъ,—е вмѣ́сто є, ѝ наоборо́тъ,—є вмѣ́сто и, ѝ наоборо́тъ (послѣднее правило для малорусскаго нарѣчія, а предыдущее для бѣлорусскаго),—ы вмѣ́сто и, ѝ наоборо́тъ“. Отсюда произошло условное употребленіе разныхъ буквъ, напримѣръ, буквы ї въ срединѣ словъ предъ гласными, или-же буквы ѡ, которую Смотрицкій совѣтуетъ писать въ пред-

логахъ *о, объ* и въ словахъ, въ составъ которыхъ входятъ эти предлоги, а также въ падежахъ числа множест.—родит. (тѣхъ зо́лъ), дат. (человѣкомъ), въ родит. единств. числа мѣстоименія то́й (того̀), наконецъ, въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ (достоѝнно, пра́вдно). Такимъ образомъ, Смотрицкій задолго до Ломоносова установилъ въ правописаніи принципъ словопроизводства, основаннаго на письменномъ преданіи, поэтому и въ иностранныхъ словахъ онъ совѣтовалъ выдерживать на письмѣ коренные звуки тѣхъ языковъ, изъ которыхъ сами слова взяты: „блюдо́мо вѹди, говоритъ онъ, въ гре́ческихъ рече́нїихъ ѻ҃рѳографі́и гре́ческой, въ латѝнскихъ латѝнской храни́ти вы́ти“.

Но есть отдѣлъ въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, можно сказать, фонетическій. Мы разумѣемъ ученіе его о *просодіи*. Она имѣетъ, по мнѣнію Смотрицкаго, два значенія—стихотворное, основанное на „сокраще́нїи ѝли протя́же́нїи гла́снаго, ли́бо сло́га“, и графическое, основанное на „возноше́нїи ѝли оу҃тисне́нїи гла́са пи́сьменнаго въ писа́нїи ѝли въ глаго́ланїи“. Первая просодія или „припѣтіе“ есть совершенная фикція, снятая съ греческой метрики. Что касается до второй просодіи, то она тоже одѣта въ греческую терминологію, но моделью ей служило подвижное удареніе, свойственное русской рѣчи. Она обозначается тремя знаками. Первый изъ нихъ называется *оксія* или *острая* (ʼ). Она ставится вообще на ударяемомъ слогѣ, не исключая и послѣдняго, если только это слогъ закрытый (челомъ̀, дверь̀),—надъ открытымъ же ударяемымъ слогомъ ставится *варія* или *тяжкая* (ˋ), и притомъ всегда на концѣ словъ (творѝ, зѣлѡ̀) Третій знакъ называется *периспомени* или *облеченная*, въ позднѣйшихъ букваряхъ *камора* (ˆ). Она можетъ стоять только на послѣднемъ и предпослѣднемъ ударяемомъ слогѣ, и именно—надъ гласными *долгими по естеству*—и, ы, ѣ. 1) На послѣднемъ слогѣ ставится *периспомени*, когда онъ есть слогъ закрытый, и притомъ *мягкій* (пѹ́ть, рѹ́коѧ́ть), но если это слогъ твердый, то ставится *оксія* и въ мягкихъ слогахъ, когда въ составъ ихъ входитъ болѣе одного согласнаго звука (смѣ́ртъ вѣ́тръ). 2) На предпослѣднемъ слогѣ ставится *периспомени* надъ долгими гласными и, ы, ѣ,

если въ послѣдній слогъ входятъ краткія гласныя о, ѣ, и притомъ съ *однимъ* согласнымъ (дѣ́во, сы́не, бы́ло), но не въ такихъ случаяхъ, какъ чи́сте, ни́же. Вовсе не полагаются знаки ударенія надъ односложными словами, которыя слѣдуютъ послѣ словъ, на которыхъ стоитъ удареніе въ предпослѣднемъ и особенно въ послѣднемъ слогѣ (что́ се, тѣ́хъ бо, прія́хъ тя, сы́не мо́й и проч.[1]).

Какъ ни сложна эта система ударенiй, но все же она гораздо проще того хаоса, который господствуетъ въ славянскихъ рукописяхъ XV—XVI в. Онѣ представляютъ въ этомъ отношеніи не одну, а нѣсколько системъ, смѣшанныхъ и перепутанныхъ между собою въ слѣдствіе того, что русскіе писцы рукописей, отмѣчая мѣстное произношеніе славянскихъ словъ тѣмъ или другимъ знакомъ ударенiй, считали въ то же время для себя обязательнымъ сохраненіе тѣхъ знаковъ, которые они встрѣчали въ подлинникахъ, напечатанныхъ въ другихъ славянскихъ земляхъ—въ Сербіи или въ Болгаріи. Отъ этого недостатка несвободны были даже лучшія по языку рукописи, напр. Пересопницкая[2]). Смотрицкій положилъ конецъ этой пестротѣ въ

[1]) Кромѣ трехъ знаковъ, выражающихъ удареніе, Смотрицкій насчитываетъ еще шесть. Два изъ нихъ выражаютъ—доу҃хъ,—т. е.—„ѻ҃гоу҃ще́нїе ѝли ѻ҃тонче́нїе го́лоса“. Это *псили* или тонкая (ʼ), которая ставится надъ начальными гласными въ славянскихъ словахъ (оу҃слы́ши, е́дино), и *дасія* или *густая* (ʽ), которая ставится надъ начальными гласными въ греческихъ словахъ (ѵ҃мнъ̀). Гораздо болѣе соотвѣтствуютъ звуковымъ особенностямъ русской рѣчи остальные четыре знака. Они выражаютъ, какъ говоритъ Смотрицкій, „стра́сть“, т. е. сокращеніе звуковъ, или въ формѣ сложенія двухъ слоговъ въ одинъ, или въ формѣ смягченія согласныхъ звуковъ. Это—*ерикъ*, *паерикъ и мягкая*: въ начертаніи эти знаки очень сходны между собою (ʻ). Первые два знака имѣютъ мѣсто въ концѣ односложныхъ словъ, означая твердое и мягкое произношеніе согласныхъ (ѕ҃ ли́-ромъ̀, сѣ́нь҃). *Мягкая* отличается отъ *паерика* тѣмъ, что ставится въ серединѣ словъ надъ мягкими (сѹ́д҃ба́, хва́л҃ный). Четвертый знакъ этой категоріи называется *слитная*—въ позднѣйшихъ букваряхъ *кавыка* (ˇ). Она ставится надъ краткимъ *и* или же іотой. Это единственный знакъ, который сохранился и въ современномъ русскомъ правописаніи (*мой*, *свой*).

[2]) *Оксія* въ Пересопницкой рукописи часто стоитъ на томъ слогѣ, на который не падаетъ удареніе (при́шоль, вра́ча). Часто нѣтъ и вообще никакого знака надъ многими словами (богатство, стокроть, возметь). *Варія* и *оксія* часто встрѣчаются въ одномъ и томъ же словѣ (здоро́вый, хо́щоу̀, жрѣтвѣ̀). *Псили*

употребленіи надстрочныхъ знаковъ. Онъ слѣдовалъ въ этомъ отношеніи печатнымъ изданіямъ предшествующаго времени, особенно Библіи Острожской, въ которой уже замѣтна постановка ударенiй по русскому выговору [1]). Такимъ образомъ, Смотрицкій вывелъ ударенія изъ области произвола, поддерживаемаго безсознательнымъ списываніемъ славянскихъ рукописей разныхъ редакцій. Существенный недостатокъ его системы заключается въ признаніи долготы за нѣкоторыми гласными, которые въ русскомъ произношеніи ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ краткихъ гласныхъ. Но такъ или иначе, важно было само по себѣ уже то обстоятельство, что русское удареніе явилось руководящимъ началомъ въ произношеніи славянскихъ словъ. Подъ защитой ударенія, поддерживаемаго грамматическимъ правиломъ, не искажались на письмѣ и малорусскія слова, сохраняя всѣ особенности живой рѣчи. Вотъ нѣсколько примѣровъ вполнѣ народнаго малорусскаго ударенія въ произведеніяхъ Іоанникія Галятовскаго, одного изъ популярнѣйшихъ малорусскихъ писателей XVII в: вóвна (К. 149), камѣнʼя́ (ib. 166), камѣнʼя́мъ (Каз. 108), мꙋзы́ка (ib 24), вóвнѧный (К. 149), малíнʼкій, поддáнным (ib. 62), нѣкóго (ib.), нѣзáцо (М. 350), дáй (Каз. 3), мóжемо, гладнмò (К. 141),—формы повелит. накл: зберѣ́мо, чинѣ́мо, вúпрокадьмо, намалю́ймо (Каз. 24—25), напишѣ́мъ (К. 212).

Такимъ образомъ, помимо сознанія самаго Смотрицкаго, церковнославянскій языкъ, представленный въ его грамматикѣ, сближенъ былъ съ общими свойствами русскихъ нарѣчій. Писатели малорусскіе, старавшіеся усвоить этотъ языкъ, охотно брали изъ богослужебныхъ книгъ церковнославянскія буквы, не соотвѣтствовавшія русскимъ звукамъ, не менѣе охотно брали церковнославянскія формы, чуждыя русскимъ нарѣчіямъ, но не

или *тонкая*—въ позднѣйшихъ букваряхъ *звательно*—ставится, вопреки грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, *дважды* въ одномъ словѣ надъ гласными, слѣдующими одна за другою (нꙋдѣ́йскымъ, ꙋ҃ор҃дáна). *Перистомени* часто не совпадаетъ съ удареніемъ (народи́ мнозѝ).

[1]) Есть въ Острожской Библіи *оксія* и *варія*, и *псили*, но множество словъ оставлено безъ ударенiй, и притомъ словъ не односложныхъ, какъ у Смотрицкаго. *Псили* стоитъ, какъ въ Пересопницкой рукописи, не только надъ начальными гласными, но и надъ серединными. Не видно также *перистомени*.

отказывались и отъ нѣкоторыхъ особенностей живой рѣчи, если только она совпадала съ книжной рѣчью, хотя бы эти особенности составляли исключительную принадлежность того или другаго русскаго нарѣчія. Само собою разумѣется, что больше всего они дорожили сходствомъ церковнославянскихъ звуковъ и формъ съ общерусскими. Собственно говоря, этотъ языкъ можно назвать не столько церковнославянскимъ, сколько *славянорусскимъ* въ самомъ общемъ значеніи этого слова. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ послѣдовательно выдержанъ: попадаются въ славянорусскихъ произведеніяхъ малорусскихъ писателей звуки и формы общерусскія вмѣсто церковнославянскихъ, иногда даже мѣстныя—малорусскія. Но центръ тяжести славянской рѣчи—не здѣсь, а въ искусственномъ соединеніи стихій церковнославянской съ общерусскою, которая казалась сходной въ томъ или другомъ отношеніи съ церковнославянскою, при чемъ послѣдняя считалась не только регуляторомъ, но и украшеніемъ рѣчи.

Чтобы выяснить эти общія положенія, остановимся на синтаксическомъ построеніи славянской рѣчи въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ малорусскихъ писателей XVII в.

III.

Синтаксическіе архаизмы въ старинныхъ южнорусскихъ памятникахъ.—Фиктивные архаизмы, не соотвѣтствующіе церковнославянскимъ.—Подлинные архаизмы подражательнаго происхожденія. — Стилистическое значеніе церковнославянскихъ элементовъ рѣчи въ южнорусской письменности.

Извѣстно, что въ древнеславянскихъ письменныхъ памятникахъ краткія причастія дѣйствит. залога, наст. и прошед. I, были употребляемы предикативно въ трехъ случаяхъ: 1) въ соединеніи съ различными формами глагола *быти*, напримѣръ: „и пастуси бѣахѫ въ той же странѣ бъдѧще“ (Остр. 250); 2) при глаголахъ воспріятія, ощущенія, наблюденія: „не прѣста сѧ лобызаѭщи ногѣ мои“ (ib. 233), „како не обрѣтошасѧ възвращьшесѧ дати славѫ Богоу“ (ib. 109); 3) послѣ вопросительныхъ и относительныхъ мѣстоименій, занимая въ этихъ случаяхъ мѣсто личныхъ глаголовъ: „не вѣдать бо сѧ что творѧще“ (ib. 191) [1]).

О первомъ изъ этихъ случаевъ Миклошичъ того мнѣнія, что это способъ выраженія не славянскій. Мы не отрицаемъ вліянія греческаго синтаксиса, и притомъ того греческаго синтаксиса, который явился въ твореніяхъ отцевъ церкви подъ вліяніемъ подражанія образцовымъ греческимъ писателямъ, которыхъ они хотѣли вытѣснить изъ византійскаго образованнаго міра собственными произведеніями, написанными по образу и подобію древнегреческихъ. Въ нашихъ Октоихахъ и Тріодяхъ—въ тяжеловѣсной славянской одеждѣ—и донынѣ еще сохранились нѣкоторые слѣды вліянія греческихъ поэтовъ, напримѣръ, Пиндара и даже Гомера. Подлинные стихи этихъ поэтовъ, нужно сказать, были неясны уже и для позднѣйшихъ грековъ, поэтому неудивительно, что въ славянскомъ переводѣ смыслъ ихъ еще болѣе затмился. Тѣмъ не менѣе многіе, такъ называемые, грецизмы были свойственны и церковнославянской рѣчи. Доказательство, между прочимъ, заключается въ томъ, что въ старочешскомъ и старопольскомъ языкахъ есть обороты рѣчи аналогическіе съ церковнославянскими, которые считались грецизмами, тогда какъ чешскій и польскій языки не стояли въ непосредственной зависимости отъ богослужебныхъ книгъ, написанныхъ поцерковнославянски. Вопросъ о степени вліянія греческаго синтаксиса на церковнославянскій нельзя считать вполнѣ выясненнымъ въ наукѣ,—но и теперь уже, послѣ изслѣдованія объ этомъ предметѣ г. Потебни [1]), можно сказать, что въ самой природѣ церковнославянскаго нарѣчія заключались естественныя условія для воспріятія вліянія со стороны греческаго синтаксиса, иными словами—сама по себѣ церковнославянская рѣчь не была чужда элементовъ, сходныхъ съ греческими способами слововыраженія. Если бы было иначе, то откуда славянскіе переводчики греческихъ книгъ могли бы заимствовать формы словъ, необходимыя для синтаксическихъ построеній, сходныхъ съ греческимъ строемъ рѣчи, напримѣръ, хотя бы формы краткихъ причастій, которыя составляютъ органическую принадлежность церковнославянскаго синтаксиса? Широкое употребленіе этихъ причастій, вообще говоря, свойственно было древнѣйшему состоянію всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Было время, когда и въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ краткія формы причастій не были еще превращены въ такъ называемыя дѣепричастія, т. е. не были вовлечены въ сферу полной зависимости отъ личныхъ глаголовъ,—поэтому, какъ въ предикативномъ, такъ и въ аппозитивномъ употребленіи ихъ еще не нарушалось согласованіе съ именемъ въ родѣ, числѣ и падежѣ.

[1]) Miklos. Syntax. der Slav. Spr. 822.

[1]) Мы разумѣемъ вторую часть капитальнаго труда г. Потебни: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“.

Слѣды потери краткихъ формъ причастія относятся къ первымъ вѣкамъ древнерусской письменности [1]). Въ XIV в. рѣзко выступаетъ эта потеря, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ. Въ южнорусскихъ грамотахъ XIV в. постоянно встрѣчаются формы: *чтучи, рекучи, вживаючи*, при именахъ сущест. въ множ.ч [2]). Тѣмъ не менѣе, въ то самое время, какъ приходили въ забвеніе формы этихъ причастій, функціи ихъ присущи были живому чувству языка. Распредѣленныя между многими формами, функціи съ теченіемъ времени, обыкновенно, отходятъ къ немногимъ уцѣлѣвшимъ формамъ, которыя служатъ для выраженія разныхъ функцій. Такъ случилось, какъ извѣстно, съ прошедшими простыми, функціи которыхъ сосредоточились въ прошедшемъ времени на *лъ*, при чемъ самая форма эта съ теченіемъ времени поставлена была въ особенныя условія для выраженія тѣхъ оттѣнковъ времени, которые принадлежали прошедшимъ простымъ. То же самое мы видимъ и въ краткихъ причастіяхъ. Когда они перестали измѣняться по падежамъ, то на окончанія неизмѣнныя (для наст. врем. *чи*, для прошед. *ши*) перенесено было функціональное значеніе вышедшихъ изъ употребленія разныхъ падежныхъ окончаній. Въ этомъ убѣждаетъ насъ синтаксическое построеніе рѣчи, сохранившееся въ южнорусскихъ грамотахъ XVI в. Оно отражается отчасти и въ современной намъ малорусской рѣчи, особенно въ языкѣ народныхъ пѣсенъ. Приведемъ примѣры:

Предикативное употребленіе краткихъ причастій.

I. Съ глаголомъ вспомогательнымъ: „*бачучи есмо* высокіи послуги князя“ (Грам. 1552 г.) [3]) „Тую уставу нашу *давши есмо* подданнымъ нашимъ“ (Грам. 1561 г.) [4]).

[1]) Лекціи по исторіи русскаго языка, Соболевскаго (1888 г.) стр. 156, 157: здѣсь приведены примѣры изъ многихъ памятниковъ, начиная отъ XI в. до XIV включительно.

[2]) АЗР. I. 25. АЮЗР. II. 102.

[3]) АЗР. II. 143. Многіе примѣры мы взяли у Миклошича (Vergleich. Syntax der Sl. Spr.), другіе сообщены намъ О. И. Левицкимъ, за что приносимъ ему искреннюю благодарность.

[4]) АЗР. III. 114.

II. При глаголахъ воспріятія, ощущенія, наблюденія и т. п. (соотвѣтственно съ греческой конструкціей inf. cum accus.): „шла она с поля з роботы и *обачила* трех человѣковъ *трясучи* грушу ее“ (Гр. 1562) [1]), „*застали есмо* людей корсовскихъ *оручи* землю“ (Гр. 1562 г.) [2]).

„Ударили дробні дощі, ударили тучі, ймили Петра Бондарюка у Харинюка спючи“ [3]).

III. Послѣ вопросительныхъ и относительныхъ мѣстоименій: „купцы и ремесники всякіе маютъ добровольно огонь у своихъ домѣхъ завжды держати, *коли хотяче*“ (Гр. 1506 г.) [4]) „Абы возы такъ продавали, *якъ* зъ дому *привезши*“ (Гр. 1541 г.) [5]).

„Тутъ я шапку з себе хутко, в віконце, *як мога*“ [6]).

„Нема спинку вдовиному синку, що звів з ума чужую дитинку: *як извівши*, на коника *сівши:* „будь здорова, любая розмова!“ [7]).

Аппозитивное употребленіе краткихъ причастій.

Здѣсь особеннаго вниманія заслуживаетъ, такъ называемый, дательный самостоятельный. Слѣды этой конструкціи въ изобиліи встрѣчаются въ южнорусскихъ грамотахъ: „Поведили: *женучи* дей *намъ* вепровъ кормныхъ, то пакъ панъ Окуровскій споткалъ насъ, прудко у санкахъ бегучи“ (Гр. 1564 г.) [8]); „*будучи намъ господарю* на великомъ соймѣ, донесли прозьбы свои“ (Гр. 1565 г.) [9]); „*намъ сѣдши* на отчизномъ нашомъ столцы, есмо напоминали“ (Гр. 1507) [10]). Миклошичъ называетъ эти обороты рѣчи отголоскомъ (nachklang) церковнославянскаго языка, даже въ томъ случаѣ, когда причастіе сохраняетъ форму дат. падежа, напримѣръ: „сталося... лѣта Божьего... мѣсяца... при томъ *будучимъ*“...

[1]) Луцк. кн. л. 179.

[2]) Ibid. л. 127.

[3]) Гол. I. 176.

[4]) АЗР. II. 3.

[5]) АЮЗР. I. 113.

[6]) Чуб. V. 655.

[7]) Ibid. 275. 8.

[8]) Луцк. кн. л. 9.

[9]) АЗР. II. 138.

[10]) Ibid. II. 21.

(далѣе слѣдуютъ имена свидѣтелей: Гр. 1510) [1]). Мы тоже думаемъ, что это отголосокъ церковнославянской старины—только, во всякомъ случаѣ, не подражательный. Доказательство заключается въ томъ, что и въ народной малорусской рѣчи встрѣчаются довольно частые слѣды дательнаго самостоятельнаго: „як *тий зозулі* въ саду *кукучи*, так *вашій сестриці* там *горюючи*“ [2]); „горе *мені* на чужини, без батенька *живши*“ [3]).

Но если и теперь еще въ малорусскомъ нарѣчіи продолжается старинная традиція въ построеніи рѣчи, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что она составляетъ въ ней господствующее начало. Малорусское нарѣчіе въ своемъ историческомъ развитіи шло тѣмъ же путемъ, какъ и всѣ другія, т. е. теряя старинную сжатость предложенія и безразличіе его составныхъ частей, постепенно переходило къ аналитическому строю рѣчи. По мѣрѣ того, какъ краткія причастія получали неподвижную форму неизмѣняемыхъ словъ, они уже не могли согласоваться съ именами существительными, и вмѣстѣ съ тѣмъ начали тяготѣть къ глаголу, какъ къ центру предложенія, которое въ слѣдствіе того получило бо́льшую грамматическую опредѣленность, бо́льшую расчлененность своихъ составныхъ частей. Въ связи съ этими перемѣнами въ причастныхъ формахъ предиката и аппозиціи, падали и, такъ называемые, вторые падежи, замѣняясь развитыми придаточными предложеніями, неопредѣленнымъ наклоненіемъ и проч.

Вмѣстѣ съ разнообразіемъ, которое при этомъ не исключало единства, обусловленнаго болѣе отчетливыми требованіями мысли, предложеніе пріобрѣтало бо́льшую выразительность, и рѣчь становилась подвижнѣе.

Таковъ общій ходъ синтаксическаго перестроя рѣчи не только литературной, подвергавшейся разнообразнымъ посторонним вліяніямъ, но и болѣе консервативной народной рѣчи, какъ великорусской, такъ и малорусской.

---

[1]) Vergleich. Syntax, 828.
[2]) Чуб. V. 751.
[3]) Ibid. 1041.

Безъ сомнѣнія, въ XVI—XVII в. малорусское нарѣчіе слѣдовало новому теченію рѣчи, а не старому. Въ этомъ легко убѣдиться посредствомъ сравненія письменныхъ памятниковъ одинаковаго содержанія болѣе позднихъ съ древнѣйшими.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ Пересопницкаго евангелія сравнительно съ Остроміровымъ.

Предикативное употребленіе краткихъ причастій.

I. „Бѣхѫ сѣдмцѣ фарисеи“ (Остр. 90, обор.).

„И сидѣли тамъ фарисеи“ (Перес. 34).

II. „Изиде ис и оузрѣ мьздоимьца именемь леуиѣ сѣдмща на мытьници“ (Остр. 92).

„А потомъ вышолъ и оузрѣлъ мытника имене Левїю а шнь сѣдитъ на мытници“ (Перес. 35).

III. „Вьземлеши ього же не положь и жнеши ього же не сѣялъ“ (Луки 19. 21).

„Берешь та, где єси не положилъ и пожинаешь где єси не сѣмль“ (Перес. 66).

Дательный самостоятельный мелькаетъ то тамъ, то здѣсь въ Пересопницкомъ евангеліи въ видѣ подражанія церковнославянской рѣчи, и въ этомъ случаѣ самое причастіе настоящаго врем. является не въ русской формѣ (*чій*), а въ церковнославянской (*щій*). Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ этотъ оборотъ рѣчи выражается или полнымъ придаточнымъ предложеніемъ, или независимымъ предложеніемъ съ личнымъ глаголомъ:

„Ищє же ємоу не далече сѫщѫ отъ домоу посла къ нємоу сѣтьникъ“ (Остр. 95).

„А коли не далеко былъ ѿ домоу посла противъ него сотьникъ“ (Перес. 38).

„Отъмѣтаѭщемъ же сѧ высѣмъ“ (Остр. 101).

„И не пїзнальсѧ никто“ (Перес. 43).

Вообще придаточныя предложенія, выраженныя въ Остроміровомъ евангеліи посредствомъ краткихъ причастій, передаются въ Пересопницкомъ евангеліи большею частію посредствомъ полныхъ:

„Бѣ оучѧ нс на єдиномь отъ сѣборищь въ сѣботы и се жена дхъ имѣщи недѹжьнѣ нг лѣтъ“ (Остр. 105).

„Быль пакы іс на єдиномь ѿ сѣборищь и насучаль всоуботѹ. была тѣжь тамь жона таіа котораіа не могла ѿ доуха нг лѣть“ (Перес. 55).

Встрѣчаются иногда въ Пересопницкомъ евангеліи слѣды стариннаго синтаксиса, напр., вторые падежи, но въ употребленіи ихъ замѣтно колебаніе, склоняющееся къ именит. съ творит. вмѣсто двухъ именит., къ винит. съ творит. вмѣсто двухъ винительныхъ:

„Имѣи мінѣ ѿрѣченнымъ, а въ слѣдующей строкѣ: „Имѣи мінѣ ѿрѣченна“ (Перес. 57).

„То не можѣ быти моімь оучникомь“ (ib. 58).

„Вѣра твоѧ тѣбѣ здорового оучинила“ (ib. 43).

Что же представляетъ книжная малорусская рѣчь XVII в., которую мы назвали *славянорусскою?*

Мы знаемъ общественно-религіозныя и политическія условія ея появленія, поэтому и неудивительно, что въ ней господствуетъ церковнославянская старина, и притомъ не всегда подлинная, но часто—подновленная, искусственная. Любопытная особенность этого подновленія заключается въ томъ, что малорусскіе писатели не отказывались отъ изобрѣтенія такихъ формъ, которыя нельзя назвать ни старыми, ни новыми, которыхъ нельзя отыскать въ древнеславянскомъ нарѣчіи и ни въ одномъ народномъ славянскомъ нарѣчіи.—Таковы, напримѣръ, формы причастій краткихъ и полныхъ въ мужес. р. имен. пад.: живѹщъ, сѹщій, живѹщій, жившій, напр.: „ѡнъ єсть пастыр добрый полагаючъ дш свою за ѡвцы“ (Мечъ Б. 189). Вообще славянорусская рѣчь изобилуетъ широкимъ употребленіемъ причастій, съ которыми связано старинное построеніе предложеній. Замѣчательно при этомъ, что краткія формы причастій (точно такъ же, какъ и краткія формы именъ прилагательныхъ) употребляются иногда аттрибутивно, вопреки предписаніямъ грамматики Мелетія Смотрицкаго, который отрицалъ въ этихъ причастіяхъ косвенные падежи:

„Совѣтоваша нарочитѣ и разѹменъ мѹжъ къ великѡ Новгородѣ живѹщ Гостомыслѣ“ (Син. 20).

„Вщѣ жива вщ Олга“ (ibid. 25).

„Турцы отруиша своего царя Баязета, яко несчастлива суща“ (Густ. л. 363).

Гораздо чаще встрѣчаются эти причастія въ аппозитивномъ употребленіи, какъ съ именит. падежемъ, такъ и съ дательнымъ (въ видѣ дательнаго самостоятельнаго): „Той ѩже идет за цастем ѹповающи на него“ (Мечъ Б. 134) „явися въ Полщи новая немощь, глаголемая франца, южъ нѣкая *жена ходяще* на отпусты, принесе зъ Риму до Кракова“ (Густ. л. 360).

„Тѣло и душа, ідѣ въ Рай очима см прелестникше, согрѣшиста: тѣло оузрѣвши, ѩко запрѣщенный ѡво древо єсть красенъ: душа волюбши, ѩко ѡкрѣзвт см очи ѣм“ (Мечъ Б. 129).

„Не малу времени пришедшѹ, прійдоша трі братіѧ“ (Син. 16).

„Бгъ тако грѣхъ ради члвѣческихъ попѹстившѹ“ (ibid).

Вторые падежи составляютъ постоянную принадлежность славянорусской рѣчи:

„Содѣлаем всѣм Россіи Самодержцъ“ (Син. 38).

„Пятый ідолъ кѹпало, его же Бога подшкъ земныхъ бити мнѧхѹ“ (ibid. 43).

Это одинъ изъ греческихъ оборотовъ рѣчи, которые, какъ извѣстно, съ особенною охотою вносились въ славянскій текстъ Библіи острожскими переводчиками ея.

Причастіе прошедшее гораздо чаще употребляется съ вспомогательнымъ глаголомъ, чѣмъ безъ него. Но особенное пристрастіе замѣтно къ старинному аористу и прошедшему продолженному времени. Простыя и сложныя прошедшія смѣшиваются иногда до безразличія. Иногда одинъ и тотъ же глаголъ въ двухъ рядомъ стоящихъ строкахъ принимаетъ форму то простаго, то сложнаго прошедшаго, напримѣръ: „саранча великія шкоды *учини*“ и „огонь въ Краковѣ много шкоды *учинилъ*“ (Густ. л. 359). „Перунъ... распятіе рѣзанное *распорошилъ*“, а чрезъ нѣсколько строкъ: „распятіе паки *распороши*“ (ibid). Впрочемъ, большею частію простыя прошедшія употребляются въ

прямой рѣчи, а сложныя въ косвенной, напримѣръ: „*Устави* (Патріархъ) братства и ставропигія, *дабы* наши овцы *не повиновалися* намъ“ (Густ. л. 371). „Нынѣ мы *умыслихомъ* просити короля и всего сенату, *дабы* насъ *заховали* при волостяхъ“ (ibid).

Ко всему этому нужно прибавить, что въ славянорусской рѣчи для соединенія предложеній постоянно употреблялись церковнославянскіе союзы: ѥгда̀, вн҃гда̀, по́не, а҃ще, о҃бачѣ, поне́же, занѐ, ко́е҃же, ѓко и т. п. Изъ русскихъ союзовъ приняты были только тѣ, которые имѣются и въ церковнославянскомъ нарѣчіи. Это было своего рода архаическое украшеніе рѣчи, не мало вредившее простотѣ и естественности ея.

Такъ разрѣшали задачу свою тѣ малорусскіе писатели, которые въ церковнославянскомъ языкѣ видѣли готовый литературный органъ для выраженія мыслей. Они стремились возстановить этотъ языкъ во всей полнотѣ и чистотѣ его, но, помимо ихъ воли и сознанія, это уже не былъ церковнославянскій языкъ со всѣми его типическими особенностями. Въ приведенныхъ примѣрахъ рѣчи легко видѣть значительныя погрѣшности въ употребленіи церковнославянскихъ причастій, которыя часто не согласуются съ своими существительными въ родѣ: „тоѣ҃ ѓпова́кщи, *жена ходяще,* тѣ҃ло ѓсѫ҃рѣ҃ко́шн“. Подобныя ошибки встрѣчаются на каждомъ шагу. Очевидно, малорусскіе писатели употребляли церковнославянскія формы порусски,—иными словами, съ церковнославянскими формами они не соединяли тѣхъ функцій, которыя нѣкогда были имъ присущи. Слѣдовательно, сами по себѣ церковнославянскія формы составлали нѣчто внѣшнее по отношенію къ тому языку, на которомъ они думали и говорили въ обыденной жизни. Сохранялась такимъ образомъ одна видимость церковнославянской рѣчи, которая считалась нарядной одеждой мысли, всегда обращенной къ матеріямъ болѣе или менѣе важнымъ. Это была ветхая одежда старика-отца на молодомъ организмѣ юноши-сына. Она была надѣта отчасти по нуждѣ, отчасти по убѣжденію въ томъ, что она можетъ доставить почетъ и уваженіе отъ тѣхъ людей, которые привыкли цѣнить въ человѣкѣ не столько личныя достоинства, сколько наслѣдственныя права его.

Книжная малорусская рѣчь въ XVII вѣкѣ.

I.

Славенороссκій лексиконъ Памвы Берынды.—Составъ лексикона.—Значеніе польскаго языка въ средѣ малорусскихъ писателей.—Взаимодѣйствіе вліяній между нарѣчіемъ малорусскимъ и польскимъ въ лексическомъ отношеніи.—Слова, встрѣчающіяся въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и польскомъ.—Спрягаемое причастіе на *лъ* съ глагольнымъ корнемъ *ѥс.*—Дѣйствительные полонизмы въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Въ 1627 году напечатанъ былъ въ типографіи кіево-печерской лавры *Лексиконъ славенороссκій* Памвы Берынды. Чрезъ двадцать шесть лѣтъ послѣ этого—въ 1653 году явилось второе (кутеинское) изданіе этой книги. Время между первымъ и вторымъ изданіемъ ея названо въ предисловіи къ этому послѣднему *не барзо долгимъ часомъ,* въ теченіи котораго лексиконъ Берынды „такъ ѡскѫдѣлъ, же ѡмаль гдѣ его́ ви́детъ ка́рзо“ [1]). Главнымъ побужденіемъ къ новому изданію его служило то обстоятельство, что „великосла́вный и к мо́цѣ шыро́кій ѩзы́къ славе́нскій... тр҃вдно сло́ и на́зкискъ... не ма́ло к' собѣ ма́е҃, зачы҃ мно́гіе... ко-

[1]) Изъ библіотеки кіевскаго университета кн. за № 74. Считаемъ нужнымъ предупредить тѣхъ, кто пожелаетъ пользоваться для изученія лексикона П. Берынды изданіемъ Сахарова (Сказанія русскаго народа, т. II), что оно на каждой страницѣ представляетъ множество опечатокъ и даже рѣзкихъ искаженій стариннаго текста. Для образца выписываемъ слово *тченіе,* которое у Сахарова объясняется подъ словомъ *тупоносый* (sic) слѣдующимъ образомъ: „*тупоносый,* плосконосый; *тченіе,* тканье полотна, или сукна; *або текстъ,* исправь послѣднюю строку, отъ самаго тченія, бо, чтеніа, зле тамъ есть“ (стр. 106). И дѣйствительно, *зле есть,*—только не въ подлинникѣ, а въ выписанныхъ нами строкахъ, ибо здѣсь послѣ слова *текстъ* пропущены слова: „к҃: а҃: м҃: ѯ҃вкі҃“ (174), т. е. „*Бесѣды Іоанна Златоуста на посланія апостольскія*“. П. Берында предлагаетъ исправить слово „ч҃тенїа“, т. е. вмѣсто этого слова поставить слово „т҃тенїа“.

тóрын не чáсто ѣгò зажинáю, для невырозумѣнѧ ѡны... мáлый з' читáм ѡнóсѧ пожытó...“

И въ самомъ дѣлѣ, не велики были въ то время свѣдѣнія о славянскомъ языкѣ въ средѣ обыкновенныхъ читателей. Судить объ этомъ можно по тому, что въ лексиконѣ Берынды нѣкоторыя слова приводятся въ разныхъ грамматическихъ формахъ, которыя, по видимому, затрудняли многихъ читателей такъ же, какъ и самое значеніе словъ. Такъ, напримѣръ, одни и тѣ же глаголы встрѣчаются въ 1 и 2 л. един. ч. наст. вр., хотя основною формою глагола считается первая изъ нихъ: вѣси (20), дáмы (32): послѣдняя форма приведена для того, чтобы отличить ее отъ „дá“, стоящаго рядомъ съ мѣстоименіемъ „мы“. Одинъ и тотъ же глаголъ объясняется въ формѣ аориста и преходящаго времени, въ формѣ повелит. накл. и причастія, напримѣръ, глаголъ: навыкнýти (54), а также формы: бысть (11), престá (122), вѣждáхѡсѧ (11), вѣдáмѡ (11), вонмѝ (16), вóнмѣмъ (16) и т. п. Точно такъ же имена существительныя, прилагательныя и мѣстоименія часто приводятся въ косвенныхъ формахъ, напримѣръ: любвѐ (74), гадáнми (27), замáтерѣвшы (49), ѥмѡже (4), мѝ (78) и т. п.

Мы видѣли, что и въ средѣ писателей свѣдѣнія о славянскомъ языкѣ не отличались надлежащей полнотой и отчетливостію. Славянскимъ языкомъ они считали языкъ славянорусскій, употребляя его иногда въ сочиненіяхъ такого рода, которыя требовали рѣчи болѣе простой и естественной. Такъ, Петръ Могила въ собственноручныхъ запискахъ своихъ говоритъ о предметахъ и явленіяхъ обыденной жизни тѣмъ самымъ языкомъ, на которомъ написаны имъ же составленныя церковныя пѣснопѣнія и каноны. Чувствуется на каждой страницѣ его записокъ слишкомъ серьезный тонъ, который не соотвѣтствуетъ бытовымъ подробностямъ жизни. Приводимъ одинъ примѣръ изъ многихъ подобныхъ: „Въ градѣ Бѣлоцерковскомъ Яну Пикгловскому родися дщи. По обычаю же баба, въспріемши отроча, пупокъ урѣза, нъ недобрѣ связа. Не внемшижъ се бабѣ, положи отроча въ корытцѣ, объ нощь же кровь изъ отрочате течаше пупкомъ, кровію же исплъвъ, умираше“ (стр. 99).

Можно полагать, что и въ то время этотъ разладъ между словомъ и его содержаніемъ не могъ производить благопріятнаго впечатлѣнія на тѣхъ читателей, которые сознавали, что съ славянскою рѣчью нельзя было обращаться запросто, не роняя ея важности и достоинства. „Евангелія и Апостола, говорилъ еще І. Вишенскій, простымъ языкомъ не выворочайте; по литургіи же для выразумѣнія людского попросту толкуйте и выкладайте“ [1]). Мысль о неприкосновенности славянскаго языка въ церковныхъ обрядахъ и богослужебныхъ книгахъ составляла общее убѣжденіе всѣхъ малорусскихъ писателей въ XVII в. Вотъ что пишетъ Арсеній Желиборскій, епископъ львовскій, въ предисловіи къ изданному имъ въ 1644 году Требнику: „што́ сѧ тычетъ новыкынúклыхъ, што дéнь ѡтмѣнныхъ, такъ тéжту ѣко и сѣнѡ, ѵнишим' тупографíямъ звычáйныхъ корректѡръ и попрáвок', тымъ дáлисмы покóй: мáючи зá то, же в' рыхломъ (што дай Бѫже) чáсѣ, за ѵсѣщимъ Архíерéвъ православнóмъ Цр҃кве Россíйскомъ совѣтó“, и не ѡспáлымъ стараніемъ, стáнетъ ѣднá ѕакáм статéчнам и не ѡмѣннам, такъ старопретлумачóныхъ книгъ корректѡра, ѣко, и в' нáшомъ словéнскомъ ѩзыцѣ ещѐ не бы́лыхъ претлумачéніе“ [2]).

Но какъ провести разграничительную линію между языкомъ *простымъ* и *непростымъ „по литургіи“*, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось говорить и писать *„для выразумѣнія людского?“*. Какъ воздержаться отъ книжнаго слова тамъ, гдѣ въ простомъ языкѣ не было подходящаго? Какъ устранить простое слово, не всегда удобное для выраженія важной мысли, тамъ, гдѣ книжное, болѣе солидное, было уже неясно?

Выходъ изъ этого положенія для малорусскихъ писателей представлялся въ сближеніи славянорусской рѣчи съ обыкновенною разговорною рѣчью грамотныхъ, *„письмéнныхъ“* людей. Собственно говоря, вполнѣ сознательные первые шаги въ этомъ направленіи сдѣланы были еще во второй половинѣ XVI вѣка,

---

[1]) АЗЮР. т. II, 210.

[2]) Изъ библіотеки кіевской духовной академіи кн. подъ № с. 11.

но, пока не приведены были въ извѣстность грамматическія особенности славянорусской рѣчи, оно не могло развиваться систематически. Только въ эпоху Петра Могилы, послѣ появленія грамматики Мелетія Смотрицкаго, сдѣлалось возможнымъ прочное взаимодѣйствіе между рѣчью книжною—славянорусскою и народною. Плодомъ этого взаимодѣйствія была *книжная малорусская рѣчь*, которая должна была удовлетворять, какъ людей болѣе книжныхъ своею грамматическою правильностію, такъ и людей менѣе книжныхъ своею общедоступностію. Писатели малорусскіе называли эту рѣчь *русскою мовою*, *россійскимъ языкомъ*, иногда же просто—*языкомъ русскимъ*.

Сводъ матеріаловъ этой рѣчи мы имѣемъ въ *славенороссомъ* лексиконѣ Памвы Берынды.

Началъ онъ свой трудъ въ домѣ благочестиваго пана Ѳеодора Балабана, который понудилъ его, „аще и проста, реченія и имена славенская избирати“ [1]). По смерти Балабана, Берында занимался исправленіемъ и печатаніемъ книгъ во Львовѣ. Какъ знатокъ типографскаго дѣла, вызванъ онъ былъ Елисеемъ Плетенецкимъ въ Кіевъ, гдѣ и умеръ въ должности Архитипографа кіево-печерской лавры (1632). Служебное положеніе его давало ему достаточныя побужденія и средства къ продолженію давно начатаго труда, которымъ занимался онъ въ теченіи тридцати лѣтъ своей жизни. Такимъ образомъ лексиконъ Берынды есть ничто иное, какъ записная книга умнаго типографа, который не могъ относиться безсознательно къ славянскимъ книгамъ, напечатаннымъ подъ его наблюденіемъ. Составитель лексикона имѣлъ въ виду прежде всего уяснить для самаго себя значеніе непонятныхъ для него словъ, руководствуясь не столько учеными соображеніями, сколько практическою надобностію. Поэтому мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Буслаева, что Берында былъ *ученымъ изслѣдователемъ* [2]). Конечно, онъ былъ образованнымъ человѣкомъ своего времени: ему извѣстны были грамматическія формы словъ, правильное употребленіе и начертаніе

[1]) Сказанія русскаго народа, Сахарова, т. II, 7.

[2]) Историческая хрестоматія Буслаева, 1111.

ихъ. Но мы не нашли въ лексиконѣ его того, что нашелъ г. Буслаевъ, т. е. „сравненія формъ различныхъ славянскихъ нарѣчій“ [1]). Правда, Берында для объясненія *значенія* словъ прибѣгаетъ иногда къ другимъ славянскимъ и даже не славянскимъ нарѣчіямъ, но свѣдѣнія его въ этой области сбивчивы и скудны. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

1) „пѣ́тель: чѣ́ски и рѕ́ки когѕ́тъ, коли́нски пѣ́вень, литоски петѕ́хъ“ (133);

2) „чпа́гъ: книши́нъ, шабе́лта́, биса́га, та́шка, ка́пка, тлѕ́мокъ, ка́цокъ, слова́цки, то́рба, мошна, чѣ: тобо́ла́, мѣшо́, оу́го́рски, ґрши́ны“ (204).

Въ предисловіи къ первому изданію своего лексикона Берында жалуется, что трудъ его былъ *презираемъ* со стороны какихъ-то *хульниковъ*. Мы не знаемъ, въ чемъ заключались мнѣнія этихъ *хульниковъ*. Можетъ быть, они смущались наивной этимологіей лексикографа, который думалъ, что „цр҃ковь назва́на ѥ҃сть ѿ царѧ, ѩ҃же ца́рскимъ до́момъ ѥ҃ст҃“ (201),—этимологіей тѣмъ болѣе странной, что въ другомъ мѣстѣ самъ Берында предлагаетъ другое—болѣе вѣроятное объясненіе слова *церковь*: „ѥ҃сть цр҃ковь ѡкрѕ́жны҃ѧ ѡбведе́на и ѡбвара́скана цы́рклем҃, ѿ кото́рого сло́ва, и ѥ҃тѵ́монъ ско́й, что҃ ѥ҃сть, кы́кодъ ма́етъ“ (219). Можетъ быть, они недовольны были грамматическимъ безпорядкомъ, который допускалъ Берында, отступая во многихъ случаяхъ отъ грамматической формы объясняемаго слова,—переводя, напримѣръ, слово „непоро́ченъ“—словомъ: „безнага́ны“ (94), слово „тѕ́гнѹ“—словами: „грѕ́мъ, перѕ́нъ“ (174) и т. д. Могли не соглашаться они съ самою сущностію объясненій Берынды. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что для оцѣнки труда Берынды нужно принимать во вниманіе глухой намекъ его на современныхъ ему *хульниковъ* такъ же точно, какъ и мнѣніе кутеинскихъ издателей лексикона, которые называютъ его *потребнымъ и пожитечнымъ для многихъ*. Дѣйствительно, онъ былъ *потребнымъ и пожитечнымъ*, какъ всякая

[1]) Ссылки на кутеинское изданіе, приведенныя у Буслаева, при сличеніи оказались невѣрными.

справочная книга, съ которою можно было соглашаться и не соглашаться по мѣрѣ начитанности въ славянскихъ книгахъ и ученой подготовки самаго читателя.

Въ наше время лексиконъ Берынды представляетъ интересъ этнографическій и историко-филологическій, какъ сборникъ старинныхъ понятій, вѣрованій и преданій, которыя отчасти сохранились въ народѣ и до настоящаго времени. Впрочемъ, для нашей цѣли гораздо важнѣе самый составъ *славянороссkаго* лексикона, и именно той части его, которую Берында называетъ *росскою*. Здѣсь собраны слова *подобоименныя*, которыя Берында считалъ болѣе понятными для читателя, чѣмъ слова славянскія.

Итакъ, что же Берында называетъ словами *росскими?*

Во первыхъ, *славянорусскія* слова, свойственныя славянскому и всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, напр: „го́ре: бѣда̀“ (30), „гра́дъ: и́дъ, прохожъ“ (32), „кра́вь: кро́вь, що̀ в҃ тѣ́лѣ є҃“ (68). Одно изъ этихъ словъ Берында сопровождаетъ любопытнымъ, орѳографическимъ примѣчаніемъ: „благо, говоритъ онъ, гды пи́шѣ́мъ безъ҃ ти́тлы, въ Ро́ссской мовѣ зна́читъ: не гара́здъ, мдлѣ́, недо́бре, оу҃ло́мне, зи́мно, лѣ́нно, гнѣ́сно, бѣ́дно, си́не, що тр҃пѣ́нію фа́рбъ ма́етъ“. (4). Сюда же относятся слова, выдуманныя изъ корней славянорусскихъ: „бы́тїе: бы́тность“ (11), „вели́чїе: вели́ко҃, высо́ко҃“ (13), „вое́вода: воинъствово́децъ“ (16), „глы́бина: глы́бокость“ (28).

Во вторыхъ, *общерусскія* слова: „благовѣщѣ́нїе: пого́да, и҃сная пого́да“ (7), „і҃же: кото́рїй“ (63), „дне́сь: сего́дня“ (34). Большею частію слова этой группы передаются посредствомъ измѣненія фонетики церковнославянской на общерусскую: „кра́ва: коро́ва“ (67), „бразда̀: борозна̀“ (10), „ви́ждъ: ви́жъ“ (14), „загражде́нїе: загороже́нье“ (47). Нѣкоторыя древнерусскія слова сдѣлались уже непонятными: такъ, слово „которà“ Берында считаетъ нужнымъ объяснить словомъ „скаръ“ (67).

Въ третьихъ, польскія слова. Они представляютъ въ лексиконѣ Берынды значительный процентъ всего состава *росскихъ* словъ, причемъ объясняемыми словами иногда являются у него тѣ же польскія слова, напримѣръ: „жѐ: а҃, ле́чь, ѡ҃ка́жѐ, и҃ли́ тѣ́жъ, сѧ́зъ сѧ҃тѣпля́ющ҃“ (42); „кі́лѝ: ча́ша“ (63). Полагать надобно, что въ этихъ двухъ примѣрахъ польскія слова попали не на свое мѣсто по недосмотру лексикографа. По видимому, онъ считалъ нѣкоторыя слова, имѣющія въ польскомъ нарѣчіи спеціальное значеніе, органическою принадлежностію *росской мовы* въ томъ же значеніи: такъ, по поводу слова: „дѣ́ло“ онъ говоритъ: „россі́йски и҃ по́лски стрѣ́лба̀ вели́кам зовѣ́тсѧ“ (39). Вообще же онъ не считалъ искаженіемъ *росской мовы* употребленіе въ ней польскихъ словъ, лишь бы они написаны были славянскими буквами. Нерѣдко въ лексиконѣ своемъ онъ приводитъ *подобоименныя* польскія слова для объясненія славянорусскихъ словъ, которыя не нуждаются въ объясненіи: такъ, при словѣ „вѣ́ра“ стоятъ у него: „набожѣ́ство, рели́ѣ“ (26), при словѣ „си́ла“ — слова: „мо́цъ, та́к҃же цно́та“ (136) и т. п.

Можно отчасти объяснить эту широкую терпимость Берынды къ польскимъ словамъ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ, какъ и большинство литературныхъ дѣятелей того времени, были уроженцы волынской и галицкой земли, гдѣ съ особенною силою чувствовалось вліяніе польской культуры съ литературнымъ и общественнымъ органомъ ея—польскимъ языкомъ. Но были и другія причины, дававшія этому языку вѣсъ и значеніе въ глазахъ малорусскихъ писателей XVII вѣка. Одна изъ нихъ указана въ книгѣ, которая вышла въ свѣтъ изъ типографіи кіево-печерской лавры въ 1645 году подъ заглавіемъ: „Сѧбра́нїе коро́тко́ наво́къ ѡ҃ артико́лахъ вѣ́ры правосла́вно-ка҃до́лнческои҃ Хр҃сті҃а́нскои҃“[1]). Въ предисловіи къ этой книгѣ, имѣвшей въ свое время для южной Руси глубоко православное значеніе, говорится, что она „ча́сѣ҃ неда́вно҃ про́шлого҃“ напечатана была „дїале́ктомъ по́лскимъ ,для пѣ́кныхъ и҃ пова́жныхъ причи́нъ, а не мнѣ́и҃ для то́ѣи҃: а҃бы оу҃ста невсты́дли́выхъ поме́вцовъ затамова́ны были́, кото́рые, вѣ́дѣ́чи непрї҃ѧтѣ́лми головны́ми цр҃кви вехо́днеи҃, дїале́ктомъ по́лскимъ смѣ́ли и҃ ка́жнлисѧ ро́зными гере́зїами цр҃ковь православна҃до́лнческою ма́жѣ́чи, свѣ́тѣ҃ ѡ҃гижа́ти. А҃бы такимъ же дїале́ктомъ (гды правди́вое,

[1]) Изъ император. публичной библіотеки кн. подъ № 13 (III—5).

кызни́ѣ цр҃кве чита́ти вѣдѧтъ), зра́жены и пога́нены, вѣчне зостава́ли. Тепе́рь зась повто́ри тѣ́мъ самѣ́мъ кни́жечка... дїалектомъ ро́скимъ пр҃ѣ дрѣвнѣ свѣтѹ пѹблїкѹетсѧ..“ Выписанныя нами строки рисуютъ живую картину того отдаленнаго отъ насъ времени. Оказывается, что польскій языкъ проникалъ, такъ сказать, въ самое святилище церковно-литературной дѣятельности—именно потому, что она стремилась освободиться отъ польскихъ вліяній. Кто хотѣлъ распространить православныя идеи въ болѣе обширномъ кругу читателей, тотъ долженъ былъ обращаться къ польской рѣчи. Понятно такимъ образомъ, почему многіе малорусскіе писатели владѣли ею въ совершенствѣ. Самъ Петръ Могила написалъ лучшее свое сочиненіе попольски [1]). Отсюда ведутъ свое начало многіе полонизмы въ книжной малорусской рѣчи, отъ которыхъ не свободны были малорусскіе писатели не только въ періодъ польскаго государственнаго режима, но даже и тогда, когда онъ отошелъ уже въ вѣчность.

Есть нѣкоторая доля польской примѣси и въ самой народной малорусской рѣчи. Мы не беремся судить о томъ, какъ велика эта примѣсь. Думаемъ даже, что задача эта въ настоящее время совсѣмъ не выполнима за недостаткомъ подготовительныхъ работъ. Она будетъ рѣшена только тогда, когда мы будемъ имѣть истинно научный *историческій* словарь малорусскаго нарѣчія. Появился недавно малорусскій словарь Е. Желеховскаго, но это—простой перечень малорусскихъ словъ, составленный безъ всякой критики источниковъ [2]). Во всякомъ случаѣ, не предрѣшая вопроса о вліяніи польскаго языка на малорусскій, считаемъ не излишнимъ замѣтить, что и въ польскомъ языкѣ не мало есть словъ малорусскаго происхожденія, которыя входили въ него въ теченіи многихъ вѣковъ совмѣстной жизни малорусскаго племени съ польскимъ. Въ основѣ современнаго намъ литературнаго польскаго языка лежитъ малопольское нарѣчіе, которое состаляетъ юговосточную разновидность мазурскаго, сосѣдняго съ южнорусскими говорами галицкой Руси. Не могло не отразиться это сосѣдство на лексическомъ составѣ литературнаго польскаго языка. Творцы его *Кохановскій* и *Рей* были малополяне: послѣдній родился и вырось въ Червонной Руси. Второстепенные поэты золотаго вѣка польской литературы *Шимоновичъ* (1557—1629) и *Зиморовичъ* (1597—1628) были уроженцы г. Львова. Произведенія ихъ проникнуты искренней симпатіей къ жизни малорусскаго простонародья и переполнены словами, взятыми изъ устъ его. Въ польскую рѣчь такъ называемаго образованнаго общества входили малорусскія слова и другимъ путемъ,—путемъ усвоенія польской культуры, которое сопровождалось принятіемъ католичества и отреченіемъ высшаго южнорусскаго сословія отъ своей народности. Само собою разумѣется, что въ новой обстановкѣ не всегда была возможность подавить привычки къ родной рѣчи, которая незамѣтнымъ образомъ входила въ польскую рѣчь. На этой почвѣ взаимодѣйствія получились цѣлыя массы словъ, о происхожденіи которыхъ трудно сказать что нибудь рѣшительное. Сложность вопроса увеличивается еще оттого, что есть значительное количество словъ, по видимому, польскихъ или малорусскихъ, между тѣмъ слова эти встрѣчаются и въ великорусскомъ нарѣчіи. Мы разумѣемъ не тѣ польскія слова, которыя появились въ литературномъ русскомъ языкѣ путемъ прямаго или косвеннаго заимствованія изъ языка польскаго [1]). Мы имѣемъ въ виду такъ называемыя областныя слова, которыя не легко поддаются теоріи заимствованія [2]). Есть, наконецъ, слова, общія

[1]) Aiboć albo kamiń z procy prawdy cerkwie świętey prawosławney Ruskiey. Kiow. 1644. О сочиненіяхъ на польскомъ языкѣ Сильвестра Коссова, Лазаря Барановича и другихъ малорусскихъ писателей XVII в. см. Обзоръ русской духовной литературы, архіепископа Филарета.

[2]) „Малоруско-німецкій словар“, Львів, 1886.

[1]) Такихъ словъ Я. Гротъ насчитываетъ 94. См. Филологическія разысканія т. I.

[2]) Представляемъ для образца нѣсколько десятковъ такихъ словъ:

Або – ли, или, иначе; *Рязанс.* Польс. *albo*, малорус. *або*.

Абы 1) дабы, чтобы: *Пенз.*, *Рязанс.*, 2) какъ-нибудь: *Казанс.*, *Рязанс.* Польс. *aby*, малор. *аби*.

Вабить – обманывать, обольщать: *Тамб.* Польс. *wabić*, малор. *вабити*.

Вадить 1) проводить время, нережидать, 2) не исполнять, обманывать: *Новг.* Польс. *wadzić* безпокоить, ссорить, малор. *вадити* – вредить.

Вежа – шалашъ, покрытый хворостомъ и дерномъ: *Арх.* Польск. *wieża* – башня, малор. *вежа* – въ томъ и другомъ значеніи.

Вечерять – ужинать: *Пенз.*, *Смоленс.* Польс. *wieczerać*, малор. *вечеряти*.

нарѣчіямъ польскому и великорусскому, и чуждыя въ то же время нарѣчію малорусскому [1]). Полагать надо, что эти слова составляютъ общеславянское наслѣдство, не сохранившееся въ малорусскомъ нарѣчіи. Изъ того же общеславянскаго источника могли произойти многія малорусскія слова, существующія въ польскомъ и не сохранившіяся въ великорусскомъ нарѣчіи.

Господыня—женщина, готовящая пищу: *Тверс.* Польс. *gospodyni*, малор. *господиня*—хозяйка.

Громада—собраніе поселянъ, мірская сходка: *Курс.* Польс. *gromada* и малорус. *громада*—въ томъ же значеніи.

Добре—хорошо: *Тамб.* Польс. *dobrze*, малор. *добре*.

Дуже—очень, весьма: *Смоленс. Тверс.* Польс. *dużo*, малор. *дуже*.

Жадать—желать, хотѣть: *Вологод., Рязан., Тамб.* Польск. *żądać*, малор. *жадати*.

Жалковать—жалѣть: *Пенз.* Польс. *żałować*, малор. *жалкувати*.

Жито—рожь: *Донс. Курс.* То же въ польс. и малорус.

Жниво—запаханное поле: *Яросл.* Польс. *żniwo*, малор. *жниво*—жатва, *жнива*—время жатвы.

Жупанъ—худой кафтанъ, армякъ: *Вологод., Смоленс.* Польс. *żupan*—кафтанъ, то же и въ малорус.

Заробить—заработать: *Арх.* Польс. *zarobić*, малор. *заробити*.

Зась (междом.) замолчи: *Калуж.*; въ томъ же значеніи это слово въ малорус. и польс., но въ послѣднемъ имѣетъ еще значеніе союзовъ: *а, но, же*.

Заховать—спрятать: *Донс., Курс., Пенз.* Польск. *schować*, малор. *заховáти*.

Звычайно—обыкновенно: *Костром. Смолен.*, Польс. *zwyczajne*, малор. *звичайно*.

Знакомитый—привѣтливый, ласковый: *Ярослав.* Польс. *znakomity*—значительный, знаменитый. То же и въ малорус.

Казать—говорить: *Воронеж., Калуж., Курс. Орловс., Смоленс.* То же въ польс. и малорус.

Кій—посохъ, палка: *Псков., Смоленс., Твер.* То же въ польс. и малорус.

Конать—умирать, кончаться: *Курс., Смоленс.* То же въ польс. и малорус.

Кунтошъ—женская длинная шуба, покрытая китайкой: *Тверс.* Въ томъ же значеніи *кунтышъ*: *Рязан. и Тульс.* Польс. *kuntusz*, малор. *кунтуш*.

---

[1]) Вотъ для примѣра нѣсколько словъ:

Годи, овъ—празденство, пиръ: *Ворон*, *веселные годы*—свадебное празденство: *Ворон.* Польс. *gody*, *weselne gody*.

Онагдысь—недавно: *Пск.* Польс. *onegdaj*.

Ощера—зубоскалъ, насмѣшникъ: *Тамб.* Польс. *oszczerca*; въ малорус. нѣтъ этого слова, хотя корень его сохранился въ глаголахъ: *щúрити* зубы—скалить зубы, *ощúритись*—осклабиться.

Перезъ черезъ: *Влад., Тверс.* Польс. *przez*.

Все это не больше, какъ только гаданія, которыя имѣютъ однако же всѣ признаки вѣроятности, на сколько мы можемъ судить объ этомъ по немногимъ болѣе или менѣе всякому извѣстнымъ лексическимъ даннымъ.

Гораздо тверже почва грамматическая.

Звуки и формы малорусскаго нарѣчія настолько своеобразны, что о польскомъ вліяніи на тѣ и другія не можетъ быть и рѣчи.

Купа—куча, группа: *Тульс.* То же въ польс. и малорус.

Лагодить—ладить: *Курс.* Польс. *lagodzić*—смягчать, умѣрять, облегчать, малор. *лагодити*—исправлять, приспособлять.

Ледва—едва: *Смоленс*; *ледво*: *Тульс.* Польс. *ledwie*, малор. *ледві*.

Мара—призракъ: *Курс.* Польс. *mara*, малор. *мара*.

Мары—посилки для мертвыхъ: *Курс.* То же въ польс. и малорус.

Надья—надежда: *Арх.* Польс. *nadzieja*, малор. *надія*.

Нехай—пусть: *Донс., Курс., Нижегор., Смоленс.* Польс. *niech*, малор. *нехай*

Пильно—пристально, внимательно, прилежно: *Курс., Смоленс, Твер.* То же въ польс. и малорус.

Понурый—печальный: *Тверс.* То же въ польс. и малорус.

Посаг 1) приданое: *Орлов.* 2) свадьба: *Твер.* Польс. *posag*, приданое; то же значеніе этого слова и въ малорус.

Рачить—хотѣть: *Олонец.* Польс. *raczyć*—благоволить, удостоить. То же въ малорус.

Смажить—жарить: *Псков., Тамб.* Польс. *smażyć*, малор. *смажити*.

Сподьваться—надѣяться: *Псков., Тамб.* Польс.—*spodziewaćsię*, малор.—*сподіватися*.

Трохи—немного: *Калуж., Тульс., Смоленс.*, Польс. *trochę*, малор. *трохи*.

Хижий—аккуратный, опрятный: *Смоленс.* Польс.—*chyży* скорый, проворный, малорус. *хижий*—хищный, жадный.

Ховать 1) прятать: *Калуж., Курс., Смоленс.* 2) погребать: *Курс.*; въ обоихъ значеніяхъ польс. *chować*, малор, *ховати*.

Честовать—угощать: *Арх., Смоленс.* Польс. *częstować*, малор. *частувати*.

Чи—ли, или: *Донс.* 2) развѣ: *Калуж.* Польс. *czy*, малорус. *чи*—въ томъ и другомъ значеніи.

Яловка—телица, молодая корова: *Волог., Тамб., Тульс.* Польс. *jałówka*, малор. *яловка*.

(Матеріалы для сравнит. и объяснит. словаря и грамматики I—III. Спб. 1854 г. Подобныхъ примѣровъ много найти можно также въ изданномъ недавно словарѣ областнаго Архангельскаго нарѣчія. Спб. 1885 г.).

Расквелить—раздражить, разсердить: *Нижегор., Тверс.*; *расквилить*—привести въ слезы: *Вологод., Орлов.* Польс. *rozkwilić*—растрогать.

Тливкій, тливый—чувствительный къ внѣшнимъ вліяніямъ (о больныхъ членахъ тѣла), раздражительный: *Арх.* Польс. *tkliwy*—вообще чувствительный.

Торъ—видное мѣсто, гдѣ бываетъ много народа: *Волог.* Польс. *tor*—путь, дорога, слѣдъ.

(Ibidem).

Сомнительными остаются только нѣкоторыя глагольныя формы западныхъ малорусскихъ говоровъ, преимущественно галицкихъ. Это—такъ называемыя описательныя формы прошедшаго времени, которыя въ изъявит. наклоненіи образуются посредствомъ спрягаемаго причастія на *лъ* съ глагольнымъ корнемъ *ѥс* [1]). Изъ тѣхъ же элементовъ и почти тѣмъ же способомъ образуются эти формы въ польскомъ языкѣ [2]). Только гуцульское *сми* (*ходив-сми*) съ своими варіантами—*сме, смо* (1 л. ед.) значительно отличается отъ соотвѣтствующей формы, какъ въ польскомъ, такъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ [3]). Мы думаемъ, что это *сми* образовалось изъ формы *ѥсми* (1 л. ед.), которая утвердилась въ письменныхъ русскихъ памятникахъ сѣверныхъ и южныхъ не ранѣе XV в. Представляетъ ли это *ѥсми* медіальную форму, или

[1]) 1-е л. един. ч. муж. р.: *ходивем* и *ходивем, ходивйім, ходивім, ходивим.*
У Гуцуловъ: *ходивсми* или *ходивсме* или *ходивсмо* (изъ *ѥсми*).
Женс. р. *ходилам.*
Сред. р. *ходилом.*
2-е л. един. ч. муж. р. *ходив ѥси, ходивесь, ходивйісь, ходивісь* и *ходивись.*
Женс. р. *ходилась.*
Сред. р. *ходилось.*
1-е л. множ. ч.: *ходилисьмо, ходилисьме, ходилим.*
2-е л. множ. ч.: *ходили ѥсте, ходилисьте.*
Въ 3-мъ л., какъ единс., такъ и множ. ч, вспомогательнаго глагола нѣтъ.
Точно такъ же къ корню *би* изъ *бых* присоединяется корень *ѥс.* Отсюда получаются формы: *би-м, би-сь, би-сьмо, би-сьте.* Для образованія прошедшаго условнаго времени эти формы присоединяются къ спрягаемому причастію: *ходив-бим, бись,—ходили бисьмо, бисьте,*—или же, сверхъ того, берутъ на помощь себѣ спрягаемое причастіе вспомогательнаго глагола: *був, булá, булó, булй: був бим, був бись, був би ходив,—були бисьмо, були бисьте, булиб ходили* (Em. Ogonows. Studien auf dem Gebiete der Ruthen. Spr. 144—145).

[2]) 1 л. ед. chodziłem, am, om — 1 л. мн. myśmy chodzili, ły.
2 — chodziłeś, łaś, łoś, — 2 — wyście chodzili, ły
3 — chodził, ła, ło — 3 — oni, e, e, chodzili, ły.

[3]) При единствѣ метода въ образованіи этихъ формъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ наиболѣе яркіе признаки самостоятельности состоятъ только въ своеобразной фонетической окраскѣ:
Чешс. chválil *jsem, jsi,* chválili *jsme, jste.*
Словац. hvalil *sem, si,*—hvalili *smo, ste.*
Лужицко-Серб. khwalił *sym, sy,*—khwalili *smy, śce.*
Сербс. хвалио *сам, си,*—хвалили *смо, сте.*
Болгарс. хвалилъ *съмъ, си,*—хвалили *сме, сте.*

же оно образуется по аналогіи съ 2 л. единс. *ѥси,* для насъ это въ данномъ случаѣ безразлично. Важно то, что гуцульское *сми* не одно и то же, что польское *м.* Гуцульская форма болѣе полная: изъ древнерусской *ѥсми* она утратила только начальное *ѥ.* Мы можемъ такимъ образомъ указать слѣды этой формы въ древнерусскихъ памятникахъ, не прибѣгая къ гипотезѣ о польскомъ происхожденіи ея. Точно такъ же въ древнихъ южнорусскихъ памятникахъ встрѣчается и *ѥсмо* (въ грамотахъ XIV в.), рядомъ съ *ѥсмы* (1 л. мн.), но не *есме* и не *есмя,* какъ въ сѣверноруссскихъ памятникахъ. Окончаніе *мо* появилось прежде всего въ формахъ повел. накл. (Книга поученій Ефрема Сирина XIII в.), затѣмъ распространилось и на 1 л. наст. вр. изъявит. накл. [1]). Это, во всякомъ случаѣ, не то же самое, что польское *my* въ *śmy,* поэтому окончаніе *мо* можно прямо вывести изъ древнихъ южнорусскихъ памятниковъ, а не изъ польскаго языка. То же нужно сказать и о 2 л. един. ч. *ѥсь* (*сь*), которое встрѣчается уже въ волынской лѣтописи по Ипатьевскому списку [2]). Наконецъ, есть одинъ примѣръ и формы *ѥмь* въ начальной лѣтописи по Лаврентьевскому списку [3]). Всѣ эти данныя располагаютъ насъ думать, что галицко-малорусскія формы прошедшаго времени возникли самостоятельно на древнерусской или, по меньшей мѣрѣ, на древней южнорусской почвѣ. Если и есть какая нибудь надобность допускать польское вліяніе, то, очевидно, оно не было безгранично, а имѣло значеніе только лишь охранительное, т. е. въ данномъ случаѣ оно укрѣпляло и поддерживало коренныя малорусскія формы, возникшія приблизи-

[1]) Мы предпочитаемъ объясненіе этой формы, предложенное г. Потебней (Зам. о малор. нарѣч. стр. 15), заявленію г. Соболевскаго, что эта форма должна быть считаема общеславянскою (Очерки изъ ист. рус. яз., 116). Думаемъ также, что книга поученій Ефрема Сирина относится къ XIII, а не къ XV в., какъ думаетъ г. Соболевскій. Историческія и палеографическія доказательства принадлежности ея XIII в., представленныя въ свое время Срезневскимъ (Свѣд. и зам. вып. I. стр 37—47), не потеряли для насъ своей убѣдительности и послѣ замѣчаній объ этомъ предметѣ г. Соболевскаго (Жур. М. Н. Пр. 1883 г. № 5).

[2]) „Брате! ты мене ни на полону ялъ, ни копьемь мя *еси* добылъ, ни изъ городовъ моихъ выбилъ мя *есь*“ (Ипат. 593); „ты ми братъ *есь*“ (ibid).

[3]) „Я творилъ *емь*“ (Лавр. 105 въ выноскѣ). Это *емь* ни въ какомъ случаѣ не могло появиться здѣсь подъ вліяніемъ великорусскаго нарѣчія.

тельно въ XIII—XIV в. Что касается до восточныхъ малорусскихъ говоровъ, то и въ нихъ до настоящаго времени сохранилась наклонность къ употребленію причастія на *л* съ вспомогат. глаголомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ въ великорусскомъ нарѣчіи. Изъ двухъ вліяній — великорусскаго и польскаго—мы гораздо болѣе склонны допускать первое въ предѣлахъ восточныхъ малорусскихъ говоровъ, чѣмъ послѣднее въ предѣлахъ западныхъ говоровъ. Во всякомъ случаѣ, легче понять ослабленіе и утрату существующихъ формъ подъ вліяніемъ другаго языка, чѣмъ созданіе подъ такимъ же вліяніемъ новыхъ формъ, которыя никогда не были присущи чувству языка.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ произведеніяхъ тѣхъ малорусскихъ писателей, которые писали книжною малорусскою рѣчью. Здѣсь польскія вліянія очевидны, и притомъ не только въ лексическомъ подборѣ словъ, которыя служили для выраженія такъ называемыхъ культурныхъ понятій, но и въ сферѣ собственно грамматической. Замѣчая въ народной рѣчи формы, сходныя съ польскими, малорусскіе писатели сгущали иногда польскія краски безъ всякой надобности. Такъ, въ сложномъ прошедшемъ времени они предпочитали польскій типъ его малорусскому [1]). Именныя флексіи менѣе подчинялись польскому вліянію [2]), но въ употребленіи тѣхъ или другихъ падежей замѣтны иногда слѣды польскаго синтаксиса [3]). Особенно рѣзко бросаются въ глаза эти слѣды въ тѣхъ предложеніяхъ, которыя соединены польскими союзами въ замѣнъ церковнославянскихъ или народныхъ малорусскихъ [4]). Собственно говоря, это внѣшняя синтаксическая прикраса, въ сущности не измѣняющая строенія

[1]) *Далемъ, далесь*, а не *давемь давесь, давем, давесь* и проч.

[2]) Изрѣдка встрѣчается мѣстный падежъ един. ч. именъ существительныхъ сред. р. въ польской формѣ: „на кѣ́ждомъ мѣ́стцу, на се́рдцу“ (Г. К. 35. 43).

[3]) Таковъ, напримѣръ, творительный предикативный падежъ въ польской конструкціи: „кто́ хо́четъ при́ятелемъ бы́ти свѣ́товѣ, то есть непри́ятелемъ Бо́жимъ“. „Всѣ́ лю́де грѣ́шни су́ хо́рыми“ (Г. Кл. 39).

[4]) Къ такимъ союзамъ относятся: *албо, ибы* (въ смыслѣ *когда* и *если*), *же, поневажъ* и т. п.

рѣчи—такъ же, какъ и употребленіе нѣкоторыхъ предлоговъ и нарѣчій польскихъ [1]). Гораздо важнѣе встрѣчающееся иногда *построеніе* предложеній по латино-польскому образцу [2]). Что касается до *расположенія* словъ въ предложеніи, то въ этомъ отношеніи малорусскіе писатели нерѣдко руководствовались, подобно польскимъ, латинскою конструкціей рѣчи. Отсюда же они заимствовали всѣ риторическія средства выраженія, которыя, какъ извѣстно, даютъ соблазнительную возможность мыслить безъ мыслей. Съ самодовольствомъ человѣка, вѣрующаго въ чудеса риторики, І. Галятовскій такъ повѣствуетъ объ ея секретахъ: „спыта́йтесь кто, і́яко мо́жетъ з' ма́лои ча́сти (т. е. изъ темы) вели́кое каза́нье оучини́ти? Ѡка́зую, трѣ́ба тѣ́ю ча́сть каза́нья а́плѣфѣкова́ти, розшира́ти, трѣ́ба придака́ти до не́и при́клады, подобѣ́нства, сентѣ́нціи, фѣ́гуры, то ма́лая часть вели́кимъ каза́немъ зоста́нетъ“ (Г. Наука, 131).

Такимъ образомъ путемъ школы, путемъ общественныхъ вліяній малорусская книжная рѣчь воспринимала чуждыя ей черты польской рѣчи, подчиняясь вмѣстѣ съ нею вліянію латинскаго синтаксиса.

Какіе же въ ней признаки собственно малорусскіе?

Въ четвертую группу *росскихъ* словъ Берында внесъ огромную массу народнаго малорусскаго матеріала, которымъ, по мѣрѣ надобности, мы будемъ пользоваться въ обзорѣ звуковъ и формъ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка.

[1]) *Ведлугъ, подлугъ, през, кыды, южъ, завше* и проч.

[2]) Таково, напримѣръ, превращеніе неопредѣленнаго наклоненія, составляющаго дополненіе не глагола или же имени, а цѣлаго предложенія, въ личные глаголы такъ называемаго финальнаго придаточнаго предложенія: „вавуле́нчикове вздова́ли вѣ́жѫ, высо́кѫю а́ж по́ нѣ́бо, жебы́ совѣ́ сла́вное и́мѧ на свѣ́тѣ оучини́ли“ (Г. К. 23). „Йдѣ́тъ до на́съ Хр̃ не для того́ жебы́ грѣ́шны людѣ́и одесла́лъ до пе́кла“ (Ibid. 60).

II.

Классификація малорусскаго матеріала въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка.—Черты малорусскаго нарѣчія, сходныя съ церковнославянскими.—Звуки гласные и согласные.—Формы имени существительнаго.—Глагольныя формы.

„Людемъ погрѣкна ѥстъ мóка“, сказано въ панегирикѣ Петру Могилѣ, ибо „хто̀ не глѵпый, зáжъ не тóтъ, ціò не мóкитъ слóка?“

Отсюда—важность грамматики, которая „ѵчитъ слѡвъ и мóвы“ и даетъ возможность „то̀ познáти, гдѣ позвóлено по̃ нѣкомъ мѣстцѣ“ человѣку, какъ „розѵмномѵ зкрáти“.

Очевидно, составитель этихъ стиховъ не довольствовался своею природною *мовою*, безъ которой онъ не могъ бы приступить къ изученію самой грамматики. Онъ имѣлъ въ виду *мову* книжную, принятую въ кругу людей болѣе или менѣе просвѣщенныхъ: „по мóви, говоритъ онъ, знáть рéтора, поéтѵ“...

И однако же въ его собственной *мовѣ* замѣтны слѣды народнаго просторѣчія. Видно, не легко было ему подавить въ себѣ чувство родной рѣчи, которая сопровождаетъ, какъ извѣстно, всякое движеніе мысли, сообщая ей своеобразныя краски. Не легко было и другимъ малорусскимъ писателямъ отрѣшиться отъ впечатлѣній народнаго быта, народныхъ понятій, которыя переплетаются съ народною рѣчью въ одно неразрывное цѣлое. Это, можно сказать, стихійное вліяніе народной рѣчи поддерживалось и укрѣплялось необходимостью обращаться съ живымъ словомъ къ людямъ разныхъ общественныхъ положеній, разныхъ степеней образованія, начиная отъ представителей власти духовной и свѣтской до простой *челяди*. Издавая въ свѣтъ „Сѕрáніе корóткои нáвки ѡ артикѵлахъ вѣры“, сотрудники Петра Могилы довольно обстоятельно указали кругъ читателей, для которыхъ

предназначалась эта книга. „Пѵбликѵѥтсѧ“ она, сказано въ *предмовѣ* къ ней, „для сынѡвъ цѣркви православнѣкаѳолúческои всхóднеи, ѥ тóтъ цель и конéцъ, ѩбы не тылько сáмые ѥрéи ѥ парафѣхъ своúхъ... нáвкѵ... подавáли на кóждый день“, но чтобы „и свѣцкіе православные оумѣючій читáти, не ѵмѣючимъ ѥ простѣйшимъ с повинности спосóбомъ нáвкѵ преподаючи заправовáли, а найбóлшеи родичъ дѣтеи своúхъ, панскіе чéлядь, прилежóные совѣ полúглыхъ, ѡсоблившимъ ѥдинакъ спосóбомъ, ѩбы по шкóлахъ всѣ дидаскáлскіе ѩкѡ найпúлнѣи своúхъ сѵчнѣкъ заправовáли“...

Такимъ образомъ народныя стихіи рѣчи вторгались и въ богословскія сочиненія не только полемическаго, но и догматическаго содержанія. Даже въ богослужебныхъ книгахъ, напримѣръ, въ Тріодяхъ, особенно постныхъ, мы встрѣчаемъ малорусскую рѣчь—именно въ *синаксаряхъ*, въ которыхъ обыкновенно разсказывается исторія праздника или святаго въ поучительномъ тонѣ. На смѣну „Учительныхъ евангелій“, преобладавшихъ въ первой половинѣ XVII вѣка, появились въ печати громадные сборники проповѣдей, написанныхъ тою же книжною малорусскою рѣчью, во второй половинѣ XVII в. Мы разумѣемъ проповѣди Іоанникія Галятовскаго и Антонія Радивиловскаго. Само собою разумѣется, что въ произведеніяхъ поэтическаго колорита — всякаго рода *виршах* и апокрифическихъ сказаніяхъ—народная рѣчь должна была выступить съ особенною настойчивостью. То же нужно сказать и о малорусскихъ лѣтописяхъ, какъ первой, такъ и второй половины XVII вѣка.

Трудно разобраться въ громадной массѣ изданныхъ и неизданныхъ произведеній, представляющихъ матеріалъ для изученія книжной малорусской рѣчи XVII вѣка. Въ основѣ ея лежала та же славянорусская рѣчь, черты которой указаны нами были выше. Что касается до малорусскихъ особенностей ея, то у разныхъ писателей онѣ распредѣлены неравномѣрно. Большею частію ученость писателя обратно пропорціональна народности его рѣчи. Многое зависѣло также отъ предмета рѣчи: чѣмъ дальше онъ стоялъ отъ жизни, тѣмъ меньше считалось возможнымъ говорить объ немъ обыкновенною рѣчью. На этихъ отно-

шеніяхъ предмета къ ученой эрудиціи писателя основаны разныя колебанія въ сторону книжнаго или народнаго строя рѣчи. Отсюда стилистическое разнообразіе книжной малорусской рѣчи, поддерживаемое также индивидуальностію писателя, тѣмъ или другимъ складомъ ума, тѣми или другими душевными навыками и вкусами его. Иногда ученый писатель обладалъ природною живостію мысли, поэтому о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ онъ говорилъ живою рѣчью. Таковъ, напримѣръ, былъ Іоанникій Галятовскій, составитель схоластической риторики, извѣстной подъ заглавіемъ: „Наѵка ѧлбо спосѡ ѡ зложенїа казанїа“. *Наука* эта не помѣшала ему сообщить книжнымъ, условнымъ формамъ выраженія рѣзкій колоритъ народной рѣчи.

Представляя опытъ научнаго анализа книжной малорусской рѣчи въ цѣломъ ея составѣ, а не въ отдѣльныхъ произведеніяхъ тѣхъ или другихъ малорусскихъ писателей, мы будемъ искать опорной точки въ тѣхъ условіяхъ обработки ея, которыя стояли независимо отъ личнаго авторства и даже подчиняли своему вліянію его своеобразные пріемы и средства выраженія. Эти условія заключались въ самыхъ свойствахъ малорусскаго нарѣчія. Мы разумѣемъ прежде всего *черты сходства его съ нарѣчіемъ церковнославянскимъ*, располагавшія малорусскихъ писателей къ употребленію тѣхъ или другихъ славянскихъ звуковъ и формъ, которыя болѣе или менѣе свойственны были и древнерусскимъ нарѣчіямъ. Нѣкоторые изъ этихъ звуковъ и формъ и донынѣ еще спорадически живутъ въ разныхъ говорахъ великорусскаго и малорусскаго нарѣчій, но въ этомъ послѣднемъ большинство изъ нихъ занимаетъ выдающееся положеніе, какъ типическая принадлежность *всего* малорусскаго нарѣчія, въ которомъ, вообще говоря, церковнославянская старина менѣе забыта, чѣмъ въ нарѣчіи великорусскомъ.—Нужно отмѣтить затѣмъ въ книжной малорусской рѣчи такъ называемые *общерусскіе* элементы ея, *чуждые церковнославянскому нарѣчію*. Одни изъ нихъ составляютъ общую принадлежность *всѣхъ* великорусскихъ и малорусскихъ говоровъ, другіе же можно назвать общерусскими въ томъ смыслѣ, что они встрѣчаются въ отдѣльныхъ говорахъ, какъ великорусскаго, такъ и малорусскаго нарѣчій. Встрѣчаются нѣкоторые изъ нихъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, которыя самостоятельнымъ путемъ пришли къ тѣмъ же результатамъ, но мы въ данномъ случаѣ отправляемся отъ мысли, что въ великорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ есть такія особенности, которыя удобнѣе всего объясняются отношеніями *ближайшаго* родства между ними, располагающаго думать, что оба они возникли изъ *одного ближайшаго* источника. Поэтому мы не желаемъ безъ нужды расширять кругъ аналогій, не справляясь съ основными свойствами матеріала, къ которому онѣ прилагаются.—Наконецъ, послѣ выдѣленія общерусскихъ звуковъ и формъ, въ остаткѣ получатся *собственно малорусскіе звуки и формы*. Они тоже восходятъ къ преданіямъ древнерусской письменности, но въ то же время они чужды, какъ церковнославянскому, такъ и великорусскому нарѣчію.

Весь этотъ матеріалъ рѣчи представляетъ устойчивую, твердую почву, отъ которой не могли отрѣшиться малорусскіе писатели,—не можемъ отрѣшиться и мы въ изслѣдованіи созданной ими книжной малорусской рѣчи. Мы остановимся, главнымъ образомъ, на звуковой сторонѣ ея, а также на формахъ имени существительнаго и глагола, оставляя въ сторонѣ мѣстоименныя и сложныя именныя формы, представляющія большею частію видоизмѣненіе простыхъ именныхъ формъ. Не войдутъ въ нашъ обзоръ также звуки и формы, которыя сохранились во *всѣхъ* русскихъ нарѣчіяхъ, какъ общее наслѣдство отъ праславянской эпохи. Вообще же—для устраненія всякихъ недоумѣній, считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы имѣемъ въ виду не столько грамматику книжной малорусской рѣчи, сколько ея стилистическія особенности, состоявшія въ большей или меньшей зависимости отъ грамматическаго матеріала ея. Не всѣ звуки и формы, какъ общерусскія, такъ и малорусскія, вошли въ составъ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, поэтому не всѣ они встрѣчаются и въ нашемъ изслѣдованіи. Мы рѣшились сдѣлать исключеніе только для тѣхъ звуковъ и формъ, преимущественно малорусскихъ, отсутствіе которыхъ въ книжной малорусской рѣчи немаловажно для характеристики ея.

Гласный звукъ е безъ іотнаго призвука.

Одна изъ звуковыхъ особенностей современнаго намъ малорусскаго нарѣчія, сближающая его съ нарѣчіями южнославянскими—болгарскимъ, сербскимъ и словинскимъ, есть широкое *е* безъ іотнаго призвука и, слѣдовательно, безъ смягченія предшествующаго согласнаго. Оно звучитъ твердо: а) въ полногласныхъ формахъ, а равно при сочетаніи согласныхъ съ слогами *ер, ре*: *бе́рег, простёртый, хре́ст*; б) въ тѣхъ случаяхъ, когда употребляется между согласными, какъ бѣглый звукъ, для облегченія выговора: *ві́тер, сестёр*; в) вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда звукъ *е* соотвѣтствуетъ церковнославянскому *ъ*: *де́нь*. Церковнославянское *ѥ* послѣ согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи сохранилось только въ сред. р. именъ прилагательныхъ, въ имен. и вин. един. ч: *си́ньейе, третьейе*, а въ сѣверно-малорусскомъ и галицкомъ говорахъ—при удвоенныхъ согласныхъ: *весі́лье, насі́нне*. Въ украинскомъ говорѣ въ этихъ формахъ слышится *я* вмѣсто *ѥ*. Слѣды этого превращенія *ѥ* въ *я* можно видѣть уже въ XIII в: *умножьнья, кур҃ глашьнья* (Типогр. еван. № 6, XIII в.)[1]. Конечно, въ древнѣйшемъ состояніи малорусскаго нарѣчія мягкое е (=*ѥ*) было звукомъ болѣе распространеннымъ, чѣмъ въ послѣдствіи:[2] по крайней мѣрѣ, въ древнерусскихъ памятникахъ не только сѣверныхъ, но и южныхъ, мы встрѣчаемъ *ѥ* тамъ, гдѣ по церковнославянской грамматикѣ можно бы было ожидать *е*: *клѣвета, оумножитѣ*, (Сбор. 1073 г.), *о сѣмъ* (Ж. Ѳ. XII в.), и даже въ сравнительно позднихъ южнорусскихъ памятникахъ изрѣдка стоитъ *ѥ* вмѣсто *е*: *тебѣ, всѣю* (Луц. еван. XIV в.)[3]. Въ замѣнъ этого *ѥ* постепенно развивалось въ малорусскомъ нарѣчіи широкое *е*, которое въ церковнославянскомъ нарѣчіи, безъ сомнѣнія, произносилось иначе, чѣмъ *ѥ*. Теперь въ малорусскомъ нарѣчіи это широкое *е* употребляется преимущественно въ открытыхъ слогахъ—въ тѣхъ сочетаніяхъ съ согласными

[1]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 84.
[2]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 115.
[3]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 81, 82.

звуками, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи было простое, не іотированное *е*: *менѐ, тебѐ, себѐ* (род. ед.), *нѐ, нѐбо, ведѐть* и проч. Вотъ это старое *е*, тождественное съ церковнославянскимъ неіотированнымъ *е*, напоминало малорусскимъ писателямъ церковнославянское нарѣчіе, поэтому іотированное *е* (*ѥ*), какъ замѣчаетъ Мелетій Смотрицкій, „ни́нѣшними пи́цы ѡста́висм“. Въ правописаніи малорусскомъ рядомъ съ обыкновеннымъ є установилось долгоязычное Є [1]). Мелетій Смотрицкій предлагаетъ употреблять эту букву въ иностранныхъ словахъ, напр., въ словѣ „Є҃ммануи́лъ“, а также въ падежахъ множ. ч. для отличія ихъ отъ падежей един. ч: „тѣ́й кле́вєтъ, тѣ́хъ кле́вєтъ“. Въ позднѣйшей малорусской печати эта буква выражала іотированное *е* въ началѣ словъ: Є҃го̀, Є҃же, Є҃сть и проч.

Губные и гортанные согласные.

Непереходная мягкость согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи менѣе развита, чѣмъ въ великорусскомъ. Въ этомъ отношеніи малорусское нарѣчіе представляетъ большее сходство съ южнославянскими, чѣмъ съ сѣверными славянскими нарѣчіями, изъ которыхъ въ лужицкомъ, польскомъ и великорусскомъ *вєлкій* согласный звукъ можетъ быть произнесенъ твердо и мягко. Это та особенность согласныхъ звуковъ, которую Срезневскій называетъ „строгимъ отличеніемъ слоговъ твердыхъ и мягкихъ“, и которую онъ считаетъ нормальной чертой „чистаго славянскаго языка“. Образцами наиболѣе „чистаго славянскаго языка“ онъ признаетъ языкъ Остромірова евангелія, Туровскаго евангелія, Чудовской псалтири, Сборника 1073 г., Сборника XIII словъ Григорія Назіанзина, Евгеніевской псалтири [2]). Между тѣмъ, во всѣхъ этихъ памятникахъ XI вѣка есть уже болѣе или менѣе рѣзкіе слѣды смѣшенія твердыхъ слоговъ съ мяг-

[1]) Є҃ встрѣчается уже въ Служебникѣ XII в. (Московс. синод. библіот. Горс. и Новостр. кн. 5, стр. 4). Впрочемъ, стали употреблять Є҃, говоритъ Срезневскій, только въ концѣ XIV в. (Славянорус. палеографія, см. Ж. М. Н. Пр. 1867 г., Январь).
[2]) Древніе славянскіе памятники іосоваго письма, 169—184.

ками—съ преобладаніемъ первыхъ надъ послѣдними. Такъ, въ Остромировомъ евангеліи часто стоитъ *ꙗ* вмѣсто *ь* послѣ шипящихъ,—буквы *а, о,* ѫ вмѣсто *я, ю,* ѧ, послѣ *з* и *р*: **кънꙗзь**, **пѣѭзоу**, **алтаря** и проч. Срезневскій объясняетъ это смѣшеніе діалектическимъ наслоеніемъ разныхъ нарѣчій южнославянскихъ. Такъ или иначе, не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что въ древнѣйшей редакціи XI вѣка церковнославянскій языкъ представлялъ уже систему согласныхъ, значительно наклоненную къ твердому произношенію ихъ. Что касается до нарѣчій древнерусскихъ, то въ нихъ послѣ паденія *ъ* и *ь* появилась, какъ секундарная твердость, такъ и секундарная мягкость согласныхъ въ слѣдствіе новой группировки ихъ. На страницахъ древнерусскихъ памятниковъ, сѣверныхъ и южныхъ, встрѣчаются явленія того и другаго рода, но воспользоваться ими для характеристики тѣхъ или другихъ древнерусскихъ говоровъ пока нѣтъ никакой возможности. То же нужно сказать и о превращеніи твердыхъ согласныхъ въ мягкіе, и наоборотъ, стоящемъ независимо отъ паденія глухихъ гласныхъ. Относительно южнорусскихъ говоровъ можно замѣтить только, что въ нихъ отвердѣніе согласныхъ развивалось по мѣрѣ развитія широкаго *е* и смѣшенія основнаго *и* съ основнымъ *ы*. Въ современныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія наибольшую твердость сохранили губные и гортанные согласные [1]). Правда, подъ вліяніемъ позднѣйшихъ превращеній въ области гласныхъ звуковъ, губные согласные начали произноситься мягко въ малорусскомъ нарѣчіи предъ *і* изъ *ѣ, о, е,* а гортанные—предъ *і* изъ *о* и основнымъ *и,* въ нѣкоторыхъ же галицкихъ говорахъ и предъ другими іотированными гласными [2]). Тѣмъ не менѣе твердость губныхъ и гортанныхъ согласныхъ составляетъ господствующую черту малорусскаго нарѣчія, не чуждую и разнымъ говорамъ великорусскимъ, особенно бѣлорусскому, въ которомъ она, однако же, проведена съ меньшею послѣдовательностію, чѣмъ въ малорусскомъ

[1]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 228—233, 248—253.

[2]) Studien auf dem Gebiete der Ruthen. Spr. E. Ogonowski, 78, 79, 80.

нарѣчіи [1]). Отмѣтили эту черту и малорусскіе писатели XVII вѣка. Такъ, мы постоянно встрѣчаемъ у нихъ: **цр҃кокъ** (Рад. Ог. 156), **люко҆къ** (Г. М. 202), *кровъ* (Лям. Бѣлоз.) и т. п. Нерѣдко послѣ губныхъ стоитъ **ѧ**: **люблѧтъ** (Рад. Ог. 392), **мо҆блѧтъ** (Ib. 301), **пѧ҆ство** (Ib. 42), **мѧ҆со** (Ib. 29), но какъ произносились въ этомъ случаѣ губные, видно изъ начертаній: **здорові** (Рад. Ог. 29), **вѣзпра҆ві** (Ib.), **҆вѣ** (Ib. 1016). **҆вѣтъ** (Ib. 1123). Только предъ *ѣ=і* губные произносились, какъ и теперь произносятся, мягко. Конечно, это правописаніе во многомъ отступаетъ отъ древнѣйшихъ образцевъ церковнославянской рѣчи, но и въ ней, какъ извѣстно, губные согласные мало способны были къ мягкому произношенію. Точно такъ же и гортанные согласные не соединяются въ малорусскомъ нарѣчіи съ іотированными и вообще съ мягкими гласными, поэтому они и донынѣ сохраняютъ старинную свою *переходную* мягкость: во флексіяхъ именъ существительныхъ, именно передъ *е*, они переходятъ въ шипящіе: *небо́же, коза́че, пта́ше,* а передъ *і*—въ свистящіе: *небозі, на річці, у стрісі.* Такъ было и въ церковнославянскомъ языкѣ, о чемъ обстоятельно говоритъ въ грамматикѣ своей Мелетій Смотрицкій. Такимъ образомъ, подчиняясь своему природному выговору, малорусскіе писатели поддерживали въ книжномъ употребленіи эту старину церковнославянскую: **дрѣже** (Г. К. 24), **къ дорозѣ** (Ib. 213), **къ кни҆зѣ** (Г. М.), **къ рѣцѣ** (Ib.), **къ навѣцѣ** (Г. К. 219), **къ фла҆шцѣ** (Ib. 210), **мона҆сѣ** (Ib. 240).

Звучные согласные.

Есть еще одна черта малорусскаго консонантизма, созвучная съ церковнославянскимъ: это именно сохраненіе звучныхъ согласныхъ въ тѣхъ частяхъ слова, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи они стояли предъ гласными звуками вообще и глухими гласными въ частности. Особенно рѣзко бросается въ глаза сохраненіе звучныхъ въ концѣ словъ: *скарб, рів, торг, город, ниж, віз* и проч. Но и въ срединѣ словъ звучные согласные выдер-

[1]) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 67, 69—70.

живаются не только тамъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи они встрѣчались съ гласными звуками, но даже тамъ, гдѣ этихъ послѣднихъ никогда не было: *гребти*, *стеретѝ*, *везти*. Собственно говоря, ни въ одномъ славянскомъ нарѣчіи эта количественная слабость согласныхъ не проведена съ такою послѣдовательностію, какъ въ малорусскомъ. Что касается великорусскаго нарѣчія, то въ этомъ отношеніи оно представляетъ сплошную картину количественной силы согласныхъ, ибо въ немъ ассимилируются звучные въ отзвучные, какъ въ срединѣ словъ предъ отзвучными, такъ и въ концѣ словъ. Не повторяя того, что сказано нами было въ изслѣдованіи о количественной природѣ малорусскихъ согласныхъ [1]), считаемъ не излишнимъ указать на звучное произношеніе ихъ въ малорусскомъ нарѣчіи, какъ на такую особенность, которая располагала малорусскихъ писателей къ сохраненію на письмѣ звучныхъ согласныхъ въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, гдѣ они стояли и въ церковнославянскомъ нарѣчіи подъ защитой гласныхъ звуковъ, и особенно глухихъ гласныхъ ъ и ь. Въ такихъ, напримѣръ, начертаніяхъ, какъ тꙋндцатѝ (Рад. Ог. 385), найдорóжшихъ (Ib. 11), звуки *д* и *ж* не только писались, но и произносились. Слѣдуетъ ли отсюда, что эти гласные въ малорусскомъ нарѣчіи жили долѣе, чѣмъ въ великорусскомъ [2]), объ этомъ можно спорить, но остается безспорнымъ тотъ фактъ, что потеря ихъ не отразилась въ малорусскомъ нарѣчіи на перестроѣ звучныхъ согласныхъ въ пользу отзвучныхъ, поэтому и теперь для малороссіянина не представляетъ никакого затрудненія выдержать въ правописаніи звучные согласные звуки, соотвѣтствующіе церковнославянскимъ.

Чередованіе согласныхъ звуковъ съ гласными.

Въ связи съ звучной природой малорусскихъ согласныхъ стоитъ болѣе или менѣе равномѣрное чередованіе ихъ съ гласными звуками. Уже сами по себѣ звучные согласные заключаютъ въ себѣ нѣкоторый оттѣнокъ гласности. А такъ какъ въ окончаніяхъ малорусскихъ

[1]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 151—219.
[2]) Studien auf dem Gebiete der Ruthen. Spr. E. Ogonowski, 48.

словъ главнымъ образомъ сосредоточены гласно-звучные элементы, то понятно, почему звучные согласные скопляются большею частію въ началѣ словъ. Поэтому въ началѣ и въ концѣ малорусскихъ словъ чрезвычайная рѣдкость встрѣтить трехчленныя и особенно четырехчленныя согласныя группы, нерѣдко встрѣчаемыя въ нарѣчіяхъ западно-славянскихъ. Въ этомъ отношеніи малорусское нарѣчіе принадлежитъ къ типу южнославянскихъ, не уступая имъ въ легкости согласныхъ группъ, растворенныхъ обиліемъ гласнаго элемента. Мы имѣли случай указать техническія условія этого звуковаго строя малорусской рѣчи [1]). Это именно: 1) приставка и вставка гласныхъ звуковъ для облегченія выговора согласныхъ сочетаній: *и-ржд*, *И-лвовъ* [2]), *и-шовъ*, и-шлà (Перес. еван. 26), *о-селéдець*, *ис о-вторка* (Хм. л.), *у-весь*, ꙋ къ ꙋгóнь (Сбор. ц. ар. м.), *у въ олтари* (Кіев. л. 84), *у вошла* (Меж. л. 98), *у въ иншихъ мѣстахъ* (Пал. З. К. 1006), *лев-лева*, а не *лва*, *лобъ-лоба*, а не *лба*; 2) приставка согласныхъ къ началу слова для устраненія зіянія: *в-огонь*, *в-овця* (Гал. ев. XIII в.) [3]), *в-олтарь* (Полик. ев. XIV) [4]), *в-окно* (Грам. XV в.) [5]), *г-оріх*, *j-анголъ*; 3) отбрасываніе начальныхъ гласныхъ и вокализація согласныхъ для той же цѣли: *юлка*, *му* вмѣсто *ему* [6]), *мамъ* (Полик. ев. XIV в.) [7]), спскѣдь (Г. К. 31), *уся*. *уси* вмѣсто *вся*, *всі* (Грам. XV в.) [8]), *оу* вмѣсто *въ*, *унукъ* вмѣсто *внукъ* (Гр. 1350) [9]). Тѣ же явленія повторяются и въ срединѣ словъ [10]). Конечно, въ церковнославянскомъ нарѣчіи они не имѣли того вида, какой имѣютъ теперь въ малорусскомъ нарѣчіи, но важно то, что, развиваясь постепенно на древнерусской почвѣ, они наклоняли малорусскій

[1]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 151—219.
[2]) АЗР. I. 30.
[3]) Очерки изъ исторіи рус. яз. Соболевскаго, 105.
[4]) Ibidem.
[5]) АЗР. I. 43.
[6]) АЮЗР. II. 102.
[7]) Очерки изъ исторіи рус. яз. Соболевскаго, 99.
[8]) Древніе памятники рус. письма и яз. Срезневскаго, 687.
[9]) Гол. гр. № 2.
[10]) Studien auf dem Gebiete der Ruth. Spr. Ogonowski, 57. 63. 90. 95

консонантизмъ къ равновѣсію его съ вокализмомъ, что, какъ извѣстно, составляетъ въ церковнославянскомъ нарѣчіи особенно рѣзкую, выдающуюся его особенность.

Не мало сохранилось въ малорусскомъ нарѣчіи церковнославянскихъ архаизмовъ и въ склоненіи именъ существительныхъ.

Именительный падежъ множ. ч.

Смѣшеніе темы *а* съ темой *у* въ именит. множ. явилось уже въ церковнославянскомъ нарѣчіи, встрѣчается нерѣдко въ древнерусскихъ памятникахъ, сохранилось и донынѣ преимущественно въ галицкихъ говорахъ малорусскаго нарѣчія: *птахове* (Чуб. V, 223), *ляхове* (Пис. Б. Х.)„а мои *сватове*—у воді *ракове*“ (Гол. I. 74), „що то в полі за *димове* (Ib. 37),—даже въ женск. р. *громадове* (Ib. II. 33), поэтому и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: панове, монáрхове (Г. К. 62), *жидове, туркове и вси еретикове* (Пал. З. К. 320). Есть въ ней и другія не менѣе древнія окончанія имен. множ. муж. р: *козаци* и *козацы* (Льв. П.), *мниси* (ib.). И теперь еще не вполнѣ исчезли эти формы изъ народной рѣчи: *вовці, птасі, слузі* [1]). Вовсе нѣтъ въ малорусскомъ нарѣчіи позднѣйшихъ великорусскихъ окончаній *а, я* для именъ существительныхъ муж. р. [2]).

Родительный падежъ множ. ч.

Архаическія формы во множ. ч: *сім год, сім рік* послѣ именъ числительныхъ свойственны, какъ великорусскому нарѣчію, такъ и малорусскому. Впрочемъ, малорусскіе писатели, по видимому, избѣгали этихъ формъ. Въ галицкихъ пѣсняхъ живетъ еще старинная форма: *людій* (Гол. I. 293), которая не встрѣчается не только въ великорусскомъ, но и въ остальныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія. Отсюда аналогическія формы въ именахъ темы *а* мягкаго склоненія: *плечій* (Гол. III. 100), *конiй* (ib. 226).

[1]) Studien auf dem Gebiete der Ruth. Spr. Ogonowski, 125.

[2]) Эти окончанія появляются въ великорусскихъ грамотахъ только въ XV в. (Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 140).

Слѣды этой формы есть и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „*людій погубили*“ (Хм. л.), рáзів вмѣсто *разъ* или *разовъ* (Рад. Ог. 396).

Дательный падежъ единст. и множест. ч.

Въ церковнославянскомъ нарѣчіи окончаніе *ови* въ единс. ч. употребляется не только въ именахъ темы *а*, но и въ именахъ темы *і* мужес. р: господеви (Остр. еван.). Въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ это была форма очень распространенная, но настойчивѣе выдерживается она въ памятникахъ южнорусскихъ и западнорусскихъ. Въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка она составляетъ такое же обычное явленіе, какъ въ церковнославянскомъ и въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи: *кумові, коневі* (въ галиц. *кумови, коневи*), при чемъ это окончаніе безразлично употребляется въ именахъ предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ.

Считаемъ нужнымъ отмѣтить также исконное согласіе малорусскаго нарѣчія съ церковнославянскимъ въ мягкомъ склоненіи именъ женс. р. *землі, душі*,—утраченное въ великорусскомъ нарѣчіи. [1])

Архаическія формы дат. множ. слышны еще въ галицкихъ говорахъ, какъ въ темѣ *а*, такъ и въ темѣ *і*: въ послѣднемъ случаѣ иногда безъ всякаго отличія отъ церковнославянскихъ: *костем, людем*, но часто съ малорусскимъ видоизмѣненіемъ *е* въ *і*, а въ именахъ темы *а*—звука *о* въ *і*. Не исчезла эта старинная форма, нѣкогда жившая во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ, и въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ [2]). Въ книжной малорусской рѣчи часто возстановлялись церковнославянскія окончанія *омъ, емъ*, какъ такія формы, которыя не были еще утрачены въ чувствѣ языка, хотя въ народномъ употребленіи и были уже окрашены малорусской фонетикой: *паномъ, татаромъ* (Хм. л.), *ляхомъ* (Пис. Б. Х)., рóдичомъ (Г. К. 172), *непріятелемъ* (Льв. П.), лю́демъ (Г. М. 84) и т. п.

[1]) Объ этомъ см. ниже.

[2]) Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка, Колосова, 219.

Винительный падежъ множ. ч.

Во множ. ч. и теперь еще замѣтно въ народныхъ пѣсняхъ стремленіе сохранить старинный винит. падежъ, не замѣняя его въ именахъ предметовъ одушевленныхъ падежемъ родительнымъ: „ви, високі береги, не стискайте ми *сини*, а ти, тихий Дунай, моі *сини* не займай“ (Гол. III. 23); „присилайте *свати* въ хати“ (ib. 162). Точно такъ же и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „побили и пана, и паню, и *дѣти*“ (Льв. II.); „Мєсїѧ правдѝвый лѣ҃ъ ѿкинѹти старозако́нныѧ ѻфѣ́ры — волы, козлы, бараны, ѻ҃вцы, голубы, го́рлицы, коробѣ҃“ (Г. М. 224); „*невѣсты* посотили“ (Хмѣл. л.); „на *козаки* пошли ляхи“, но въ той же фразѣ: „побили *козаковъ*“ (ibid).

Звательный падежъ.

Въ старину формы звательнаго падежа свойственны были всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, хотя уже въ XI в. въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ встрѣчается замѣна звательнаго падежа именительнымъ. Такъ, въ новгородскихъ Минеяхъ XI в. рядомъ съ „*михаиле архистратиже*“ есть „*михаилъ архистратигъ*“. [1]) Теперь зват. падежъ сохранился во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія со всѣми церковнославянскими особенностями его: въ именахъ темы *а* съ окончаніями *о, е*: *жінко. земле, куме*, въ именахъ темы *у*—съ окончаніемъ *у*: *сину*,—при чемъ въ малорусскомъ нарѣчіи дальше проведено церковнославянское смѣшеніе темы *а* съ темой *у*: *царю, коню, батьку, дядьку* и проч. Сохранилось и церковнославянское смягченіе гортанныхъ въ этомъ падежѣ въ шипящіе предъ гласнымъ *е*: *друже, чоловіче*. Въ галицкихъ пѣсняхъ удержались даже такія формы этого падежа, какъ *отче, жено*: „ой, *отче* мій, преч від мене, не роскравай серце мое“ (Гол. I. 141); „ой рік же я до жени: ходимъ, *жено*, до куми“ (Ibid. 216). Само собою разумѣется, что въ употребленіи этого падежа

[1]) Изв. Ак. т. II, вып. V, 436. О незначительныхъ остаткахъ этого падежа въ сѣверно-великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ см. Обзоръ звук. и форм. особенностей народнаго рус. языка, Колосова, 214.

старинные малорусскіе писатели не чувствовали никакого различія между своимъ роднымъ нарѣчіемъ и церковнославянскимъ, поэтому зват. падежъ всегда составлялъ коренную принадлежность книжной малорусской рѣчи: ма́тко (Г. Чуд. 136), ма́мо (Рад. Ог. 783), пріа́телько (Г. К. 149), надѣ҃ мо҃ (Стр.), дѹ҃ше (Г. Чуд. 134), дрѹ҃же (Г. К. 24), ста́рче (Г. Чуд. 134), сы҃нѹ҃ (Ib. 107), та́тѹ҃, мѹ҃чи́телю (Ib. 185). Встрѣчается, хотя и рѣдко, зват. падежъ и въ темахъ *і*: „о лю́бости земна́м“ (Стр.).

Во множес. ч., какъ и въ церковнославянскомъ нарѣчіи, зват. падежъ замѣняется именительнымъ, и притомъ иногда въ старинной формѣ темы *у*: коро́жи́тове (Г. К. 168), па́нове, ска́тове (К. Х.).

Творительный падежъ един. и множ. ч.

Въ творит. единс. женс. р. въ малорусскомъ нарѣчіи, согласно съ церковнославянскимъ, окончанія *ою, ею*, никогда не переходятъ, какъ въ великорусскомъ, въ *ой, ей*. То же и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: рѹ҃ко́ю, земле́ю, даже копіе́ю (Г. К. 71).

Во множ. ч. въ нѣкоторыхъ разнорѣчіяхъ галицкаго малорусскаго говора сохранились архаическія окончанія этого падежа, какъ въ именахъ темы *а*: *берегы, волы, плугы, цвіты*, даже съ переносомъ окончанія мужес. р. на женс. р: *слёзы*,—такъ и въ именахъ темы *і*: *кістьмі* [1]), при чемъ вліяніе этихъ послѣднихъ на первыя замѣтно не только въ галицкомъ, но и въ украинскомъ малорусскомъ говорѣ: *кіньми, грішми*. Тѣ же старинныя формы и то же смѣшеніе темы *а* съ темой *і* въ этихъ формахъ замѣчается и въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ, хотя нѣкоторыя разнорѣчія этого говора вовсе не знаютъ творит. падежа множ. ч., замѣняя его дательнымъ [2]). Малорусскіе писатели XVII в. не различали въ этомъ падежѣ темы *а* отъ темы *і*, приписывая смѣшеніе этихъ темъ церковнославянскому нарѣчію, въ которомъ, по мнѣнію М. Смотрицкаго, возможны были двоякія окончанія въ творит. множ: па́стыри, ѕ҃ѣда́тели, врачи́, зна́менїи и па́стырми, ѕ҃ѣда́-

[1]) Studien auf dem Gebiete der Ruth. Spr. Ogonowski, 127.

[2]) Обзоръ звук. и форм. особенностей народнаго русскаго языка, Колосова, 223.

телѣми, крачѣмѝ, знамянѣми. Съ другой стороны, эти послѣднія окончанія они охотно употребляли въ такихъ выраженіяхъ, которыя носятъ всѣ признаки народной конструкціи рѣчи: „передъ зелеными *святы*“ (Льв. П.); „вѣчными *часы* у згодѣ жити“ (Ibid.).

Предложный падежъ един. и множ. ч.

Мягкое склоненіе именъ темы *а* въ един. ч. удерживаетъ церковнославянское окончаніе *и*: *на конѣ, на полѣ, на землѣ*. Въ великорусскомъ нарѣчіи старинное *и* замѣнено мягкимъ *е* (*ѣ*). Весьма можетъ быть, что *і* въ данномъ случаѣ сохранилось въ малорусскомъ нарѣчіи, благодаря раннему превращенію въ соотвѣтствующихъ окончаніяхъ твердаго склоненія *ѣ* въ *і*, но отрицать непосредственную связь этого *і* съ тѣмъ *и*, которое мы видимъ въ церковнославянскомъ нарѣчіи, нѣтъ никакого основанія. Если это *і* образовалось изъ *ѣ* твердаго склоненія, какъ думаетъ г. Потебня [1]), то что за звукъ былъ въ этомъ падежѣ до появленія въ немъ *і*=*ѣ*, какъ не гласный, еще болѣе іотный (изъ *јаі*), чѣмъ *ѣ* (изъ *аі*)? А если это былъ такой же іотный звукъ, то онъ не вновь явился здѣсь, а только получилъ поддержку въ однородномъ звукѣ изъ твердыхъ окончаній. То же *и* постоянно выдерживается и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: *при конци* (Г. К. 155), *къ морѣ* (Ib. 52), *въ Полщи* (Хм. л.) и т. п.

Во множ. ч. сохранились въ галицкихъ разнорѣчіяхъ старинныя окончанія *ех* и даже *ох*: *сынех, монастырех, грiсех, столовех, торгох* [2]), *громох* [3]). Окончаніе *ех* появилось въ темѣ *а* изъ темы *і*, а *ох*, по нашему мнѣнію, есть остатокъ старинаго смѣшенія темы *а* съ темой *у*. Уже въ Остромiровомъ евангелiи есть слѣды этого смѣшенія, напр: **къ домѣхъ**. Въ Добриловомъ еван. XII в. встрѣчаемъ то же самое слово съ замѣной *ѣ* посредствомъ *о*: *домохъ* [4]). Такія же формы не рѣдки и въ другихъ древнерусскихъ, а также и южнорусскихъ памятникахъ: *оу торгохъ*, (Ib. 513), *о полякохъ* (Гр. 1543 г.) [5]), **столцо́хъ** (Перес.

[1]) Отчетъ о 20 присужденiи наградъ гр. Уварова, 782.
[2]) Studien... Ogonowski, 127, 128.
[3]) Отчетъ о запатiяхъ славян. нар. (1876 г.) Кочубинскаго, 48.
[4]) Очерки изъ исторiи рус. яз. Соболевскаго, 115.
[5]) РАЗЮ. I. 99.

еван. 72). Въ грамматикѣ М. Смотрицкаго нѣтъ окончанія *охъ*, но окончаніе *ехъ* Смотрицкій приписываетъ церковнославянскому языку не только въ именахъ темы *і*, но и въ именахъ темы *а*, какъ въ мягкомъ склоненіи именъ мужес. и сред. р., напр: **пистырехъ, крачѣхъ, сердцехъ**, такъ и въ твердомъ: **конехъ, дрекехъ**. Вся разница, по его мнѣнію, твердаго склоненія отъ мягкаго заключается въ томъ, что въ первомъ возможно рядомъ съ *ехъ* окончаніе *ихъ*. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, М. Смотрицкій, очевидно, смѣшиваетъ старое съ новымъ: церковнославянское окончаніе *ехъ* темы *і*, перенесенное въ малорусскомъ нарѣчіи на имена темы *а*, онъ распространяетъ и въ церковнославянскомъ нарѣчіи на тѣ же имена. Въ другихъ малорусскихъ произведеніяхъ XVII в. есть, какъ *ехъ*, такъ и *охъ*: *въ послехъ* (Хм. л.), **на конехъ** (Г. К. 36), *въ пьснехъ* (Сл. о безд.), **о зкѣрохъ** (Г. Наука). Смѣшиваясь съ *ех*, окончаніе *ох* могло переходить въ малорусскомъ нарѣчіи чрезъ *јох* въ *јіх*.

Двойственное число.

Остатки разныхъ падежей двойств. ч. уцѣлѣли до настоящаго времени въ малорусскомъ нарѣчіи: „вина *двi склянцi*“ (Гол. I. 186), „назадъ *руцi* звязали“ (ib. I. 139), „двi *яблучцi* дала“ (ib. I. 69), даже *двi слові* (ib. III. 217), *очі, очима*, даже *крильма* (Гол. I. 38), *дворома* (ib. I. 18). У М. Смотрицкаго исчислены всѣ церковнославянскія формы двойст. числа, но, конечно, въ XVII вѣкѣ онѣ не могли уже существовать во всей полнотѣ ни въ народномъ употребленіи, ни въ книжной малорусской рѣчи. Въ этой послѣдней часто встрѣчаемъ: *очи, очима* (Сл. о безд.), **двѣ навцѣ** (Г. М. 86), а черезъ строку: **двѣ навки** (ib.), **двѣ причинѣ** (Рад. Ог. 45). Творит. двойст. большею частію попадается въ именахъ числительныхъ: **шестьма** (Г. К. 62), **обома** (ib. 72), **деванадцятьма** (Г. М. 239).

Въ согласныхъ темахъ малорусское нарѣчіе представляетъ одну особенность, стоящую въ связи съ церковнославянскими формами. Мы разумѣемъ имена существительныя съ тематическимъ *т*, которыя въ малорус. означаютъ не только молодыхъ

животныхъ, но и предметы неодушевленные въ значеніи именъ уменьшительныхъ, напр: *горщà, колíсчà*. Суф. *т* въ этихъ именахъ удерживается въ малорусскомъ нарѣчіи, какъ и въ церковнославянскомъ, и притомъ въ обоихъ числахъ, а не въ одномъ множ. числѣ, какъ въ нарѣчіи великорусскомъ, гдѣ суф. *т* въ единс. ч. сохранился только въ словѣ *дитя*. Слова: *теля̀, яня̀, порося̀, утя̀, лошà* только въ творит. падежѣ единс. ч. теряютъ суф. *т*: *телям, ягням* и проч. Есть подобныя формы и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „сѣдѣчи дитáмъ малíмъ“ (Г. М. 227), звѣрáтъ (Г. Каз. 24), межѝ звѣрáты (Рад. Ог. 375), къ звѣрáтахъ (Г. М. 94.), ослà, на ослáти (Г. К 61), звѣрáти (Г. М. 227), пташáта, пташáтъ (Г. Каз. 49), близнáтамъ, близнáтахъ (Рад. Ог. 515).

Глагольныя формы.

Въ глагольныхъ формахъ малорусское нарѣчіе значительно отступило отъ церковнославянскаго. Можно указать только немногіе остатки старины.

Неопр. наклоненіе сохраняетъ еще суф. *ти* не только подъ удареніемъ, какъ въ великорусскомъ нарѣчіи. Этотъ суффиксъ изрѣдка слышится и въ сѣверномъ великорусскомъ говорѣ, и наоборотъ, въ малорусскихъ говорахъ, сѣверномъ и украинскомъ, рядомъ съ *ти* есть и *ть*. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. окончаніе *ть* чрезвычайно рѣдко,—всюду господствуетъ въ ней *ти*—окончаніе столько же народное, какъ и церковнославянское.

Такъ называемые архаическіе глаголы не потеряли еще въ малорусскомъ нарѣчіи своихъ древнихъ окончаній во 2 л. единс. и множ. чиселъ: *дасѝ, йісѝ, дастѐ, йістѐ*. Въ сѣверномъ говорѣ великорусскаго нарѣчія изрѣдка встрѣчаются архаическія формы во 2 л. единс., но не множ. числа [1]),—есть онѣ и въ бѣлорусскомъ нарѣчіи [2]). Нерѣдки эти формы и въ книжной малорус-

[1]) Обзоръ звуковыхъ и форм. особенностей народ. рус. яз. Колосова, 243.

[2]) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 141.

ской рѣчи XVII вѣка: оу̀вѣси (Г. М. 304), кы̀даси (Рад. Ог. 386), дасѝ, дастѐ (Г. Каз. 3).

Есть даже остатки аориста въ одномъ изъ архаическихъ говоровъ малорусскаго нарѣчія (у Гуцуловъ): „ой пішла *бих* до сестриці, сестриця ми мила“ (Гол. I. 222); „ой дам же вам, леліники, по пив-золотого, ой *абисте* ми имили фусточку шовкову“ (ib. 223). Для обозначенія прошедшаго продолженнаго въ томъ же говорѣ употребляется причастіе на *лъ* съ *jex*: *був jex*“, при чемъ въ помощь къ *jex* появляется иногда *есми*: „косив *jex сми*“, „дивив *jex* си *сми* з горы на нёго“ [1]). Это *jex* (*лес*) образовалось по аналогіи съ *бых* въ слѣдствіе смѣшенія формъ аориста съ формами наст. времени: такъ, въ Пересопницкомъ евангеліи встрѣчаемъ: ѣхмо вм. *есмо*: „вѝдѣли ѣхмо“. Въ той же формѣ аориста часто можно встрѣтить вспомогат. глаголъ и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „мыслѣмо ѿ то҃ и҃ бы҃мо моглѝ тѣ҃ло є҃го с҃то҃е съ кр҃та сня̀ти“ (Стр. 46); „мы суть присланы на тое, *абыхмо* унію приняли“ (Львов. П.); „то вабъ на васъ, же *бысте* не програли за выгране“ (ibid). Рядомъ съ *быхмо, абыхмо* встрѣчаются формы: *быхмы* (Пал. З. К. 321), *абыхмы* (ib. 320), при чемъ *хмы, хмо* нерѣдко стоятъ вмѣсто *смы, смо* или же рядомъ съ этими послѣдними окончаніями: „*штохмы* увѣрили“ (Пал. З. К. 320), *повинныхмы* (ib. 319), *естехмы* (ib.), *естехмо* (ib. 1146), *заховалисмы* (ib. 320), *слышалисмо* (ib. 1000). По всему видно, что въ XVII вѣкѣ эти архаическія формы находили еще слабую поддержку въ живой рѣчи, но, вообще говоря, малорусскіе писатели употребляли формы аориста въ ихъ подлинномъ видѣ, и притомъ не отъ одного вспомогат. глагола, только въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли писать по церковнославянски. Это была одна изъ тѣхъ глагольныхъ формъ, посредствомъ которой они отличали *росскую мову* отъ церковнославянской. І. Галятовскій употребляетъ аористъ, а также прошедшее продолженное время только въ текстахъ священнаго писанія. Иногда одинъ и тотъ же глаголъ онъ ставитъ въ обычной формѣ прошедшаго времени на *лъ* и въ формѣ аориста или про-

[1]) Studien... Ogonowski, 145.

шедшаго продолженнаго, напр: „дѣвкам є дорога верхены вплъ Петрл и Павла, которын ходячи по свѣтѣ плакали, кѣдлугъ псалмисты: и плакадѣм“ (Г. Каз. 35).

Гораздо ближе къ народной рѣчи стоитъ прошед. сложное время изъ причастія на *лъ* и вспомогательнаго глагола *есмь*, который не сливается съ причастіемъ въ одно слово, какъ и въ церковнославянскомъ нарѣчіи. Въ народныхъ думахъ довольно обычно 2 л. един. ч. вспомогат. глагола: „Ой хмеле, Хмельниченьку! *учинив еси* ясу и між козаками великую трусу“ (Дум.). Изрѣдка и 3 л. един. ч. того же глагола употребляется съ причастіемъ на *лъ*: „не *есть* се насъ куля яничарська *постреляла*, а *есть* се отцева и паніматчина молитва покарала“ (Дум.). Въ чувствѣ языка глаголъ *есть*, очевидно, не имѣетъ морфологическаго значенія: онъ служитъ только риторическимъ средствомъ сдѣлать удареніе на сказуемомъ. Это видно, между прочимъ, изъ того, что форма *есть* стоитъ иногда при личномъ глаголѣ въ настоящемъ времени: „*есть* сія галера не *блудить*, ні світом *нудить*“ (Дум.),—стоитъ также вмѣсто 2 л: „не *есть* ви козаки, *есть* ви гайдамаки“ (Чуб. V. 706). 1-е л. множес. ч. глагола *есмь* слышно только въ Галиціи, большею частію слитно съ причастіемъ на *лъ*, иногда отдѣльно отъ причастія: „ой добре *сьмо учинили*, же *сьмо* Теклю *загубили*“ (Гол. I. 54). Не менѣе часто встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ, преимущественно галицкихъ, 2 л. множес. ч: „а насъ *есте повінчали*, що би ми ся били“ (Чуб. V. 576) [1]. Тѣ же самыя формы прошед. сложнаго времени составляютъ постоянную принадлежность книжной малорусской рѣчи XVII в: „взялъ єси сокѣ жонѣ лѣпшюю“ (Алек.),—„се звѣрь лютъ изялъ єстъ єго—(Г. К. 5),—„якъ єсмію жили на свѣтѣ“ (Ib. 45),—„где єстѣ сл подѣли“ (Стр. 28). Выписанныя нами фразы не лишены народнаго колорита. Совсѣмъ иное дѣло *есмь* и *сутъ* съ причастіемъ на *лъ*: „отмстила єсмь“

[1]) Едва ли возможны въ народной рѣчи формы *есмь* и *сутъ*, изрѣдка попадающіяся въ сборникѣ галицкихъ пѣсенъ Головацкаго: „пане ти мій, пане Копитане! пусти мене до дому, хоть *есмь* заводаный“ (Гол. III. 91); „*сутъ* бо в мене два вартивиченьки“ (Ib. 157); „ой *сутъ* у мене чари готові—білее личко, чорні брови“ (Ib. I. 202 III. 30).

(К. X), „грѣшныи люде свѣтъ затвердѣлые“ (Г. К. 52). Въ XVII в. это были, какъ и теперь, формы книжныя, а не народныя.

Въ западныхъ говорахъ современнаго намъ малорусскаго нарѣчія распространена особенная форма будущаго времени, составленная изъ сочетанія *буду* съ причастіемъ на *лъ*: „не *будеш* ти въ насъ *робила*,—сріблом-злотом *будеш шила*“ (Гол. I. 28). Есть мнѣніе, что эта форма заимствована изъ польскаго языка [1],—но замѣчательно, что она не составляетъ обычнаго явленія въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, которая, какъ мы видѣли, не чуждалась заимствованій изъ языка польскаго. Мы нашли всего два примѣра въ памятникахъ, нами прочитанныхъ: „уступовати *будемо мусѣли*“ (Пал. З. К. 1062), „дїаколъ не свѣтъ могълъ зрадити и окрасти“ (Сбор. ц. ар. м.). Въ грамматикѣ М. Смотрицкаго нѣтъ о ней и помину, хотя она была свойственна нарѣчію церковнославянскому, судя по древнѣйшимъ памятникамъ славянской письменности. [2]) Нерѣдко можно встрѣтить ее также на страницахъ древнерусскихъ и старинныхъ южнорусскихъ памятниковъ, начиная отъ XIII до XVI вѣка включительно [3]). Едва замѣтные остатки ея сохранились и въ современномъ сѣверно-великорусскомъ говорѣ [4]). Всѣ эти данныя едва ли могутъ служить къ подкрѣпленію мысли о польскомъ происхожденіи этой формы въ народной малорусской рѣчи. Она рѣдко встрѣчается въ книжной малорусской рѣчи просто потому, что оказалась излишнею рядомъ съ обычною формою сложнаго будущаго изъ глагола *буду* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, т. е. по той самой причинѣ, по которой отвергнута она и въ восточныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія.

Глаголы съ энклитическимъ *ся* въ великорусскомъ нарѣчіи и въ восточныхъ говорахъ малорусскаго являются въ непосредственномъ сочетаніи съ *ся*, которое всегда стоитъ послѣ гла-

[2]) Изъ записокъ по русской грамматикѣ, Потебни, II. 211.
[3]) Vergleichende Syntax der Slavichen Spr. Miklosich, 806.
[3]) Лекціи по исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 167—168.
[4]) Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей нар. рус. яз. Колосова, 249.

гола [1]). Въ западныхъ малорусскихъ говорахъ мѣстоименіе *ся* стоитъ впереди и послѣ глагола, отдѣляясь отъ него однимъ или же нѣсколькими словами, напр.: „не нагулялам ся, не находилам ся, тилько молоденька щом нажурилася“ (Чуб. V. 218); „я таки ся, моя мати, втікаты надію“ (Гол. I. 151); „не смій же ся, дівчинонько, колы з тя сь не смію“ (Ib. I. 113). Это свободное употребленіе мѣстоименія *ся* при глаголахъ было свойственно церковнославянскому языку и всѣмъ вообще древнерусскимъ говорамъ [2]). Совпадая съ народною рѣчью, оно составляетъ постоянную принадлежность и книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, напр.: „не кѣдѫ сѧ тѣ комѫти ѩко тѣтъ комлисѧ“ (Г. К. 185); „кровїю сѧ ѡкликала (церковь), кгдѣ сѧ кровъ сынѡкъ ѥѧ стрѣменѧми точила“ (Кир. Транк. 72. об.).

Таковы въ общихъ чертахъ церковнославянскіе архаизмы въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка. Они сообщаютъ ей народный характеръ не сами по себѣ, а въ связи съ такими особенностями рѣчи, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ нарѣчіи церковнославянскомъ. Разумѣемъ прежде всего общерусскіе звуки и формы, къ обзору которыхъ мы и должны теперь обратиться.

[1]) Глаголы эти, по Миклошичу, соотвѣтствуютъ, какъ медіальнымъ, такъ и страдательнымъ формамъ глагола въ другихъ языкахъ (Vergleich. Syntax der Slav. Spr. 263).

[2]) Ibidem 271.

III.

Общерусскіе звуки и формы.— Формы имени существительнаго — Глагольныя формы.

Въ предыдущей главѣ указаны были нѣкоторые изъ общерусскихъ звуковъ и формъ, совпадающихъ съ церковнославянскими,—теперь же мы займемся тѣми изъ нихъ, которые чужды были нарѣчію церковнославянскому.

Одни изъ общерусскихъ звуковъ и формъ не уступаютъ въ древности церковнославянскимъ архаизмамъ: они напоминаютъ о томъ моментѣ въ жизни русскихъ нарѣчій, который выражается въ наукѣ идеей русскаго праязыка. Другіе возникли на памяти исторіи, въ тотъ или другой вѣкъ древнерусской письменности. Но есть между ними такіе, о которыхъ трудно высказаться въ рѣшительномъ направленіи: составляютъ ли они общерусское наслѣдство отъ предполагаемой эпохи праязыка русскаго, или же они возникли на почвѣ древнерусскихъ нарѣчій, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовались нарѣчія великорусское и малорусское. Особенную трудность въ этомъ отношеніи представляютъ тѣ звуки, которые не повсемѣстно распространены въ русскихъ нарѣчіяхъ, хотя и не составляютъ исключительной принадлежности одного изъ нихъ, потому что встрѣчаются, какъ въ великорусскомъ, такъ и въ малорусскомъ нарѣчіи. Мы считаемъ эти звуки общерусскими, не стѣсняясь тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ нѣтъ теперь въ томъ или другомъ говорѣ великорусскаго или малорусскаго нарѣчія. По мѣрѣ развитія этихъ нарѣчій, объемъ распространенія этихъ звуковъ съуживался, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы они по своему

происхожденію не были общерусскими, тѣмъ болѣе, что и въ древнерусскихъ памятникахъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, они представляютъ обычное явленіе.

Итакъ, начнемъ обзоръ свой съ звуковъ гласныхъ и согласныхъ.

Буквы ѧ *и* ꙗ.

Извѣстно, что въ самую раннюю эпоху славянорусской письменности, русскіе, какъ говоритъ Востоковъ, „не имѣли звуковъ, выраженныхъ буквами ѧ, ѧ кирилловской азбуки и вмѣсто оныхъ выговаривали *у* и *я*“ [1]). Уже въ Остромировомъ евангеліи есть случаи замѣны юсовъ чистыми гласными. Въ Галицкомъ евангеліи 1144 г. вовсе нѣтъ большаго юса, а малый юсъ постоянно стоитъ послѣ мягкихъ согласныхъ—тамъ, гдѣ по современному великорусскому и малорусскому произношенію требуется *я* или послѣ шипящихъ *а:* **копыцѧго, нехожѧше** и проч [2]). Есть и въ Галицкомъ евангеліи ꙗ, но оно употребляется только въ началѣ словъ или слоговъ, при чемъ ꙗ стоитъ иногда тамъ, гдѣ, согласно съ церковнославянскимъ преданіемъ, должно было бы стоять ѣ, напр. **ꙗзꙑка** [3]). Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. это правописаніе видоизмѣнилось такимъ образомъ, что ꙗ заняло мѣсто въ началѣ словъ, а ѧ въ срединѣ и въ концѣ словъ, какъ послѣ согласныхъ, такъ и послѣ гласныхъ. М. Смотрицкій говоритъ: „ꙗ и ѧ различествуютъ: ѡ҃номꙋ спередѝ реченїй, ѡ҃комꙋ во средѣ̀ ѝ во концѝ полага́емꙋ: и҃зба́вльшесѧ“ и проч.

Глухіе гласные ъ *и* ь

Не менѣе древней чертой всѣхъ русскихъ нарѣчій мы считаемъ паденіе глухихъ гласныхъ ъ и ь. Говоримъ это въ виду того мнѣнія, по которому „*древніе* глухіе звуки во многихъ

[1]) Разсужденіе о славянскомъ языкѣ, Востокова, 8.
[2]) Матеріалы для исторіи письменъ, Буслаева, 42.
[3]) Ibidem.

случаяхъ были еще въ XIV—XV *в.*, особенно въ сѣверныхъ говорахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, между прочимъ, на концѣ, въ сѣверно-великорусскомъ (спорадически) доходятъ *вплоть до нашего времени*“ [1]). Считаемъ вполнѣ убѣдительнымъ замѣчаніе, высказанное по этому поводу Колосовымъ, который самъ записывалъ народныя пѣсни въ сѣверномъ краѣ. Онъ говоритъ, что глухіе гласные, слышные въ концѣ словъ (*идуты, крылечико, колодцы* вмѣсто *идутъ, крылечко, колодцы*), вызваны условіями стихотворнаго размѣра, составляя принадлежность народной метрики, а не народной фонетики [2]). Что касается до существованія глухихъ гласныхъ въ XIV—XV в., то оно утверждается на такомъ правописаніи словъ, которое, во всякомъ случаѣ, можно объяснять различно. Извѣстно, что въ самыхъ древнихъ памятникахъ славянорусской письменности мы встрѣчаемъ случаи замѣны глухихъ гласныхъ чистыми, а также обратные случаи постановки глухихъ гласныхъ вмѣсто чистыхъ, наконецъ, случаи совершеннаго исчезновенія глухихъ гласныхъ Изъ вѣка въ вѣкъ можно слѣдить за этими тремя особенностями правописанія ъ и ь въ древнерусскихъ памятникахъ, при чемъ каждая изъ нихъ увеличивается въ размѣрѣ по мѣрѣ накопленія письменныхъ памятниковъ [3]). Легче всего понять послѣднюю особенность, т. е. совершенное опущеніе на письмѣ ъ и ь: полагать надобно, что оно соотвѣтствовало дѣйствительной потерѣ этихъ звуковъ въ произношеніи. Но какъ понимать ъ и ь вмѣсто *о* и *е*, и особенно—обратные случаи? Защитники поздняго паденія ъ и ь усматриваютъ въ этихъ двухъ способахъ начертанія глухихъ гласныхъ доказательство ихъ жизни. Но мы не видимъ логическаго основанія изъ двухъ противоположныхъ явленій извлекать одинъ и тотъ же выводъ. Намъ могутъ возразить, что одни и тѣ же случаи правописанія въ разные вѣка древнерусской письменности могутъ имѣть разныя значенія. Но въ опредѣленіи

[1]) Къ исторіи звуковъ рус. яз. Потебни, 72.
[2]) Обзоръ... Колосова, 4.
[3]) Матеріалъ собранъ въ книгѣ Колосова: Очеркъ исторіи звуковъ и формъ рус. яз. съ XI по XVI в.

этихъ значеній, по нашему мнѣнію, и заключается вся трудность вопроса. Кто имѣетъ расположеніе слышать глухіе гласные и въ современномъ ритмѣ сѣверно-великорусскихъ пѣсенъ, тотъ истолкуетъ ъ и ь вмѣсто *о* и *е* и обратные случаи въ древнерусскихъ памятникахъ въ пользу своего мнѣнія. Но, пока не устраненъ произволъ въ толкованіи древнерусскаго правописанія посредствомъ болѣе точныхъ наблюденій надъ его особенностями, мы не имѣемъ логическаго основанія считать глухіе гласные долговѣчными въ русскихъ нарѣчіяхъ[1]). Поэтому мы остаемся при своемъ прежнемъ мнѣніи, что „пока не будутъ указаны точныя орфографическія примѣты, по которымъ можно бы было узнавать присутствіе глухихъ звуковъ въ произношеніи древнерусскихъ писцевъ, до тѣхъ поръ невозможны попытки хронологически опредѣлить эпоху, когда глухіе звуки исчезли въ русскомъ языкѣ“ [2]). Совсѣмъ другое дѣло вопросъ о томъ, когда глухіе гласные *начали* падать въ русскихъ нарѣчіяхъ. Положительно можно сказать, что этотъ моментъ выступаетъ въ самомъ началѣ документальной исторіи ихъ въ древнерусскихъ памятникахъ, т. е. въ XI в. Употребленіе ъ и ь вмѣсто *о* и *е* и этихъ послѣднихъ буквъ вмѣсто ъ и ь, возникшее въ XI в., по нашему мнѣнію, указываетъ на звуковую близость этихъ звуковъ, которые въ произношеніи почти не различались между собою, поэтому переписчики и смѣшивали чистые гласные съ глухими. Ясно, что индивидуальная природа ъ и ь, сознанная творцами славянской азбуки, затмилась уже въ то время, когда

[1]) По поводу словъ: *гонець*, *Боровескъ*, *царество* (XIV—XV в.) Колосовъ ставитъ вопросъ: „есть ли *е* этихъ формъ чистый гласный звукъ, или приблизительное выраженіе глухаго, или обозначеніе мягкости предшествующаго согласнаго“,— и затѣмъ изъ трехъ предположеній считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ второе (Обзоръ, 12). Почему онъ предпочитаетъ второе предположеніе первому и третьему, не видно изъ его книги. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ произвольнаго отношенія къ данному вопросу. Можно, конечно, на основаніи замѣны ъ и ь чистыми гласными разсуждать о неопредѣленности гласныхъ, которые выражались посредствомъ ъ и ь, но весь вопросъ въ томъ, какая это неопредѣленность —та ли, которая искони была присуща глухимъ гласнымъ и составляетъ, такъ сказать, ихъ индивидуальную природу, или неопредѣленность позднѣйшая, возникшая въ эпоху паденія ихъ.

[2]) Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія, 66.

начали писать эти буквы вмѣсто *о* и *е*, и наоборотъ. Трудно сдѣлать отсюда иной выводъ, хотя и отрицать спорадическое существованіе ъ и ь въ XI в. тоже трудно. Что касается до малорусскаго нарѣчія, то мы положительно не считаемъ въ немъ возможнымъ существованіе глухихъ гласныхъ въ XVI—XVII в., какъ доказываетъ это г. Огоновскій [1]), который, вопреки мнѣнію г. Потебни, полагаетъ, что ъ и ь удерживались долѣе въ малорусскомъ нарѣчіи, чѣмъ въ великорусскомъ. Онъ ссылается на ударенія надъ ъ и ь въ рукописяхъ XVI—XVII в: мрѣ́докати, дло́го (Перес. еван.), сѣкѣ́ть, пло́ть (Берында), но ударенія здѣсь показываютъ только, что ъ и ь произносились, какъ гласные звуки. Для подтвержденія своей мысли онъ указываетъ также на преобладаніе въ малорусскомъ нарѣчіи звучныхъ согласныхъ надъ отзвучными. Но это явленіе во всякомъ случаѣ не тождественно съ дѣйствительною жизнію глухихъ гласныхъ въ народномъ употребленіи. На звучные согласные перенесенъ былъ оттѣнокъ гласности, принадлежавшій вообще гласнымъ звукамъ, а не однимъ только глухимъ гласнымъ, поэтому мы можемъ сказать только, что въ звучныхъ согласныхъ сильнѣе выступаетъ гласный элементъ, чѣмъ въ отзвучныхъ, не болѣе того, но опредѣлить частныя свойства этого элемента, тотъ или другой спеціальный характеръ его, мы не имѣемъ никакой возможности. Кто утверждаетъ, что преобладаніе звучныхъ гласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи доказываетъ существованіе глухихъ гласныхъ въ такое позднее время, какъ въ XVI—XVII в., тотъ долженъ признавать существованіе глухихъ гласныхъ и въ наше время, потому что и теперь звучные согласные не перестали быть звучными въ малорусскомъ нарѣчіи. Съ другой стороны, еслибы М. Смотрицкій произносилъ ъ и ь, какъ глухіе звуки, то онъ охотно приписалъ бы это произношеніе и церковнославянскому языку, которому онъ усвоилъ множество звуковыхъ и формальныхъ особенностей русскаго произношенія. Между тѣмъ, о ъ и ь онъ выражается самымъ рѣшительнымъ образомъ, что они „сами собою гласа издати не могутъ“.

[1]) Studien .. Ogonowski, 48.

Полногласіе.

Полногласіе, какъ исконная черта всѣхъ русскихъ нарѣчій, проходитъ чрезъ всѣ вѣка южнорусской письменности. Въ малорусской книжной рѣчи XVII в. полногласныя формы встрѣчаются въ особенномъ изобиліи: со́ромъ (Бер. 154), нагоро́да (Рад. Ог. 367), о́болокъ (Ib. 371), о́скорочаютъ (Ib. 394), колосни́ца (Ib. 400), соло́дкій (Ib. 475). Такъ называемое второе полногласіе (сѣвернорус: *молонья, беревно* = церковносл: млѣнии, брѣкно) встрѣчается, какъ извѣстно, въ малорусскомъ нарѣчіи довольно рѣдко.[1]) Такъ же рѣдко встрѣчается оно и въ старинныхъ южнорусскихъ памятникахъ. Въ Галиц. еван. 1144 г. г. Ягичъ нашелъ всего два примѣра: *должніка, пърстъ*[2]). Въ старину, какъ и теперь, оно, видимо, было свойственно главнымъ образомъ сѣверорусскому говору. Мы не нашли никакихъ слѣдовъ этого явленія и въ позднѣйшей малорусской письменности XVII в. Позволяемъ себѣ высказать предположеніе, не есть ли употребленіе двухъ полугласныхъ при плавныхъ *л, р* признакъ затменія слогообразовательной природы этихъ звуковъ, повидимому, не утраченной въ нѣкоторыхъ горскихъ говорахъ малорусскаго нарѣчія? Думаютъ, обыкновенно, что *ъ* въ словахъ: *врьхъ, трьвати, теперь, рьчи, рьчете* (Головац. Розправа о яз. южнор. 50), *кърма, крътыця, кърныця* (Кочуб. 1 Отчетъ, 1876 г. 41) слышится въ произношеніи, какъ глухой гласный звукъ[3]). Слѣды слогообразовательнаго употребленія плавныхъ звуковъ замѣтны и въ старинныхъ южнорусскихъ памятникахъ: *дьври, дьвремъ, клѧнущая* (Галиц. еван. XIII в.), *крве, крви* (Поликарп. еванг. XIV в.), *кълнеться* (Луц. еванг. XIV в.)[4]). Въ южнорусской печати XVII в. есть начертанія: по крки (Г. Мес. 212), крѣка́вый (Ib.), на крѣхъ (Ib. 214), хотя при *р* въ подобныхъ случаяхъ большею частію стоитъ *и* или *ы*: о́бжи́рство (Г. К. 185), о́крыка́вленое (ib. 5), дрыжа́ть (ib. 50).

[1]) Studien... Ogonowski, 53.

[2]) Четыре критико-палеогр. статьи, Ягича, 97.

[3]) Studien... Ogonowski, 42.

[4]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 72.

Буква ѣ для выраженія і изъ ѣ и основнаго е.

Къ общерусскимъ звукамъ мы причисляемъ и тѣ звуки, которые въ обоихъ русскихъ нарѣчіяхъ великорусскомъ и малорусскомъ соотвѣтствуютъ церковнославянскому *ѣ*[1]). Объ этихъ звукахъ высказано было много мнѣній, но вопросъ о томъ, какіе именно звуки скрывались въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ подъ церковнославянскою буквою *ѣ*, до настоящаго времени остается спорнымъ. Принимаютъ обыкновенно за исходную точку этихъ нарѣчій въ произношеніи буквы *ѣ* долгое *е*. И мы въ своемъ изслѣдованіи о буквѣ *ѣ* не отрицали этого мнѣнія, допуская, что въ *праязыкѣ русскомъ* возможно было долгое *е*, какъ выразитель того звука, для котораго въ церковнославянскомъ нарѣчіи придумана была буква *ѣ*[2]). Но можно ли въ звукахъ *е* или *ѥ*, посредствомъ которыхъ въ памятникахъ XI и особенно XII в. замѣняется буква *ѣ*, видѣть долгое *е*?[3]) Одни считаютъ это *е* приблизительнымъ выразителемъ долгаго *е*, но эта *приблизительность*, очевидно, не рѣшаетъ вопроса о томъ, существовало ли долгое *е* = *ѣ* въ самомъ началѣ древнерусской письмен-

[1]) Мы продолжаемъ считать тождественными звуками малорусское и сѣверновеликорусское і=ѣ, вопреки мнѣнію г. Потебни, который высказался противъ нашей мысли въ разборѣ сочиненія нашего „Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія“ (Отчетъ о 20-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, 791—794) Тождественны эти звуки 1) по своему происхожденію, если допускать, что это і образовалось изъ долгаго *е*=ѣ; 2) по результатамъ, если будемъ разсматривать ихъ съ качественной стороны. Повидимому, і=ѣ малорус. и сѣверно-великорус. не представляютъ сходства только по условіямъ образованія своего или, какъ говоритъ г Потебня, по процессамъ измѣненія своего. Но эти процессы отличаются полною ясностію только въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ. Если мы допускаемъ, что они были возможны и въ украинскомъ говорѣ, то почему не допустить того же и для сѣверновеликорусскаго говора? Если въ немъ мы не видимъ ихъ теперь, то также точно не видимъ и въ украинскомъ говорѣ. Но то, что утрачено теперь въ этомъ послѣднемъ, могло быть утрачено и въ первомъ. *Навѣрное* можно сказать только одно, что условія измѣненія ѣ въ і, какъ остатки старины, въ настоящее время сохранились только въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ.

[2]) Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія, 93—94.

[3]) Случаи такой замѣны см. Колосова Очеркъ.... 60 и Соболевс. Очерки... 81.

ности [1]). Другіе высказываются болѣе опредѣленно, утверждая, что въ то время, когда произошло исчезновеніе глухихъ гласныхъ, *ѣ* былъ еще долгимъ звукомъ [2]). Но и это мнѣніе нуждается въ доказательствахъ. Поэтому мы остаемся при своемъ прежнемъ мнѣніи, что „*въ историческую эпоху* долгое *е* въ русскихъ нарѣчіяхъ не было звукомъ, присущимъ живому чувству русскаго языка“ [3]). Мы признаемъ долгое *е* вмѣсто *ѣ* за исходную точку для русскихъ нарѣчій, стоящую за предѣлами документальныхъ данныхъ, которыя представляютъ намъ древнѣйшіе памятники русской письменности. Здѣсь уже мы видимъ не только *е* и *іе* вмѣсто *ѣ*, и обратно—*ѣ* вмѣсто *е*, но также *и* вмѣсто *ѣ*, а равно *ѣ* вмѣсто *и*. Тотъ и другой обмѣнъ *ѣ* то съ *е*, то съ *и*, встрѣчаются въ однихъ и тѣхъ же памятникахъ XI в., какъ сѣверныхъ (въ новгородскихъ Минеяхъ 1096—97 г.), такъ и южныхъ (Сбор. 1073 г.). Можно объяснить эту двойственность произношенія буквы *ѣ* тѣмъ обстоятельствомъ, что въ сознаніи русскихъ писцевъ были два представленія объ этой буквѣ—одно книжное, а другое народное. Первое принесено было вмѣстѣ съ священными книгами южнославянскими учителями, произносившими *ѣ*, какъ *е*. Само собою разумѣется, что оно могло совпадать съ народнымъ произношеніемъ *ѣ*, какъ *е*, въ тѣхъ или другихъ древнерусскихъ говорахъ. Но и помимо этого условія, такое произношеніе *ѣ* могло установиться въ кругу грамотныхъ людей при чтеніи и перепискѣ богослужебныхъ книгъ. Этимъ объясняется преобладаніе *е* вмѣсто *ѣ* надъ *і* вмѣсто *ѣ*. Что касается до произношенія буквы *ѣ*, какъ *і*, то оно не имѣло за собою въ XI в. книжнаго преданія, и потому появленіе *и* вмѣсто *ѣ* въ письменности объясняется только вторженіемъ въ нее народнаго выговора. Такъ или иначе, не подлежитъ сомнѣнію, что въ XI в. буква *ѣ* въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ звучала не одинаково.—Гораздо сложнѣе вопросъ о происхожденіи *е*, *и* вмѣсто *ѣ*. Примыкаютъ ли эти звуки прямо и непосредственно

[1]) Очеркъ... Колосова, 38.

[2]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 81.

[3]) Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія, 94.

къ долгому *е*, или между ними и долгимъ *е* посредствующими звуками были дифтонги *іје*, *ијѐ*, сохранившіеся въ сѣверныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія? Мы имѣли случай высказаться за это послѣднее предположеніе и не имѣемъ причинъ предпочитать ему первое. Мы думаемъ, что сѣверно-малорусскихъ дифтонговъ нельзя вывести изъ краткихъ *е*, *и*, смѣнившихъ *ѣ*: они могли появиться только изъ долгаго *е*. Если же они существуютъ теперь, какъ архаизмы, то еще болѣе могли существовать нѣкогда, какъ новообразовавшіеся звуки, давшіе жизнь великорусскому *е* и малорусскому *и* вмѣсто *ѣ*. Къ сожалѣнію, по письменнымъ памятникамъ нельзя опредѣлить времени ихъ появленія въ устахъ народа, и въ этомъ заключается слабая сторона нашего предположенія. Тѣмъ не менѣе оно имѣетъ за себя всѣ теоретическія основанія. По крайней мѣрѣ, въ чешскомъ нарѣчіи *іе* было посредствующимъ звукомъ между древнѣйшимъ *ѣ* и позднѣйшими *е*, *і* [1]). Правда, въ чешскихъ памятникахъ *іе* появляется сравнительно поздно — въ XIV в, но въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ дифтонги могли появиться въ разное время. Нужно принять во вниманіе и то обстоятельство, что латинская азбука болѣе располагала къ фонетическому письму, чѣмъ церковнославянская. Если бы чешскіе писатели употребляли эту послѣднюю, то, можетъ быть, чешское *іе* пришлось бы возстановлять апріорнымъ путемъ такъ же, какъ и предполагаемые нами въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ дифтонги *іје*, *ијѐ* вмѣсто *ѣ*. Древнерусскіе писцы получили букву *ѣ* вмѣстѣ съ юсами, вмѣстѣ съ ѱ, ѯ, ѧ, ѵ и другими условными знаками, подъ которые должны были подставлять звуки того языка, на которомъ сами говорили,—и вотъ мы видимъ, что они употребляютъ букву *ѣ* для выраженія разныхъ звуковъ, которыхъ, надо полагать, вовсе не имѣлъ въ виду изобрѣтатель ея. Они ставятъ букву *ѣ* не только тамъ, гдѣ она требуется церковнославянскимъ правописаніемъ, но и тамъ, гдѣ она была вовсе неумѣстна. Въ этомъ случаѣ они руководствовались то книжнымъ произношеніемъ этой буквы, то народнымъ. Можно, однакоже, въ южно-

[1]) Hattala, Zvukaslovi, 69.

русской письменности прослѣдить изъ вѣка въ вѣкъ постепенный ростъ народнаго произношенія этой буквы, какъ *і*. Все чаще и чаще она выступаетъ, какъ выразитель не только *і* изъ *ѣ*, но и *і* изъ *е*. Въ XVII в. буква *ѣ* равнозначительна буквѣ *и*: она постоянно употребляется для выраженія звука *і*. Встрѣчается буква *и* тамъ, гдѣ, по требованію славянскаго правописанія, должна стоять буква *ѣ*. Вотъ нѣсколько примѣровъ: не ѣдѧтъ и не ꙗдѧтъ (Г. М. 238), ѣзилъ (Г. К. 5), зѣлъ (ib. 8), *изѣвъ* (Хмел. л.), *поили* (Льв. II.), *издилъ* (ib.), приѣздъ (Лям. Острож.), бѣиханю (ib.). Гораздо чаще встрѣчаются обратные случаи: нерѣдко даже основное *и* пишется черезъ *ѣ*: кѣнески (Г. К. 40), напѣтъ (ib. 44), пѣтъ (ib. 155), пѣла (ib. 198), нѣ кѣкъ, не лѣ҃ (ib. 62), кѣнокъ (ib. 57), кѣзкѣй (*козій*), баранкѣй, коровкѣй, ѣленкѣй (Бер. 140) и т. п. Особенно рѣзко бросается въ глаза эта особенность правописанія въ такихъ иностранныхъ словахъ, какъ *Унѣя, комисѣя* (Хм. л.), *лѣтеръ* и тамъ же: *литерами* (Шал. З. К. 999), мѣнѣта (Г. К. 16), ѣнтелѣгѣбилє (intelligibile) „тѣє цѣ розумѣютсѧ“ (Г. М. 301).

Превращеніе неударяемаго а въ о.

Извѣстно, что въ окающихъ говорахъ великорусскаго нарѣчія неударяемый гласный звукъ *о*, за немногими исключеніями, не переходитъ въ *а*. То же консервативное отношеніе къ звуку *о* мы видимъ и въ малорусскомъ нарѣчіи, которое не превращаетъ неударяемаго *о* въ *а*: *зоря, козак, отаман, Олекса, Опанас* и проч. Это предпочтеніе звука *о* звуку *а* есть старинная черта древнерусскаго вокализма, въ которомъ замѣчается склонность превращать неударяемое *а* въ *о*: *полать* (Чуд. псал. XII в.), *сотона* (Ж. Б. и Гл. XII в.) и т. п.[1]). Она утрачена въ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ говорахъ, гдѣ, наоборотъ, неударяемое *о* превращается въ *а*[2]). Въ современномъ

[1]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 77, 91.

[2]) Обзоръ звуковыхъ и форм. особенностей русскаго яз. Колосова, 54—56.

малорусскомъ нарѣчіи, какъ и въ книжной малорусской рѣчи XVII в., ударяемое и неударяемое *а* часто превращается въ *о*: кожды́й (Г. Каз. 145), ро́зный (Г. М. 220), ро́зумъ (ib. 206), мѣсяцъ (ib. 298), розмокли́ли (Г. Каз. 143), *Озовъ* (Меж. л.) и т. п.

Превращеніе е въ о (је въ јо).

Еще рѣшительнѣе въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ выступаетъ превращеніе начальнаго *є* въ *о*. Такъ, въ Остромировомъ еван: *олеи* вмѣсто *єлеи*, въ Сбор. 1073 г: *оже* вмѣсто *єже* и т. п. Мнимая ли это особенность древнерусскаго вокализма, или подлинная, не подлежитъ сомнѣнію, что изъ современныхъ нарѣчій русскихъ она сохранилась главнымъ образомъ въ малорусскомъ и отчасти въ сѣверномъ[1]). Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. она встрѣчается рѣдко.

Превращеніе *е* въ *о (јо)* послѣ мягкихъ согласныхъ есть тоже давнее явленіе въ древнерусскихъ памятникахъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ[2]). Въ XIII в. появляется превращеніе *е* въ *о* подъ вліяніемъ ударенія: *жонъ, шолъ, у чомъ*[3]). Это, какъ извѣстно, черта современнаго южно-великорусскаго говора, въ которомъ для перехода *е* въ *јо*, *о* послѣ согласныхъ требуется удареніе надъ *е* вмѣстѣ съ твердостію слѣдующаго за *е* слога. Эти условія не всегда обязательны въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ и совершенно не обязательны въ малорусскомъ нарѣчіи. Не были они обязательны и въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ. Весьма вѣроятно предположеніе г. Соболевскаго, что ограниченіе перехода *е* въ *о* въ южно-великорусскомъ говорѣ стоитъ въ зависимости отъ развитія въ немъ такъ называемаго *аканья*[4]). Въ старинныхъ южнорусскихъ памятникахъ XII—XIII в. появляется *ю* вмѣсто *е*: *ужасаются*—3 л. един. ч. (Добр. ев. XII в.),

[1]) Ibid. 69—70; Очеркъ звуковой исторіи малорус. нарѣчія, 139.

[2]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 52—53.

[3]) Очеркъ... Колосова, 93.

[4]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 55.

июдьюмъ (Галиц. ев. XIII в.), *щюдръ* (Типогр. ев. XII—XIII в.)[1]). Полагать надобно, что это *ю* образовалось изъ посредствующаго *jo*, и что оно стоитъ внѣ всякой зависимости отъ ударенія. Во всякомъ случаѣ, *о* вмѣсто *е* послѣ согласныхъ, и именно шипящихъ, представляетъ обычное явленіе и въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, какъ подъ удареніемъ, такъ и безъ ударенія: чого̀ (Г. М. 301), нѣчо́го (Стр. 25), цюко́ю (Г. Каз. 141), пришо́кши (Г. М. 307) и т. п.

Перегласованіе о, а въ е.

Широко развито въ великорусскомъ нарѣчіи перегласованіе звука *о* и особенно *а* въ *е* и даже въ *и* подъ вліяніемъ предшествующей іоты и даже шипящихъ согласныхъ, заключающихъ въ себѣ іоту, и вообще согласныхъ мягкихъ. Разница въ этомъ отношеніи между сѣверно-великорусскимъ и южно-великорусскимъ говоромъ состоитъ въ томъ, что послѣдній не допускаетъ перегласованія въ ударяемомъ *а*, тогда какъ въ первомъ перегласованіе составляетъ обычное явленіе, какъ въ ударяемомъ, такъ и въ неударяемомъ *а*. За исключеніемъ украинскаго говора, въ остальныхъ малорусскихъ говорахъ—въ сѣверномъ, и особено въ галицкомъ, перегласованіе составляетъ органическую принадлежность народной фонетики. Въ галицкихъ говорахъ оно представляетъ полное сходство съ сѣвернорусскимъ, т. е. послѣ всѣхъ согласныхъ, въ которыхъ явно или скрыто существуетъ іота, подлежитъ перегласованію ударяемое и неударяемое *а*: *памѣть, рѣбій, жѣль, щѣстѣ, мѣсо*. Не переходитъ *а* (*я*) въ *ѣ*, когда съ гласнаго начинается слово или слогъ: *я, по́ясъ, стоя́ти*,— изрѣдка и послѣ согласныхъ, особенно послѣ *л*: *для́, ля́х, гуля́ти*. Въ свою очередь и *ѣ* перегласуется дальше—въ *і* (*йі*): *щісьтѣ, мі́сіць* и т. п. Перегласованіе отмѣчено уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ: въ Сбор. 1073 г: *въпраштѣємыхъ, добростворенію дьля, сего дьле, камыкъ преточенію*[2]); въ новгородской Минеѣ 1091 г: *въждедая, сугражению*[1]). Въ Галицкомъ евангеліи 1144 г. послѣ шипящихъ стоитъ, какъ мы видѣли, ѧ, изрѣдка *а*[2]), иногда *ъ*: *множьйша*[3]). Послѣдній случай можно объяснить перегласованіемъ, какъ бы ни звучала буква *ъ*, какъ *е* или какъ *і*. Въ южнорусскихъ грамотахъ XIV—XV вв. нерѣдко встрѣчаются такія формы, какъ *розвезати, поглядать* и т. п.[4]). Подобныхъ примѣровъ немало найти можно и въ книжной малорусской рѣчи, особенно въ произведеніяхъ, написанныхъ въ первыя десятилѣтія XVII в. Такъ, въ Учительномъ евангеліи 1604 г: кли́жнего, подоро́жнего; въ *Казаньяхъ* Карповича 1615 г: *се* вмѣсто *ся* (90), *хотечи* (89); въ Кіевской лѣтописи 1621 г: *бачечи, светою* (81), *поднялсе* (80), *наставльшего* (82), *езыкъ* (87) и т. п. Впрочемъ, примѣры, выписанные нами, напоминаютъ бѣлорусское перегласованіе неударяемаго *а* въ *е*[5]).

Замѣна ы звукомъ у въ формахъ отъ глагола быти.

Во всѣхъ формахъ глагола *быти* въ малорусскомъ нарѣчіи является звукъ *у* вмѣсто *ы*: *бути, був, бувши*, отсюда—*бувати, бував, бувавши*. Это *у* вмѣсто *ы* свойственно и нѣкоторымъ великорусскимъ говорамъ, особенно бѣлорусскому[6]). Одни объясняютъ *у* въ глаголѣ *быти* „памятью о низкомъ произношеніи ы“,[7]) другіе выводятъ его изъ двоегласнаго *уі*, предполагая, что *у* вытѣснило *і*[8]), но, принимая во вниманіе, что въ другихъ случаяхъ, за исключеніемъ немногихъ словъ, въ сѣверно-малорусскомъ говорѣ *ы* не измѣняется въ *у*, можно скорѣе всего согласиться съ мнѣніемъ гг. Бринера и Огоновскаго, что *у* здѣсь появилось изъ формы *буду* = церковнослав. бѫдѫ.[9]) Мало-

[1]) Очерки изъ исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 93.
[2]) Ibidem, 103.

[1]) Лекціи по исторіи русскаго яз Соболевскаго, 67.
[2]) Четыре критико палеографическія статьи, Ягича, 91 – 93.
[3]) Матеріалы для исторіи пис. Буслаева, 12.
[4]) Dokumenta mold. Kałużniacki, 8. См. также Acta grodzkie i ziemskie... Lwów (1868), т. 1.
[5]) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 46.
[6]) Ibidem, 55.
[7]) Два изслѣдованія о звукахъ рус. яз Потебни, 122.
[8]) Ягичъ, Archiv, II, 358.
[9]) Ibidem,—Studien... Ogonowski, 39—49.

русскіе писатели XVII в. большею частію удерживали коренное *ы* въ формахъ отъ *бити*, но встрѣчаются и формы съ *у*: *був, були* (Хм. л.), *бувши, збути* (Сл. о безд.).

Замѣна о звукомъ у въ глаголахъ съ тематическимъ ова.

Такъ же точно встрѣчается въ бѣлорусскомъ нарѣчіи *у* вмѣсто *о* въ глаголахъ съ тематическимъ *ова*, какъ и въ малорус: *дарувати, панувати*, бѣлорус: *даруваци, панувати* [1]). Это послѣднее *у*, равно какъ и предыдущее, мы не можемъ считать въ бѣлорусскомъ нарѣчіи заимствованіемъ изъ малорусскаго, потому что оно распространено въ мѣстностяхъ отдаленныхъ отъ малорусскаго народонаселенія, напр. въ витебской губерніи. Малорусскіе писатели XVII в. избѣгали употребленія *у* въ глаголахъ на *ова*, хотя въ народной рѣчи, безъ сомнѣнія, въ то время слышалось въ этихъ случаяхъ и *у* рядомъ съ *о*. Въ нѣкоторыхъ формахъ этихъ глаголовъ появляется *у* и въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Смѣшеніе у съ в.

Смѣшеніе *у* съ *в*, какъ въ начальныхъ, такъ и въ серединныхъ слогахъ, есть явленіе рѣдкое въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ, болѣе частое въ южно-великорусскомъ, обычное—въ бѣлорусскомъ и во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія. Начиная съ XI вѣка, оно встрѣчается въ памятникахъ только южныхъ, напр. въ Сбор. 1073 г: *уселенъи, вгодно, вчинены;* въ Ж. Ѳ. XII в: *вгодникъ, вгодникомъ* [2]). Съ XIII в. мы видимъ его, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ [3]). Очевидно, смѣшеніе *у* съ *в* не было одинаково распространено и въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ, хотя, съ другой стороны, оно не было свойственно исключительно южнорусскимъ говорамъ. Въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи оно проведено съ безусловною строгостію: въ немъ невозможно, напримѣръ, превращеніе *в* въ *ф* передъ отзвучными согласными (*лафка, фторникъ*), какъ въ большинствѣ говоровъ великорусскаго нарѣчія. Проходя

[1]) Обзоръ... Карскаго, 55.

[2]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 62—78.

[3]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 87—88.

съ особенною настойчивостію чрезъ всѣ вѣка южнорусской письменности, смѣшеніе *в* съ *у* постоянно встрѣчается и въ книжной малорусской рѣчи XVII в.: оу҃вѣсь, ѵ҃вѣсь (Бер. 14), некрожа́й, на Вкраи́нѣ, вчи́тель (Г. М. 35), оу҃тѣка́ютъ (Рад. Ог. 473).

Смѣшеніе л съ в и вокализація в въ у.

Нѣкоторое сходство съ предыдущимъ явленіемъ представляетъ смѣшеніе *л* съ *в* и затѣмъ вокализація этого послѣдняго звука въ *у*. Обыкновенно это бываетъ тамъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи стоитъ согласный + лъ + согласный: *влкъ = вовк = воук, плгный = повний = поуний*. Въ причастіи прошедшемъ на *лъ* конечное *л* тоже превращается въ *в, у*: *далъ, ходилъ = дав, ходив = дау, ходиу*. Въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ серединнымъ превращеніямъ соотвѣтствовало сочетаніе *гл* вмѣсто церковнослав. *лъ*. Во всякомъ случаѣ, вокализація *л* чрезъ *в* въ *у* находится въ связи съ потерей *ъ*, въ которомъ твердый согласный *л* нѣкогда имѣлъ свою поддержку, какъ имѣетъ и теперь въ гласныхъ звукахъ *а, о*, которые являются въ томъ же причастіи женс. и сред. р: *дала, дало, ходила, ходило*. Что касается до формъ: *сокіл, орел*, въ которыхъ удерживается *л*, то весьма вѣроятно, что здѣсь глухой *ъ* потерянъ былъ позже [1]). Какъ бы то ни было, только превращеніе *л* въ *в* и *у* свойственно не только малорусскому нарѣчію, но и бѣлорусскому, отчасти и нѣкоторымъ сѣверно-великорусскимъ говорамъ [2]). Въ малорусской письменности въ первый разъ мы встрѣчаемся съ этимъ явленіемъ въ концѣ XVI в: кыдо́вкѹ (Лексисъ Зизанія 1596 г.) [3]), въ XVII в. оно встрѣчается очень часто: ко́кна, мокчѹ́ (Бер. 157), сто́кченый (ib. 156). Въ спрягаемомъ причастіи рядомъ съ *л* не менѣе часто встрѣчается и *в*, и притомъ у одного и того

[1]) Studien... Ogonowski 68. Тамъ же приведены оригинальныя формы, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Галиціи: *соків, кужів, горівка* вмѣсто *сокіл, кужіль, горілка*.

[2]) Обзоръ звуковыхъ и форм. особен. народнаго рус. яз. Колосова, 165—166.

[3]) Studien.. Ogonowski, 68.

же писателя: „Хс нѣкого не зневажалъ, нѣ бивъ, нѣ лаялъ“ (Г. К. 62), *пшолъ* и *пшовъ* (Льв. П.), *збивъ, погнавъ, звоевавъ* (Меж. л. 97), *спаливъ* (ib. 98) и *спалилъ, взялъ* (ib. 99).

Различныя формы смягченія д и т.

Изъ общерусскихъ явленій въ сферѣ согласныхъ звуковъ самымъ давнимъ и наиболѣе распространеннымъ нужно считать смягченіе *д* и *т* въ *ж* и *ч*. Оно постоянно выдерживается и въ малорусскомъ правописаніи XVII в: *потверженъ* (Пал. З. К. 1025), **ко́жи**, **кожа́** (Г. М. 152), **оупереже́ючи** (ib. 212), **наборо́чаютъ** (ib. 215).

Какъ малорусскому, такъ и великорусскому нарѣчіямъ свойственно и *жд* изъ *дj*, но въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіи есть еще *дж* изъ того же *дj*=церковнославянскому *жд*, а также *ждж* изъ *здj*, напр: *пригнджати*, бѣлорус. *прийаждjаць*. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ отношеніи *дж* къ *жд*, замѣтимъ, что *жд, ждж*, есть одна изъ старинныхъ примѣтъ малорусскаго консонантизма. Она встрѣчается уже въ древнѣйшемъ южнорусскомъ памятникѣ—въ Галицкомъ евангеліи 1144 года: *дѣжчить, рожчье, гижченетъ* и проч.[1]). Можно полагать, что здѣсь *жч* образовалось изъ *ждж* посредствомъ диссимиляціи *дж* съ предыдущимъ *ж*, или *ж* съ предыдущимъ *жд* (у Берынды: **выждчаю** 155), а затѣмъ въ современныхъ малорусскихъ формахъ: *дощ, рiшчье* (*рожджиче*) произошла ассимиляція *ж* съ звукомъ *ч*—можетъ быть, подъ вліяніемъ отвердѣнія *ч*. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. есть та и другая форма: **до́жчъ, дожчи́** (Г. К. 53) и *дощъ* (Льв. П.), **кржчи́ти** (Бер. 50), **ро́жчка** (Г. Каз. 193), наконецъ, **ро́счкою** (Бер. 77), **ро́щкою** (Рад. Ог. 1130), **рощцѣ** (ib. 893)[2]). Всѣ формы смягченія *д* встрѣчаются у малорусскихъ писателей XVII в: **гордж́**, **крыдж́ем** (Бер. 180), **прикла́дж́ю** (ib. 123), **дро́ждж́ѣ** (Бер. 170),

[1]) Четыре критико-палеографич. статьи, Ягича, 86.

[2]) Въ *исправленіи погрѣшеній* при *Огородкѣ* Радивиловскаго правильнымъ считается **з ро́щкою**, а не **з ро́кою**.

найнжджа́ютъ (Рад. Ог. 2), *отъжджали* (Льв. П.). Впрочемъ, они охотно замѣняютъ *жд, ждж* простымъ *ж*, а при сочетаніи *ж* и другихъ шипящихъ съ свистящими во многихъ случаяхъ они слѣдуютъ народному выговору: **въ оу́кѣзитѣ** (Г. Каз. 105) и **оу́кѣзтва** (Рад. Ог. 293), **проре́цтво** (Г. Каз. 72), **скѣдо́цтво** (Г. М. 151), **товари́стко** (ib. 109) и проч. Здѣсь *жъс, чъс, щъс* путемъ ассимиляціи превратились въ *зс, цс, сс*, при чемъ второе *с* неслышно въ произношеніи. Форма **лю́дзкій** (Г. М. 392) явилась по аналогіи съ формой **ко́зкій** (ib. 303), иногда встрѣчается и **лю́дскій** (Рад. Ог. 390); въ бѣлорус. *босякій* изъ *бозькій*, *люцкій* изъ *лютскій, людскій*[1]). Мы не встрѣтили, между прочимъ, народной формы *рiздво*, (въ бѣлорус. *ростео*)[2]), которая образовалась изъ *рождьство* чрезъ цѣлый рядъ переходныхъ формъ: *рожество, рожство, розство, ростео, роздво* (*д* въ *т* посредствомъ прогрессивной ассимиляціи), наконецъ, *рiздво*. Вмѣсто этой формы постоянно употребляется подновленная въ русскомъ вкусѣ церковнославянская форма: *рождество*.

Отвердѣніе шипящихъ.

Шипящіе согласные, образовавшіеся посредствомъ переходнаго смягченія зубныхъ *д* и *т*, а также гортанныхъ согласныхъ, въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ произносились мягко. Только съ XIV в. появляются слѣды отвердѣнія шипящихъ, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ древнерусскихъ памятникахъ[3]). Теперь мягкость шипящихъ соединяется въ галицкихъ говорахъ большею частію съ перегласованіемъ гласныхъ: *жель, чес, щесте, шепка* и т. п. Независимо отъ случаевъ перегласованія, въ горныхъ діалектахъ, преимущественно въ гуцульскомъ, шипящіе произносятся мягко: *начяти, чесати, чёго, чюжий* и т. п.[4]). Эта древнерусская мягкость шипящихъ сохранилась и въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ, но въ южно-великорусскомъ и бѣлорус-

[1]) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 74.

[2]) Ibidem, 79.

[3]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 93—94.

[4]) Studien... Ogonowski, 74.

скомъ шипящіе большею частію отвердѣли [1]). То же нужно сказать и объ украинскомъ малорусскомъ говорѣ, въ которомъ мягкіе шипящіе слышатся только въ существительныхъ на *инє* и *ятъ*: *збіжжя, лоття*. Въ малорусской книжной рѣчи XVII в шипящіе тоже постоянно тверды, вѣроятно, подъ вліяніемъ украинскаго говора: мѝчъ (Г. Каз. 71), по́мочъ (Рад. Ог. 151), *дожчу* (Сл. о безд.), нд҃чы (Лям. острожс.), молчы, межы (ib.), чего (Г. М. 301) и т. п.

Мягкость свистящихъ.

Зато вполнѣ сохранилась въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія древнерусская мягкость свистящихъ согласныхъ. Согласный *с* въ малорусскомъ нарѣчіи произносится мягко въ суф. *ьск: жидівський, паньський* [2]), отсюда же по аналогіи и мягкое произношеніе *з* въ словахъ: *низький, близький*. Слѣды мягкаго *с* есть и въ древнихъ южнорусскихъ памятникахъ: *галилѣйськую, сидоньськыя* (Луц. ев. XIV в. [3]). Въ именахъ существительныхъ съ тематическимъ *ц* этотъ звукъ только предъ *е* произносится твердо, предъ остальными гласными—мягко: *отець, отця, отцю, лице, лиця, лицю, молодиця, молодиць* и проч. Въ галицкомъ говорѣ это *ц* отвердѣваетъ, особенно въ имен. пад. ед. ч. [4]). Сѣверно-великорусскій говоръ въ этомъ отношеніи сходенъ съ малорусскимъ,—въ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ *ц* отвердѣло [5]). Мелетій Смотрицкій призналъ за церковнославянскимъ нарѣчіемъ твердое *и*: ѻ҃тѣ́цъ, ѻ҃тца́, ѻ҃тцѣ, пїа́ница,—поэтому и въ малорусской *печати* подобныя формы представляютъ твердое *и*, но въ *письменныхъ* малорусскихъ памятникахъ XVII в. нерѣдко можно встрѣтить мягкое *ц*, напр. въ Львовской лѣтописи: *сонця, сонцю* и т. п.

[1]) Обзоръ звуковыхъ и форм. особенностей народнаго яз. Колосова, 156—157.

[2]) Г. Огоновскій объясняетъ мягкое *с* въ этихъ словахъ мягкостію слѣдующаго за *с* гортаннаго (Studien... 72).

[3]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 75.

[4]) Studien... Ogonowski, 74.

[5]) Обзоръ звуковыхъ и форм. особенностей народнаго яз. рус., Колосова, 155.

Обмѣнъ свистящихъ съ шипящими.

Извѣстно, что въ древнѣйшихъ памятникахъ новгородскаго письма, начиная съ XI вѣка, встрѣчается взаимный обмѣнъ *ц* и *ч: циновъ, льцьба, младеньча, вьньчемь* (Минея 1096 г.) [1]) Эта черта вполнѣ сохранилась въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ [2]), Она чужда малорусскому нарѣчію, за исключеніемъ нѣкоторыхъ діалектовъ галицкаго говора: *чємный* и *цємный, нічё* и *ніцё, чюю* и *цюю* [3]). Не есть ли это остатокъ древнерусской старины? Мы ставимъ этотъ вопросъ, имѣя въ виду обмѣнъ согласныхъ *ц* и *ч* въ южнорусскихъ памятникахъ, начиная съ XIII вѣка [4]). Даже въ XVII в. изрѣдка встрѣчается этотъ обмѣнъ въ малорусской письменности: *ци* вмѣсто *чи* (Уч. ев. 1604 г.), *ци ли* вм. *чили* (Стр.), *цудне* вм. *чудне* (ib.).

Смягченно-удвоенные согласные.

Гораздо болѣе своеобразно для малорусскаго нарѣчія смягченіе согласныхъ, соединенное съ удвоеніемъ ихъ, хотя и это явленіе, чуждое говорамъ сѣверно-великорусскому и южно-великорусскому въ именахъ существительныхъ сред. р. темъ *ja*, свойственно, какъ извѣстно, бѣлорусскому говору. Оно имѣетъ мѣсто въ именахъ существительныхъ съ суфиксомъ *инє*, причемъ *и* сокращается въ *ь*, а *j* ассимилируется съ предыдущимъ согласнымъ, смягченнымъ посредствомъ *ь*. Такъ получается изъ *веселинє* чрезъ *веселье* сѣверно-малорус. *весільє*, украинс. *весілля*. Въ галицкихъ говорахъ стягивается обыкновенно *ије* въ *је*, при чемъ смягчается предшествующій согласный звукъ часто безъ удвоенія. Конечно, исходной точкой въ этомъ удвоеніи нужно признать сокращеніе *и* въ *ь*. Оно встрѣчается уже въ Сборн. 1073 г. (*пріиатьє, очьнѣ*) и въ другихъ памятникахъ XI вѣка. Хотя это *ь* вмѣсто *и* не составляетъ исключительной принадлежности древнерусской письменности, но въ ней оно явилось

[1]) Изв. Ак. т. X, вып. II, стр. 431—435.

[2]) Обзоръ... Колосова, 181—184.

[3]) Studien... Ogonowski, 75.

[4]) Очерки... Соболевскаго, 111.

совершенно самостоятельно, подъ вліяніемъ древнерусскихъ говоровъ. Оно было свойственно преимущественно тѣмъ изъ нихъ, изъ которыхъ образовалось малорусское нарѣчіе. Такъ можно думать въ виду рѣшительнаго предпочтенія сокращенныхъ сочетаній *ѣ, ѣа. ѣю, ѣи* предъ полными *иѣ, иѣа, иѣ, иѣи* въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ. Въ Галицкомъ еван. 1144 года, говоритъ г. Ягичъ, „такъ много примѣровъ этого рода сочетаній, что собственно слѣдовало бы подобрать тѣ, гдѣ противъ правила имѣется полная форма [1]). Въ XIV в. появляются въ южнорусскихъ грамотахъ подобныя формы, но уже безъ *ъ: гаданя* [2]), *по божіемъ нарожень, обличе* [3]); въ XV в: *печатю, милостю, широкостю* [4]); въ XVI в: ѡдѣнѧ, кꙑрѣчена, зминоканѧ, зкожѧ, написанѧ (Перес. ев.). Отсутствіе ъ ясно указываетъ на то, что въ этихъ формахъ произошелъ уже процессъ удвоенія согласныхъ [5]). Въ малорусскомъ правописаніи XVII в. удвоенныя согласныя пишутся рѣдко: намъ встрѣтился одинъ только случай такого рода: скиннѣ вм. скинне (Уч. ев. 1604 г.),—если не считать, вѣроятно, подновленныхъ издателемъ формъ: *въ навиженьню; для збыраньня, кореньня* (Сл. о безд.); обыкновенно отмѣчается только мягкость согласныхъ посредствомъ надстрочнаго знака, а не удвоенія самихъ согласныхъ: каминѣнь (Г. К. 57), каминѣнемъ (ib. 33), каминѣнѣ (ib. 166). Иногда же согласные непосредственно присоединяются къ іотированнымъ гласнымъ безъ всякаго знака смягченія: *на свитаню* (Льв. II.), *за помочю* и *за помочу* (ib.) и т. п.

Согласный г.

Въ малорусскомъ нарѣчіи и въ большей части южно-великорусскихъ говоровъ нѣтъ звука *г=g*; только въ иностранныхъ словахъ употребляется *г=g: данокъ, дудзь*. Сохранились однако же въ малорус. рефлексы этого звука: въ словахъ *дзвін, джерело,*

[1]) Четыре критико-палеографич. статьи, Ягича, 90.
[2]) АЗР. I. 23.
[3]) АЮЗР. I. 1.
[4]) Гол. гр. №№ 3, 9.
[5]) Очеркъ звуковой исторіи малорус. нарѣчія, 213—217.

какъ *дз*, такъ *дж*, изъ *г=g* [1]). Въ виду этого обстоятельства, а также соображеній объ отношеніи церковносл. *ѕ* къ *ꙁ*, мы не считаемъ возможнымъ настаивать на своемъ прежнемъ мнѣніи, что *г* въ церковнославянскомъ нарѣчіи всегда произносилось, какъ *h*, и что *г=h* древнѣе *г* въ малорусскомъ нарѣчіи, чѣмъ *г=g* Есть слѣды образованія *h=г* изъ *г=g* въ XII—XIII в.: *благословите, благословенъ* изъ *благословите, благословенъ* [2]),—хотя, конечно, не всякое малорусское *г=h* образовалось изъ *г=g*. Мы совершенно согласны съ Колосовымъ, что древнерусскій языкъ зналъ, какъ придыхательное *h*, такъ и нѣмое *g*. Но сознательное различеніе того и другаго звука въ малорусскихъ памятникахъ началось только въ XIV вѣкѣ, когда для выраженія нѣмаго *г* начали употреблять начертаніе *кг*: *Скиркгайло* (Гр. 1387 г.), *буркгимистру* (Гр. 1393 г.) [3]). Вмѣсто сложнаго начертанія *кг* въ XVII придумана была для обозначенія *г=g* особенная буква ґ: ѥ҆гѹменъ, тїи-ґра́фїѧ (Бер.).

Согласный ф.

Нѣтъ также въ малорусскомъ нарѣчіи, какъ и въ бѣлорусскомъ, звука *ф*. Никогда не переходитъ въ малорусскомъ произношеніи звучный *в* въ отзвучный *ф* ни въ концѣ, ни въ срединѣ словъ предъ отзвучными, какъ въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ. Звукъ *ф* замѣняется въ малорусскомъ нарѣчіи согласнымъ *х*, особенно въ сочетаніяхъ съ *р: хрест, хранцуз*, или *хв: Хведор, хвортуна, хвіялочка*. Только въ галицкомъ говорѣ, и то большею частію въ словахъ заимствованныхъ, слышится *ф: фляшка, файный, фрасуватися*. Тѣмъ же путемъ заимствованія переходилъ звукъ *ф* и въ древнерусскія нарѣчія, изъ коихъ одни были расположены къ нему больше, другія—меньше [4]). Въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ *х* не только вмѣсто *ф*, но и вмѣсто *к: нехталимля* (Галиц. ев. XIII в.), *хроль* (Луц. ев. XIV в.) [5]),—*хрьститель, хрщѫ, хрщеныѥ* (Галиц.

[1]) Studien... Ogonowski, 72—75.
[2]) Очерки изъ исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 106.
[3]) Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи, Потебни, 71.
[4]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 99.
[5]) Ibidem.

ев. 1444 г.) [1]), *хто* (Грам. XIV в.) [2]) Изрѣдка встрѣчается это народное правописаніе и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: *хто* (Хм. л.), *нѣхто* (Льв. II.). Но, вообще говоря, малорусскіе писатели охотно слѣдовали совѣту Мелетія Смотрицкаго—строго различать *ф* отъ *хв*, т. е. писать: *форма*, а не *хворма*, *хвала*, а *фала*, поэтому въ иностранныхъ словахъ они постоянно удерживаютъ *ф*: фо́рма (Г. Каз. 43), фі́ґура (ib. 39), фраєвскъ (ib. 46).

Извѣстно, что въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ существовали многія формы имени и глагола, сходныя съ церковнославянскими. Но само собою понятно, что перемѣны въ области звуковъ должны были непосредственно отражаться на искаженіи и потерѣ самыхъ формъ. Особенно сильное вліяніе въ этомъ отношеніи должно было производить паденіе глухихъ гласныхъ, которое вызвало цѣлые ряды словъ съ согласными окончаніями. Старыя звуковыя комбинаціи, смѣшиваясь съ новыми, давали богатый матеріалъ для нивеллирующаго дѣйствія такъ называемой аналогіи, которая не только сама шла по слѣдамъ звуковыхъ превращеній, но и вызывала эти послѣднія. Такимъ образомъ, въ замѣнѣ однихъ морфологическихъ пропорцій, являлись другія, то сходныя въ разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ, то различныя.

Согласно съ нашимъ планомъ, мы остановимся сперва на сходныхъ, т. е. на общерусскихъ формахъ имени существительнаго.

Буква ѣ въ мягкомъ склоненіи именъ существ. женс. р. родит. един. и винит. множ., и мужес. р. въ именит. и винит. множ. ч.

Во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ падежи родит. единс. ч., а также именит. и винит. множественнаго, въ темѣ *ja* именъ женс. рода оканчиваются на *и*, при чемъ единс. число отъ множ. отличается только удареніемъ: *земли́*, *души́* (родит. ед.), *зе́мли*, *ду́ши* (именит. и винит. множ.) [3]). То же и въ мягкомъ склоненіи именъ существительныхъ мужс. р., какъ въ сѣверныхъ,

[1]) Четыре критико-палеографич. статьи, Ягича, 97.

[2]) АЗР. I. 20.

[3]) Въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ встрѣчается вмѣсто *и* окончаніе *е* (см. Очеркъ звуковой исторіи малорус. нарѣчія, 309).

такъ и въ южныхъ нарѣчіяхъ, винит. множ. въ слѣдствіе смѣшенія съ именит. множ. принялъ форму этого послѣдняго падежа: *мужи*, *ко́ни*, *лучи́*, при чемъ въ именахъ одушевленныхъ уже въ XIII в. этотъ падежъ началъ смѣшиваться съ родит. множ. Этому *и* въ церковнославянскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ ѧ, а въ древнерусскихъ памятникахъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, *ѣ*: такъ, уже въ Остромировомъ еван: *недѣлѣ* (родит. ед.), въ Сбор. 1073 г: *пѣтицѣ* (именит. множ.), въ Сбор. 1076 г: *вдовицѣ* (винит. множ.) [1]). Въ XII—XIII вв. вмѣсто *ѣ* встрѣчаются въ этихъ падежахъ звуки *ꙗ* (послѣ шипящихъ—*а*) *е* и *и*: сѣтꙗ Бѣꙗ (родит. ед. въ Ж. Б. и Г. XII в.), *про свое мужє* (винит. множ. въ гр. 1230 г.), *бортной земли* (родит. ед. въ Р. Прав. XIII в.), *овци* (винит. множ. ibid.) и т. п. [2]). Существуетъ мнѣніе, что *ѣ* во всѣхъ этихъ формахъ есть окончаніе праславянское, искони отличавшее русскій языкъ отъ церковнославянскаго, что оно соотвѣтствуетъ ѧ, такъ же, какъ въ извѣстныхъ случаяхъ *ы* соотвѣтствуетъ ѫ [3]). Но мы не видимъ *ѣ* во всѣхъ тѣхъ счучаяхъ, гдѣ стоитъ *и* въ соотвѣтствіи съ ѧ: нѣтъ, напримѣръ, *ѣ* въ формахъ: *бия*, *время*. Если бы *ѣ*=ѧ такъ же, какъ *ы*=ѫ, то получились бы формы: *бить*, *времь*. Поэтому необходимо перенести замѣну ѧ посредствомъ *ѣ* съ праславянской почвы на древнерусскую.—Какъ же произносилось въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ это *ѣ*? Г. Соболевскій утверждаетъ, что *ѣ* произносилось иначе, чѣмъ *е*, потому что въ противномъ случаѣ это *ѣ*=*е* превратилось бы въ *о* послѣ мягкихъ согласныхъ—звуковой процессъ, который начался въ XIII в., и котораго не замѣчаемъ мы въ *ѣ* [4]). Съ своей стороны считаемъ нужнымъ замѣтить, что если съ *е* изъ *ѣ* не сдѣлалось того же, что съ основнымъ *е*, то потому именно, что *е* изъ *ѣ* еще до XIII в. въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ получалось изъ дифтонговъ—такъ же, какъ въ другихъ говорахъ оттуда же образовалось и

[1]) Много примѣровъ изъ памятниковъ XI, XII, XIII вв. см. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ рус. яз. Колосова, 69, 82–83.

[2]) Подробнѣе—ibidem, 83, 94–96.

[3]) Русскій филологич. Вѣст., 1881 г. № 3.

[4]) Ibidem, 1881 г. № 3, 5.

и, слѣдовательно, въ чувствѣ языка не исчезло еще въ то время различеніе *е* изъ *ѣ* отъ основнаго *е*, потому-то *е* изъ *ѣ* и не пошло тѣмъ путемъ превращенія послѣ мягкихъ согласныхъ въ *о* (*jo*), какъ основное *е*. По нашему мнѣнію, во всѣхъ указанныхъ случаяхъ буква *ѣ* произносилась въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ, какъ звукъ мягкій, который можно было противопоставить твердому *ы*, слѣдовательно, буква *ѣ* выражала звукъ, вызванный аналогіей отъ этого самаго *ы*, звукъ *не тождественный съ ы, но подобный ему*. Весьма можетъ быть, что это былъ звукъ *и* въ тѣхъ древнерусскихъ нарѣчіяхъ, въ которыхъ буква *ѣ* произносилась, какъ *и*, но ничего нѣтъ невѣроятнаго и въ томъ, что въ другихъ нарѣчіяхъ, въ которыхъ буква *ѣ* произносилась, какъ *е*, этотъ звукъ *е*, выраженный посредствомъ *ѣ*, сохраняя слѣды своего происхожденія изъ *ѣ*, противопоставлялся твердому *ы*. Когда въ этихъ послѣднихъ нарѣчіяхъ смѣнилось *е* на *и*, то, полагать надобно, это было уже дѣйствіе фонетическаго закона —такъ называемаго перегласованія, хотя и нельзя объяснять однимъ этимъ закономъ появленія *и* въ мягкихъ окончаніяхъ, гдѣ нѣкогда въ церковнославянскихъ нарѣчіяхъ стоялъ ѧ въ противоположность юсовому *ы* твердыхъ окончаній. Поэтому мы думаемъ, что въ однихъ нарѣчіяхъ звукъ *и* въ разсматриваемыхъ формахъ утвердился вмѣсто церковнославянскаго ѧ только подъ вліяніемъ аналогіи отъ *ы*, въ другихъ—при помощи перегласованія, но въ томъ и другомъ случаѣ *разные* писцы пользовались буквою *ѣ* для выраженія неодинаковыхъ звуковъ—то *е*, то *и*. Южнорусскіе писцы выражали буквою *ѣ* преимущественно этотъ послѣдній звукъ, сохраняя и въ XVII в. преданіе древней южнорусской письменности. Вопреки славянской грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, который въ родит. един. и винит. множ. именъ существительныхъ мягкихъ окончаній пишетъ ѧ (сѣ́нѧ, мужа́ѧ), они употребляли во всѣхъ этихъ случаяхъ букву *ѣ*, которую произносили, конечно, какъ *и*. Такъ, родит. единс: ѕ землѣ (Г. К. 39), есть и землѝ (ib. 187), *зо всеи душѣ* (Нал. З. К. 978), слѣ́жѣкницѣ (Стр. 26), *до роль* (Льв. П.);—именит. множ: *кулѣ* (Льв. П.); винит. множ: свѣчѣ (Г. К. 81), ѕпанчѣ (К. Х.), кре-

пѣ (Рад. Ог. 642), шáклѣ (ib. 1081). То же *ѣ* и въ винит. падежѣ мужес. р., гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи былъ ѧ: *конь* (Хм. л.), есть и *кони* (ib.), *олтарь* (ib.). Но такъ какъ *ѣ* произносили, какъ *и*, то и въ имен. множ. ч. мужс. рода, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи было *и*, въ малорусской книжной рѣчи часто видимъ *ѣ*: *гость, приходнѣ* (Каз. Л. Карп.), *учителѣ* (Нал. З. К. 977), кнáзѣ, королѣ, царѣ (Г. К. 61), *нѣмцѣ, онѣ* (Льв. П.).

Гораздо рѣшительнѣе выступаетъ дѣйствіе аналогіи въ тѣхъ формахъ имени существительнаго, которыя появились въ слѣдствіе смѣшенія темъ, а также смѣшенія родовыхъ окончаній и падежей.

Смѣшеніе темъ въ именахъ существительныхъ.

Къ давнимъ явленіямъ во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ относится смѣшеніе именъ темы *а* съ именами темы *у* въ род. един. (*лѣну* Сбор. 1073 г.) и въ предлож. един (*въ пиру* Рус. Правда по спис. ок. 1282 г.)[1]). Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. это смѣшеніе представляетъ тоже одно изъ заурядныхъ явленій, особенно послѣднее: ѕ чáкѣ (Г. Каз. 101), *по отцю, у великомъ страху* (Льв. П.), к кнзнѣ (Г. Каз. 116).

То же нужно сказать и о смѣшеніи именъ темы *а* съ именами темы *і* въ родит. и дат. един. ч: *гостя, огня* вмѣсто *гости, огни*. Въ малорусскихъ памятникахъ XVII в. послѣднія, болѣе древнія формы вовсе не встрѣчаются. Въ родит. множ. уже въ XIV в. появляется форма: *людей*[2]). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, образовалась ли она изъ *ъи*, замѣтимъ только, что во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ она глубоко проникла въ темы *а*: даже въ славянской грамматикѣ М. Смотрицкаго встрѣчаемъ: пáстырей, мужéжей и проч.

Въ томъ же родит. множ. уже въ XI в. обнаружилось смѣшеніе именъ темъ *а* съ именами темѣ *у*: *грѣховъ* (Остр. ев.

[1]) Лекціи по исторіи русскаго языка Соболевскаго, 121, 122.

[2]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 109.

255 в.), *врачевъ* (ib 243 в.), *вождевъ* (Сбор. 1076 г.) [1]). Съ развитіемъ древнерусской письменности постепенно усиливается преобладаніе окончаній *овъ*, *евъ* надъ *ъ*, *ь*. Въ малорусской книжной рѣчи XVII в. замѣтно колебаніе въ этомъ падежѣ между темами *у* и *і*; **нпр҃ѧтєліѣхъ** (Г. К. 17) и **нпр҃ѧтєлій** (ib.), **зкѣ-ніѣхъ** (ib. 56) и **зкѣрій** (ib.).

Смѣшеніе родовыхъ окончаній въ именахъ существительныхъ.

Въ дат., творит. и предлож. падежѣ множ. ч. имена существительныя мужес. и сред. р. во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ принимаютъ окончанія именъ существительныхъ женс. р: *амъ-ямъ*, *ами-ями*, *ахъ-ях*. До XVI в., повидимому, держались еще старинныя окончанія этихъ падежей. Въ одномъ памятникѣ XII в. мы встрѣтили окончанія *ами, ями: прекраснами лучами* (Монаст. уст.) [2]), но этотъ единственный случай не можетъ служить доказательствомъ ранней аналогіи въ этихъ формахъ отъ именъ существительныхъ женс. р. Зато въ XIV вѣкѣ, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ, рѣшительно выступаетъ дѣйствіе этой аналогіи [3]). Вѣроятно, раньше всего подчинились ей имена существительныя средняго р., въ которыхъ именит. множ. оканчивается на *а*. Въ предложномъ падежѣ посредствующей формой отъ *ѣхъ* къ *ахъ* могли быть окончанія *ѧхъ*, *охъ*, перешедшія изъ темы *а* въ тему *у* и весьма нерѣдкія въ южнорусскихъ памятникахъ, даже сравнительно позднихъ [4]). Впрочемъ, въ книжной малорусской рѣчи XVII в. разсматриваемыя нами формы, безъ сомнѣнія, были уже во всеобщемъ употребленіи, какъ и теперь въ народной рѣчи. Въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго стоятъ рядомъ формы: **прорѣками**, **дрѣвгами** и **прорѣки**, **дрѣвги**, но падежи дат. и предлож. выдержаны по церковнославянски.

[1]) Изв. Ак. т. X, 5.

[2]) Ibidem.

[3]) Примѣры у Колосова, см. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка, 109—110.

[4]) См. выше стр. 66—67.

Смѣшеніе родовыхъ окончаній выразилось также въ имен. пад. един. ч. собственныхъ именъ, которыя послѣ паденія глухихъ гласныхъ охотно начали принимать окончаніе *о*, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ: *Данило*, *Федорко* (Смол. гр. 1284 г.), *Михайло* (Нов. гр. 1317 г.) [1]).—То же въ южнорусскихъ грамотахъ XIV в: *Стецко*, *Васько*, *Осташко*, *Гльвко*, *Михайло* [2]). Для объясненія этого явленія едвали можно обращаться къ теоріи о долговременномъ существованіи глухихъ гласныхъ въ русскихъ нарѣчіяхъ, даже и въ сѣверномъ, гдѣ обыкновенно встрѣчаются такія формы, какъ *Ролфо*, *Тумаше* (Смол. гр. 1229 г.), *Павле*, *Инате* (Новгор. купч. XIII—XIV в.), *Окынфо*, *Марке*, *Θедоро*, *Ивановиче* (Новгр. гр. XIV в.). Смѣшеніе глухихъ гласныхъ съ чистыми въ такихъ и подобныхъ случаяхъ, по нашему мнѣнію, есть ничто иное, какъ графическая замѣна однихъ буквъ другими, легко объясняемая привычкой малограмотныхъ писцевъ произносить *ъ* и *ь*, какъ *о* и *е*, поэтому въ сѣверныхъ грамотахъ мы часто встрѣчаемъ эти послѣднія буквы вмѣсто первыхъ, и наоборотъ. Такъ, иногда въ одной и той же грамотѣ одни и тѣ же слова пишутся двоякимъ образомъ: *миро* и *миръ*, *будѣте* и *будѣть*, *битоса* и *битъся*, *око* и *окъ* (Смол. гр. 1229 г.). Къ такимъ же ошибкамъ въ правописаніи мы относимъ аналогическія формы въ южнорусскихъ памятникахъ: *єсте* вмѣсто *єсть*, *придѣте* вмѣсто *придѣть* (Добр. ев. XII в.), *дамо* вмѣсто *дамъ* (Типогр. ев. № 7, XIII в.), *къ нюдемо* вмѣсто *къ нюдемъ* (Луц. ев. XIV в.) [3]). Что касается до именъ существительныхъ, относящихся къ названію лицъ и званій, то въ великорусскомъ нарѣчіи смѣшеніе родовыхъ окончаній въ этихъ именахъ пошло дальше, чѣмъ въ малорусскомъ. Уже въ XIII—XIV вв. въ сѣверно-великорусскихъ грамотахъ встрѣчаемъ окончаніе *а* рядомъ съ *о* съ соотвѣтствующими косвенными падежами женс. р: *Самуйлъ* (дат. ед.), *Гаврилу*, *Данилу* (винит. ед.) и т. п. [4]). Въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

[1]) Изв. А. т. X, 5, 6

[2]) Гол. гр. №№ 3, 7.

[3]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 71.

[4]) Лекціи по исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 132.

господствуетъ окончаніе *о*: Марко (Г. М. 336), *Михайло, Григорко* (Гус. л. 372) и т. п. Нерѣдки также формы: митропо-ли́та (Г. Чуд. 143), *патріарха, екзарха, езуита* (Густ. л. 369—370). Впрочемъ, *а* въ этихъ формахъ, очевидно, явилось, какъ и въ польскомъ языкѣ, подъ вліяніемъ латинскихъ формъ.

Смѣшеніе падежей въ именахъ существительныхъ.

Зват. падежъ въ малорусскомъ нарѣчіи, какъ мы видѣли, сохранился до настоящаго времени, не замѣняясь падежемъ именительнымъ. Обратная замѣна именит. падежа звательнымъ въ именахъ существит. мужес. р. встрѣчается иногда въ народныхъ пѣсняхъ: „прізжае *сынку* к своему двору“ (Чуб. V. 706), „ой занедужав молодый *чумаче*“ (ib. 1048). Это явленіе общерусское, и притомъ давнее, возникшее въ XII — XIII в..[1]). Встрѣчается оно и у малорусскихъ писателей XVII в: Никола́ вмѣсто *Николай* (Г. Каз. 20), А́рія вмѣсто *Арій* (Рад. Ог. 709).

Не менѣе древнею общерусскою особенностью въ формахъ имени существит. нужно считать смѣшеніе винит. падежа въ именахъ одушевленныхъ мужес. рода съ родительнымъ, а также во множ. ч. смѣшеніе винит. падежа съ именительнымъ. Первое смѣшеніе встрѣчается уже въ памятникахъ XI—XII в., какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ: „имать жикота к҃ѣчнаго“ (Остр. ев. 8, в.), „вьзлюбі҃ бг҃ ксего мира“, „ждвій хлѣка“ (Галиц. еван. 1144 г.)[2]). Употребленіе винит. вмѣсто именит., и обратно, во множест. ч. началось не позже XIII в.[3]). Всѣ эти общерусскія явленія составляютъ обычную черту и книжной малорусской рѣчи XVII в. Въ винит. множ. Мелетій Смотрицкій старается приблизиться къ церковнославянскимъ формамъ: бра́ты, па́стырѧ, бра́чѧ, но ко́нѣ, дрѣ́ва, сы́на, брача́ и тому подобныя замѣны винительнаго падежа формами родительнаго онъ приписываетъ, какъ мы видѣли, и языку славянскому.

[1]) Лекціи по исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 137.

[2]) Описаніе с авлпскихъ рукописей, Горскаго и Невост. отд. I. 214.

[3]) Лекціи по исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 139.

Не менѣе значительны общерусскія отклоненія отъ церковнославянскихъ глагольныхъ формъ.

Суффиксы неопред. наклоненія ти, ть, чь.

Въ неопр. накл. съ XII в. началось уже колебаніе между формами *ти* и *ть*. Такъ, въ договорной грамотѣ Ярослава Владиміровича съ нѣмцами (1195 г.) читаемъ: „а кого Богъ поставить князя, а съ тѣмъ миръ *потвердить*“[1]). Нужно, впрочемъ, сказать, что форма *ть* встрѣчается довольно рѣдко не только въ XIII, но и въ XIV в: „оу желѣза *оусадить*“ (Смол. гр. 1229 г.),[2]) „жидове мають утягати и *выстерегаться*“[3]) Гораздо чаще встрѣчается *ть* въ XV в.[4]), не устраняя и въ послѣдующихъ вѣкахъ стариннаго *ти*. Эта живучесть окончанія *ти* не можетъ служить въ пользу предположенія, что достигательное наклоненіе начало выходить изъ употребленія въ XV в. подъ вліяніемъ превращенія *ти* въ *ть* и послѣдовавшаго затѣмъ смѣшенія этого послѣдняго окончанія съ суффиксомъ достигат. накл. *ть*. Можно указать въ древнерусскихъ памятникахъ примѣры появленія *ть* въ тѣхъ случаяхъ, когда въ старину употреблялось *ть*; даже *ти* въ древнѣйшихъ памятникахъ стоитъ иногда вмѣсто *ть*, напр: „идѣ сѹгетокати мѣсто камъ“ (Остр. ев. 45, в). Поэтому мы полагаемъ, что удобнѣе говорить о замѣнѣ достигат. наклоненія посредствомъ неопредѣленнаго, чѣмъ о фонетическомъ воздѣйствіи одной формы на другую. Въ позднѣйшихъ рукописяхъ вмѣсто достигат. накл. является неопредѣлен. съ общерусскимъ окончаніемъ *чи*[5]), которое въ настоя-

[1]) Грамоты, касающіяся сношенія сѣверозап. Россіи съ Ригою, Напіерскаго, изд. Археогр. комиссіей.

[2] Славянская христоматія Воскресенскаго, 65. Колосовъ считаетъ въ этомъ случаѣ ъ графической замѣной звука *е*, который въ свою очередь стоитъ вмѣсто и (Очеркъ... 98). Это, очевидно, фонетическая натяжка. Нельзя также считать *оусадить* формой повелит. накл., потому что она не соотвѣтствовала бы контексту рѣчи, въ которой постановленія договаривающихся сторонъ всюду выражены въ формѣ неопред. наклоненія.

[3]) АЗР. I, 25.

[4]) Ibid. I, 71, 83

[5]) Изъ записокъ по русской грамматикѣ, Потебни, 299.

щее время сохранилось, какъ въ сѣверномъ великорусскомъ, такъ и въ галицкомъ малорусскомъ говорѣ.

Вызвано это *чи* вліяніемъ согласныхъ темъ наст. времени. Въ южнорусскихъ письменныхъ памятникахъ окончаніе *чи* послѣдовательно идетъ, начиная съ XIV в: *рѣчи* (Гр. 1385 г.) [1]), *отвеpечися* (Гр. 1386 г.) [2]), *мочи* (Гр. 1486 г.) [3]), пожечи, стеречи, сѣкyчи (Пересоп. ев. XVI в.), *забѣчи* (Пал. з. К. 1083), *высѣчи* (Льв. II), кымочи (Рад. Ог. 385), печи (Г. К. 185.).

Личныя окончанія наст. времени изъявит. наклоненія.

Въ изъявит. наклоненіи не всѣ личныя окончанія наст. времени сохранились въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и малорусскомъ. Съ XIII в. начали колебаться формы двойст. ч. [4]), въ XIV в. онѣ постепенно вымирали. Какъ ни усиливался Мелетій Смотрицкій поддержать эти формы въ своей грамматикѣ, онѣ не привились къ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Въ единс. и множес. числахъ настоящаго времени личныя окончанія получили не тотъ видъ, какой они имѣли въ церковнославянскомъ нарѣчіи. Такъ, юсы уже въ XI в. иногда замѣняются чистыми гласными въ 1 л. единс. и въ 3 л. множес. ч: *пришмоу* (Туровс. ев. XI в.) [5]), *розоумѣю, глаголютъ* (Сбор. 1076 года) [6]). Архаическое окончаніе 1 л. единс. ч. *мь* тоже въ XI в. начало превращаться въ *мъ*: уже въ Остром. евангеліи съ особенною настойчивостію употребляется форма имамъ. Подобныя формы встрѣчаются также въ XII и XIII в. [7]) Глаголъ *есмь*, вѣроятно, подъ вліяніемъ аналогіи отъ 2 л. единс. ч. *еси*, съ давнихъ временъ получилъ форму *есми* [8]). Въ слѣдствіе пре-

[1]) АЗР. I. 27.

[2]) АЗЮР. II, 102.

[3]) АЗР. I, 80.

[4]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 99.

[5]) Свѣдѣнія и замѣтки о малоизв. и неизв. памятникахъ, Срезневскаго, №45, 108.

[6]) Историческая христоматія, Буслаева, 300.

[7]) Свѣдѣнія и замѣтки... Срезневскаго, № 31, стр. 4. Древніе памятники русскаго письма и яз. Срезневскаго, 192, 214, 227, 232.

[8]) Колосовъ указываетъ одинъ примѣръ изъ XII в. (Очеркъ .. 85). Въ XIII и XIV в форма сложнаго прошедшаго съ *есми* рѣдко встрѣчается, а въ XV в. она

вращенія *мь* въ *мъ* 1 л. множес. ч. совпало съ 1 л. единс. ч. Можетъ быть, это обстоятельство было поводомъ къ превращенію во множ. ч. *мъ* въ *мы*: уже въ Сбор. 1073 г.—*есмы* [1]). Вообще же въ глаголахъ сохранилось во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ окончаніе 1 л. множ. ч. *мъ*—конечно, безъ всякой примѣси глухаго гласнаго звука.

Во 2 л. един. ч. рано появилось окончаніе *шь* вмѣсто *ши*: въ памятникахъ XII—XIII в. находимъ: *тружаешь* (еван. XII в. кіевс. церковно-арх. муз.), *пръткнешь* (еван. XII—XIII в. Рум. муз. № 104) [2]), *ѣдаешь, дѣлаешь, посулишь* (гр. 1229 г.) [3]). Допуская въ русскихъ нарѣчіяхъ раннюю потерю глухихъ гласныхъ, думаемъ, что окончаніе *шь* уже во время появленія своего означало не болѣе, какъ мягкій шипящій звукъ, поэтому не лишено основанія предположеніе г. Соболевскаго, что окончаніе *ши* въ древнерусскихъ памятникахъ есть особенность церковнославянская, а не русская [4]). Послѣ отвердѣнія шипящихъ, ь въ окончаніи *шь* не было уже знакомъ мягкости согласнаго *ш*, а въ книжной малорусской рѣчи XVII в., согласно съ народнымъ произношеніемъ, принято было за правило писать *шъ*, а не *шь*: навчáшъ, мáшъ, знáйдшъ (Г. М. 122, 123).

Въ 3 л. един. и множ. ч. украинскій говоръ малорусскаго нарѣчія вмѣстѣ съ бѣлорусскимъ и южно-великорусскимъ ближе стоитъ къ церковнославянскому нарѣчію, удерживая мягкое *т*, т. е. *ть*. Въ галицкомъ малорусскомъ и сѣверномъ великорусскомъ, а также въ литературномъ русскомъ, *т* отвердѣло. Хотя предъ *ся* это отвердѣніе *т* встрѣчается уже въ Мстиславовомъ еван. XII в. (сѹсрамлѧютсѧ, ѕстаклѧютсѧ) [5]), но явленіе это съ особенною силою выступаетъ въ болѣе позднихъ памятникахъ XV в. [6]). Мелетій Смотрицкій, примѣняясь къ западнымъ мало-

составляетъ обыкновенное явленіе, какъ въ южнорусскихъ, такъ и въ сѣверно-русскихъ памятникахъ.

[1]) Описаніе слав. рукописей, Горскаго и Невостр. Отд. II, кн. 2, 392.

[2]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 112.

[3]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 97.

[4]) Лекціи... Соболевскаго, 112.

[5]) Историческая христоматія, Буслаева, 37, 38,

[6]) Очеркъ .. Колосова, 145.

русскимъ говорамъ, установилъ для 3 л. един. и множ. ч. окончаніе *тъ*: оно принято было и въ книжную малорусскую рѣчь XVII в.—Что касается до опущенія *ть, тъ* въ 3 лицѣ един. и множ. ч., то оно отвергнуто было малорусскими писателями XVII вѣка, какъ особенность простонародной рѣчи. Между тѣмъ, это одна изъ характерныхъ ея особенностей. Является она уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности—въ припискѣ къ Остромірову евангелію, въ Сборникѣ 1073 г. Въ настоящее время формы безъ *ть, тъ* въ 3 л. един. ч. распространены преимущественно въ малорусскомъ и сосѣднихъ съ малорусскими бѣлорусскихъ говорахъ; гораздо рѣже встрѣчаются онѣ въ остальныхъ великорусскихъ говорахъ.

Замѣна прошед. простыхъ прошедшими сложными.

Относительно прошедшихъ простыхъ установилось мнѣніе, что въ первые вѣка славянорусской письменности они не чужды были древнерусскимъ нарѣчіямъ. На страницахъ древнерусскихъ памятниковъ, какъ аористъ, такъ и прошедшее продолженное время, составляютъ обычное явленіе. Такъ, въ болѣе поздней редакціи ихъ XII и XIII в. мы видимъ прежде всего рѣзкое преобладаніе такъ называемаго аориста, который въ глаголахъ 1 класса на гласную тему иногда употребляется въ 3 л. един. ч. безъ *тъ, ть*: *нача* (Пролог. новгор. соф. билбл. 1150 г.) *почя* (Кормч. 1284 г.)[1]) и т. п. Наоборотъ, въ прошед. продолженномъ времени 3 л. един. и множ. ч. часто является съ окончаніемъ *ть*, которое встрѣчается иногда и въ южнославянскихъ памятникахъ, но преимущественно—въ памятникахъ древнерусскихъ. Видно, что это окончаніе не было навѣяно вліяніемъ южнославянской письменности. Особенно интересно въ древнерусской книжной рѣчи своеобразное построеніе прошед. продолжен. времени: большею частію оно образуется подъ вліяніемъ аналогіи отъ темъ глагольныхъ на *а*: **идѣаше** (Остр. ев. 4 в.), **идѣаше** (ib. 34, б), **живѣаше** (ib. 9, в.), — есть и **идѣаше** (ib. 95, г.), **живѣаше** (ib. 41, в.). Гораздо чаще встрѣчаются сокращенныя формы: *идяше, живяше* (Арх. ев. 1092 г.), *терпяше, идяше*

[1]) Древніе памятники русскаго пис. и яз. Срезневскаго, 234, 237.

(Мин. 1095 г.) [1]). Въ XII—XIII вв. эта однообразная форма прошед. продолжен. времени встрѣчается еще чаще, указывая на затменіе этой категоріи времени въ живой рѣчи. Вообще же нужно сказать, что въ самыхъ древнихъ памятникахъ русской редакціи замѣтно уже предпочтеніе сложныхъ формъ времени простымъ. Можетъ быть, ближайшимъ поводомъ къ этому предпочтенію служило стремленіе отличить 2 л. един. ч. въ прошедшихъ простыхъ отъ 3-го, поэтому для втораго лица сперва употреблялась сложная форма, а затѣмъ она начала проникать и въ другія лица. Такое предположеніе мы допускаемъ на томъ основаніи, что въ древнерусскихъ памятникахъ съ особенною настойчивостію употребляется сложная форма прошед. времени во 2 л. един. ч. Въ XIII в. встрѣчаются уже ошибки въ употребленіи прошедшихъ простыхъ: такъ, въ галицкомъ спискѣ еванг. чтеній конца XIII в. встрѣчается: „другая не *имѣше* глубины земл҃“ [2]). Формы прошедшихъ простыхъ казались тѣмъ менѣе обязательными, что съ опущеніемъ вспомогат. глагола въ сложныхъ прошедшихъ, которое нерѣдко встрѣчается уже въ XII в. („язъ *далъ*“ Грам. Мстисл. 1130 г., „се *вдале* Варламе“ Грам. хут. 1192 г.), [3]) формы сложныхъ прошедшихъ явились въ упрощенномъ видѣ. Какъ бы то ни было, въ XIII—XIV вв. формы прошед. простыхъ были уже пережитымъ моментомъ во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ, хотя и были понятны народу, поэтому онѣ и не выходили изъ книжнаго употребленія не только тогда, но и гораздо позже. Конечно, вымираніе этихъ формъ происходило не сразу: нѣкоторыя изъ нихъ могли продолжать свое существованіе, какъ остатокъ старины. Судить объ этомъ мы можемъ по тому, что и теперь еще жалкіе остатки ихъ, какъ мы видѣли, не исчезли окончательно. Вообще говоря, въ обыденной рѣчи онѣ казались излишними: здѣсь причастіе спрягаемое на *лъ* сдѣлалось замѣстителемъ прошедшихъ простыхъ. Впрочемъ, и въ книжной малорусской рѣчи XVII в. онѣ тоже отсутствуютъ.

[1]) Лекціи... Соболевскаго, 114.

[2]) Свѣдѣнія и зам. о малоизвѣс. и неизвѣс. памятникахъ, Срезневскаго, № 15, 413. Примѣры ошибокъ въ употребленіи прошедшихъ простыхъ изъ разныхъ вѣковъ см. Лекціи... Соболевскаго, 165.

[3]) Древніе памятники русскаго письма и яз. Срезневскаго, 498, 510.

Въ связи съ этимъ явленіемъ, по нашему мнѣнію, находится развитіе въ русскихъ глаголахъ тѣхъ особенностей, которыя въ грамматикахъ принято называть *видами* глаголовъ или *степенями дѣйствія*, выражаемаго посредствомъ глаголовъ [1]).

Извѣстно, что въ образованіи кратной степени во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ самое рѣшительное вліяніе имѣетъ гласный звукъ *а*, поэтому глаголы V класса съ тематическимъ гласнымъ *а* представляютъ наиболѣе удобную почву для передвиженія глаголовъ изъ продолженной степени въ кратную. Тема этихъ глаголовъ расширяется посредствомъ суффикса *а*, который видоизмѣняется въ нарѣчіи великорусскомъ въ звукъ *ы* послѣ твердыхъ согласныхъ, и въ звукъ *и* послѣ гортанныхъ, а также послѣ мягкихъ согласныхъ, при чемъ для устраненія зіянія между суффиксомъ кратной степени и тематическимъ гласнымъ вставляется *ѣ*, удареніе же большею частію передвигается съ тематическаго гласнаго на корень, въ которомъ гласный звукъ иногда усиливается: *дѣлать - дѣлывать, толка́ть - та́лкивать* и т. п. Форму кратной степени могутъ принимать и глаголы другихъ классовъ, но всегда подъ условіемъ перехода этихъ глаголовъ

[1]) Миклошичъ раздѣляетъ славянскіе глаголы на *совершенные* и *несовершенные*, и затѣмъ—въ послѣднихъ различаетъ дѣйствіе длящееся (verba durativa) отъ дѣйствія повторяющагося (verba iterativa). Эти послѣдніе глаголы, обыкновенно обозначаемые суффиксомъ *а*, усиливаютъ итерацію посредствомъ удвоеннаго суффикса *а*, являясь такимъ образомъ итеративнымъ второй степени: чешс. *sedám*—глаголъ итеративный отъ *sedu*, *sedávám*—итеративный отъ sedám (Vergleich. Syntax der Slav. Spr. Miklosich, 276—277).—Некрасовъ раздѣляетъ русскіе глаголы по *степенямъ дѣйствія* на *краткіе*, *продолженные* и *кратные*. „Краткость и кратность, говоритъ онъ, суть виды общаго, роднаго понятія продолжительности. Въ нихъ противоположность представляется конкретнѣе, съ проявленіемъ дѣйствія на самомъ дѣлѣ (О значеніи формъ русскаго глагола, 1865 г., 155). Недостатокъ этой послѣдней классификаціи заключается въ томъ, что въ ней не дано надлежащаго мѣста глаголамъ совершеннымъ, которые не имѣютъ суффикса краткой степени *ну*,—зато она представляетъ менѣе сбивчивости въ разграниченіи первой и второй степени. По Некрасову, *кида́ть*, *броса́ть*—глаголы просто продолженные (у Миклошича verba iterativa первой степени), *ки́дывать*, *бра́сывать*—глаголы кратные (у Миклошича verba iterativa второй степени). Поэтому, принимая общепринятое въ славянскихъ грамматикахъ дѣленіе глаголовъ на совершенные и несовершенные, мы будемъ держаться терминологіи Некрасова въ отношеніи къ глаголамъ несовершеннымъ.

въ V классъ, хотя переходная форма эта въ глаголахъ великорусскихъ не всегда употребляется. Такъ, отъ глагола *дать* (1 кл.) чрезъ *дава* (*дава́ть*)—*да́вывать*,—отъ *быть* (1 кл.) чрезъ *быва* (*быва́ть*)—*бывывать*,—отъ *сидѣть* (III кл.) чрезъ *сидѣ+а*, *сидя+а*—*сиживать*,—отъ *ходить* (IV кл.) чрезъ *ходи+а*, *хожа*—*хаживать* и т. д. Иногда глаголы 1 класса, принимая тематическій гласный звукъ глаголовъ V класса, сразу получаютъ значеніе кратной степени: *пѣть*—*пѣва́ть*, *пить*—*пива́ть* и т. п. [1]).

Таковы въ общихъ чертахъ отношенія между степенью продолженной и кратной въ великорусскомъ нарѣчіи. Само собою разумѣется, что они установились не сразу. Собственно говоря, кратная степень возникла уже на памяти исторіи. Она неизвѣстна была церковнославянскому нарѣчію въ тѣхъ комбинаціяхъ, которыя встрѣчаются въ нарѣчіи великорусскомъ, хотя, по мнѣнію Миклошича, въ сферѣ славянскихъ нарѣчій система глаголовъ совершенныхъ и несовершенныхъ послѣдовательно была выдержана уже до начала славянской письменности, т. е. до IX вѣка [2]). Во всякомъ случаѣ, только съ того времени, по мѣрѣ появленія памятниковъ славянской письменности, является возможность слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ степеней дѣйствія въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Вопросъ этотъ, сколько намъ извѣстно, не былъ еще разработанъ съ историко-сравнительной точки зрѣнія. Тѣмъ не менѣе можно считать несомнѣннымъ, что въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ движеніе глаголовъ по степенямъ дѣйствія не остановилось на той стадіи, которую мы видимъ въ церковнославянскомъ нарѣчіи. Особенно это нужно сказать о нарѣчіяхъ великорусскомъ и чешскомъ, въ которыхъ кратная степень дѣйствія проведена съ большею силою и выразительностію, чѣмъ въ остальныхъ нарѣчіяхъ.

Что же представляютъ въ этомъ отношеніи древнерусскія нарѣчія?

Мы видѣли въ древнерусскихъ памятникахъ прошедшее продолжен. время въ особенной, или лучше сказать, стяженной

[1]) Замѣну звука *а* звуками *ы*, *и* въ великорусскомъ нарѣчіи Миклошичъ объясняетъ отсутствіемъ надъ *а* ударенія (Vagleich. Syntax der. Slav. Spr. 309).

[2]) Vergleich. Syntax der. Slav. Spr. Miklosich, 294.

конструкціи на *ахъ, ячъ*. Это была, конечно, вымирающая форма, но такая однако же, въ которой весьма замѣтно обнаружилось стремленіе языка восполнить старое новымъ. Самая форма прошедшаго продолженнаго времени выходила изъ употребленія, но функція его была присуща живому чувству рѣчи, которая нуждалась въ выраженіи дѣйствія незаконченнаго, продолженнаго. И вотъ мы видимъ въ древнерусской книжной рѣчи то же явленіе, которое наблюдали во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ при образованіи кратной степени дѣйствія, т. е. переходъ глаголовъ разныхъ классовъ въ V классъ. Поэтому намъ кажется, что аористъ раньше вышелъ изъ употребленія, чѣмъ прошедшее продолженное время, въ которомъ чувствовалась болѣе настоятельная нужда. Окончательное паденіе прошед. продолженнаго времени, по нашему мнѣнію, наступило тогда, когда вполнѣ окрѣпла аналогія отъ глаголовъ V класса. Такимъ образомъ прошед. продолженное время мало по малу получило въ кратныхъ формахъ глагола свое выраженіе, т. е. онѣ сдѣлались какъ бы описательными формами прошед. продолженнаго времени. Можно было бы назвать этотъ способъ выраженія прошед. продолженнаго времени *степеннымъ* описаніемъ его.

Слѣды кратной степени можно замѣтить уже въ самыхъ раннихъ памятникахъ древнерусской письменности. Такъ, въ Остромировомъ евангеліи мы встрѣчаемъ формы: отъкꙑкати (есть и отъкꙑкати 83. а), отъкꙑкаахѫ (185 в.) и, что особенно важно, отъкꙑкающимъ (162)—въ наст. времени, какъ въ народномъ великорусскомъ нарѣчіи. Въ XII—XIII в. является и характеристическое *ы* вмѣсто *а*: *утрпывати* (Ж Б. и Г. XII в.) [1]), *повьдываемъ* (Тріодь XIII в.) [2]), *посуживати* (Гр. полоц. кн' Изясл. около 1265 г.), *поискивати* (Гр. литовск. кн. Герденя 1264 г.) [3]). Въ XIV в. являются эти формы и въ малорусскихъ памятникахъ: *слюбова́ти* (Гр. 1393 г.) [4]), *потверживати* (Гр.

[1]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 99.
[2]) Ibidem.
[3]) Грамоты... Непіорскаго, изд. Археогр. Коммиссіи.
[4]) АЗР. II. 204.

1375 г. [1]). Въ XV, XVI и XVII вѣкахъ онѣ встрѣчаются въ малорусскихъ памятникахъ въ самой разнообразной конструкціи. Приведемъ возможно большее число примѣровъ въ неопр. накл. для того, чтобы сдѣлать приблизительный расчетъ относительно движенія этихъ формъ въ малорусскомъ нарѣчіи.

XV вѣкъ: *бирати* [2]), *даивати* [3]), *тягивати* [4]), *ходживати* [5]), *розпахивати* [6]), *поискивати* [7]), *осаживати* [8]), *заступовати* [9]), *отправовати* [10]), *приймовати* [11]), *пригожатися* [12]).

XVI вѣкъ: *дѣливати* [13]), *ловливати* [14]), *опытывати* [15]), *отказывати* [16]), *переховывати* [17]), *подпрохиватися* [18]), *пробливати* [19]), *спрошивати* [20]), *узрушивати* [21]), *даивати* [22]), *пивати* [23]), *заслуговати* [24]), *найдовати* [25]), *поступовати* [26]), *справовати* [27]), *выймовати, запорожновати, захововати, звѣдовати, наглядовати, оболокиватися, отхожовати, перекажовати, помаговати, послу-*

[1]) Очеркъ звуковой исторіи малорус. нарѣчія, 355.
[2]) АЗР. I 110.
[3]) Ibidem.
[4]) АЗЮР. I. 19.
[5]) АЗР. I. 110.
[6]) АЗЮР. I. 10.
[7]) Ibidem. II. 109.
[8]) Ibid. I. 10.
[9]) АЗЮР. II. 109.
[10]) АЗР. I. 50.
[11]) Ibid. I. 49.
[12]) Ibid. I. 39.
[13]) АЗЮР. I. 49.
[14]) Ibid. I. 54.
[15]) Ibid. I. 51.
[16]) АЗЮР. I. 51.
[17]) Ibid. I. 108.
[18]) Ibid. I. 39.
[19]) Ibid. I. 52.
[20]) Ibid. I. 130.
[21]) Ibidem
[22]) Ibid. I. 56.
[23]) АЗЮР. I. 28. Переосвящ. евап. 32.
[24]) АЗЮР. I. 88.
[25]) Ibid. I. 144.
[26]) Ibid. I. 98.
[27]) Ibid. I. 41.

ювати, прихожовати, пророковати, прошовати, розгороватися, розрывовати, хожовати, чиновати, оучовати, ядати[1]), *зготовати*[2]), *нагорожати*[3]), *наъздчати*[4]), *стискати*[5]), *стяжатися*[6]).

Въ приведенныхъ примѣрахъ мы имѣемъ три типа кратныхъ степеней: 1) *ива* 2) *ова* 3) согласный + *а*. Два послѣдніе типа сохранились и въ современномъ намъ малорусскомъ нарѣчіи съ тѣмъ различіемъ, что *ова* въ большинствѣ малорусскихъ говоровъ звучитъ, какъ *ува*[7]), и притомъ чаще употребляется въ обыденной рѣчи, чѣмъ третій типъ, сохранившійся преимущественно въ народной поэзіи[8]). Что касается до глаголовъ на *ива*, то въ настоящее время ихъ почти нѣтъ въ малорусскомъ нарѣчіи, за исключеніемъ двухъ-трехъ глаголовъ 1 класса съ односложнымъ корнемъ, оканчивающимся на *и*[9]). Образованіе глаголовъ на *ива* до такой степени чуждо малорусскому нарѣчію,

[1]) Пересоп. еван. 35, 70, 3—5, 22, 22, 38, 18, 62, 111, 16, 70, 3—4, 88, 113, 38, 3 - 8, 3—24, 72, 78.

[2]) АЗЮР. I, 57.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibid. I. 33.

[5]) Ibid. I. 148.

[6]) Ibid. I. 89.

[7]) По мнѣнію г. Потебни, это *у* явилось не въ силу одного отсутствія ударенія, но и отъ ассимилирующаго вліянія звука *в* (Замѣтки о малорус. нарѣчіи, 50). Ягичъ думаетъ, что *у* въ *ува* появилось подъ вліяніемъ аналогіи отъ 1 л. един. ч. (Arch. für Slav. Philol. II. 358). Во всякомъ случаѣ, это явленіе сравнительно позднее. Въ грамотѣ Александра, господаря молдавскаго (1407 г.), есть форма *моргувати* (АЗР. I. 31). Но единственному случаю нельзя придавать особеннаго значенія — тѣмъ болѣе, что самая грамота напечатана не съ подлинника, а со списка, доставленнаго Д. Зубрицкимъ.

[8]) „Будуть дівки *приходжати*, тое зіллє рвати“ (Гол. I, 93); „по світлоньці походжає, у скляночці мед *пошає*“ (Чуб. I, 1088); „в чистім полю, край дороги, на коніку все *їзджає*“ (Гол. I. 265); „з вербів грушок не *здадала*, дівок в злоті не *видала*“ (Чуб. V. 336); „ой и сказав пан Канівський рублі поміняти, абы єго бондарівні три дні *видзвонять*“ (Гол. I. 65); „ой де твої, Абазине, писапні скрині? Ой побрали вражі ляхи, що *пасали* свині“ (ibid. 13).

[9]) „Хто тую горілку *живає*, від неї біди зазнає“ (Чуб. V. 1088); „прощай мене, мати, як я *живав* в світі“ (Гол. I. 135); „мене мати годувала, в головоньку не *бивала*“ (Чуб. V 810).

что въ заимствованныхъ великорусскихъ пѣсняхъ окончаніе *ивать* обыкновенно передѣлывается въ *увать*[1]).

Всегда ли такъ было?

Судя по даннымъ, приведеннымъ нами выше, въ XIV и XV в. нерѣдки были глаголы на *ива*. Въ XVI в. они замѣтнымъ образомъ начали выходить изъ употребленія, уступая свое мѣсто глаголамъ на *ова*, т. е. начали идти по аналогіи съ глаголами VI класса, пока эти послѣдніе не смѣшались съ первыми въ общемъ образованіи на *ува*[2]). Рядомъ съ этимъ образованіемъ шло стяженіе *ива* въ *а* съ перенесеніемъ ударенія на этотъ послѣдній звукъ. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. любимою формой являются образованія на *ова*, въ которыхъ, какъ и въ глаголахъ VI класса, тема наст. времени оканчивается на *у*: знайдєва́лисѧ (Г. Каз. 110), пріймовали (Рад. Ог. 1111), пристѫпова́ли (ib. 1112), заколю́тъ (Тр. п. 22), пріймѫтъ (ib. 915), подстѫпѫ́тъ (ib. 945). Эти образованія предпочитаются стяженнымъ формамъ: садєкимѡ (Лекс. Бер. 99), а не *сажаемо*, похо́жѫю (ib. 186), а не *похожа́ю*. Впрочемъ, есть перешкожа́ю и перешко́жѫю (ib. 100); даже Мелетій Смотрицкій, перечисляя въ своей славянской грамматикѣ глаголы, сложенные съ предлогами, обронилъ народную форму: похожа́ю. Изрѣдка встрѣчаются образованія на *ива*, при чемъ *и* относится къ корню глагола: *бирала* (Пал. З. К. 992), пикала́ (Рад. Ог. 880), лѣкала́ли (ib. 767). Не менѣе рѣдки и народныя образованія на *ува:* поскѣпо́вѫкалѫ (Рад. Ог. 915), *подкопували* (Хм. л.) и т. п. Вообще говоря, этихъ послѣднихъ избѣгали малорусскіе писатели, регулируя народное произношеніе книжнымъ употребленіемъ, которое въ данномъ случаѣ казалось имъ болѣе правильнымъ.

[1]) „Журавушка по бережку *походжує*, шовковую та травушку *сощипує*, холодною водицею *закусує*“ (Чуб. V. 805).

[2]) Въ сербскомъ нарѣчіи, по наблюденіямъ Данничича, до самаго конца XVII в. существовали еще образованія на *ова* и *ева*, смѣнившіяся теперь образованіемъ на *ива* (Историја облика, 254). Склонность къ образованію на *ива*, *ива* замѣтна и въ польскомъ нарѣчіи, тогда какъ въ чешскомъ господствуетъ *ава*.

Прошедшее условное время.

Во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ условное прошедшее образуется при помощи частицы *бы* изъ аориста *быхъ*, который до XIV в., повидимому, составлялъ принадлежность живой рѣчи. Въ XIII—XIV в. является рядомъ съ *быхъ* и *бы* въ соединеніи съ разными союзами: *а*, *ажъ*, *алижъ*: „што есте просили насъ, *а быхомъ* васъ пустили торговать, *а бы* вамъ не закажали, мы хочемъ ради то учинити“ [1]); „*ажъ бы* то было не измешано“ [2]); „судья жидовскій ..... къ суду не маетъ предъ себе приводити, *оли жъ бы* чрезъ скаргу былъ наведенъ“ [3]). Впрочемъ, въ книжной малорусской рѣчи XVII в. рядомъ съ *бы* часто употребляется, какъ мы видѣли, и *быхъ*, *быхмо*, *бысмо*, *бысте* подъ вліяніемъ западныхъ малорусскихъ говоровъ, въ которыхъ эти формы и теперь еще живутъ въ устахъ народа.

Повелительное наклоненіе.

Въ повелит. накл. 2 л. един. ч. во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ теперь звучитъ одинаково: подъ удареніемъ выдерживается суф. повелит. накл. *и* (*идѝ*), безъ ударенія онъ замѣняется посредствомъ *ь*, т. е. посредствомъ смягченія согласнаго звука (*стань*) [4]), послѣ гласныхъ *и* превращается въ іоту (*ламай*). Потеря суффикса *и* изъ един. ч. перешла и во 2 л. множ. ч. (*стáньте*). Это—давнее явленіе въ русскихъ нарѣчіяхъ: уже въ XIII вѣкѣ, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ, встрѣчаются формы: *укради*, *оставьте*, *обидьте* (Галиц. еван. XIII в.), *сядьте* (Вѣнск. окт. XIII в.) [5]), *не двиньте*, *не*

[1]) Изв. Ак. т. X., вып. 6: снимокъ съ грамоты послѣ 1341 г.

[2]) Ibidem., 688.

[3]) АЗР. I. 25.

[4]) Въ галицкомъ малорусскомъ говорѣ даже ударяемое *и* переходитъ въ неударяемое, т. е. ударение переносится на корень со смягченіемъ послѣдняго звука въ корнѣ и безъ смягченія: *хвалъ*, *подь*, *прид*, *под* (у лемковъ). Изрѣдка въ этихъ случаяхъ нѣтъ смягченія и въ украинскомъ говорѣ: *подерж* (Studien... Ogonowski, 141—142).

[5]) Очерки изъ исторіи русскаго яз., Соболевскаго, 79.

обидьте (Новг. купч. XIV в.) [1]). Тѣ же формы повторяются и въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Не менѣе древнею общерусскою особенностію нужно считать смѣну *ь* на *и* подъ удареніемъ въ 1 и 2 л. множес. ч. повелит. наклоненія, которая, полагать надобно, произошла подъ вліяніемъ аналогіи отъ 2 л. един. ч. Мы видимъ эту смѣну въ памятникахъ XI—XII в: **привединте** (Остр. еван. 73, б.), **останитеся** (ib. 230, а). Въ XIII—XIV вѣкахъ *и* вмѣсто *ь* не составляетъ уже рѣдкости, особенно въ сѣверныхъ памятникахъ [2]). Въ южнорусскихъ письменныхъ памятникахъ гораздо настойчивѣе удерживается въ этихъ случаяхъ *ь*, но объ этомъ *ь* въ книжной малорусской рѣчи XVII в. мы скажемъ ниже.

Къ общерусскимъ явленіямъ нужно отнести также 1) вліяніе наст. врем. изъявит. накл. на тематическіе согласные повелительнаго наклоненія, хотя самимъ качествомъ согласныхъ великорусское нарѣчіе отличается отъ малорусскаго: *пекù*, *пекúте*, *помогù*, *помогúте* (великорус.), *печù*, *печíть*, *поможù*, *поможíть* (малорус.); 2) замѣну 1 л. множеств. повелит. накл. 1 лицемъ множеств. ч. изъявит. наст. времени съ значеніемъ будущаго: *пойдёмъ* (великорус.), *пíдемо* (малорус.). Первое явленіе вовсе не встрѣчается въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, второе—очень рѣдко.

Причастія наст. и прошед. врем. дѣйст. залога.

Считаемъ нужнымъ остановиться еще на причастіяхъ наст. и прошед. времени дѣйст. залога, какъ на отглагольныхъ формахъ общерусскаго происхожденія, имѣвшихъ немаловажное значеніе въ конструкціи книжной малорусской рѣчи XVII в.

Извѣстно, что въ согласныхъ темахъ причастія наст. врем. дѣйст. зал. въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, оканчивается на *а* въ именит. един. мужес. рода, а не на *ы*, какъ въ языкѣ славянскомъ; *река* (Сбор. 1073 г.), *мога* (Мин. 1096 г.), *чьтаи* (Добр., еван. 1164

[1]) Историческая христоматія, Буслаева, 560.

[2]) Свѣдѣнія и замѣтки..., Срезневскаго, № 29, стр. 79.

г.) [1]). Другая форма того же причастія, соотвѣтствующая церковносл. ѧ, есть *я*. Съ теченіемъ времени эта послѣдняя форма вытѣснила первую. Самые древніе слѣды замѣны *а* посредствомъ *я* относятся къ XIV в. [2]) Рядомъ съ формами *идя, ведя* появляются въ XIII и особенно въ XIV в. окончанія: *яче, ячи, учи, ючи*: *исправяче* (въ записи Пантел. еван. XIII в.) [3]), *исправляваюче* (Галиц. еван. XIII в.) [4]), *чинячи, мовячи, хотячи* (Гр. 1388 г.), [5]) *рекучи* (1361 г.) [6]) *вживаючи* (Гр. 1340 г.) [7]). Въ малорусскомъ нарѣчіи эти послѣднія окончанія, соотвѣтствующія именительному множ. (въ церковносл. *шіе*) сдѣлались господствующими. Формы на *а, я* въ народномъ языкѣ встрѣчаются рѣдко, большею частію въ пословицахъ: „у Бога все *мога*“; „хліб та одежа, йів бы козак *лежа*“; „худоба *переходя* живе“ [8]). Можно полагать, что уже при самомъ появленіи своемъ формы *ячи, учи* имѣли значеніе такъ называемыхъ дѣепричастій: въ древнерусскихъ памятникахъ мы не встрѣтили этихъ формъ въ склоняемомъ видѣ. Любопытно, однако же, что въ южнорусскихъ грамотахъ XIV в. онѣ являются уже въ видѣ членныхъ причастій: „князь Ѳедоръ, воевода Луцкій, *будучій* того часу“; „мы, Александръ, або Витовтъ, знаменито чинимъ тымъ нашимъ листомъ нинѣшнимъ и потомъ *будучимъ*“; „*заказуючіи* (жидамъ) вину намъ мають заплатити“ [9]). Формы эти не находятъ подтвержденія въ народномъ языкѣ, но въ памятникахъ южнорусской письменности, отличающихся народнымъ складомъ рѣчи, онѣ составляютъ обычное явленіе. То же мы видимъ и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: *маючій* (Г. М. 161), *маючого* (Г Каз. 111), *маючому* (Сл. о безд.) и т. п.

[1]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 116. Другіе примѣры тамъ же.

[2]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 14. Лекціи... Соболевскаго, 185.

[3]) Лекціи... Соболевскаго, 183.

[4]) Очерки изъ исторіи русскаго яз. его же, 20.

[5]) АЗР. I, 23.

[6]) АЮЗР. I. 1.

[7]) Ibid. II. 102.

[8]) Українські приказки и прислівья, Номиса, 36.

[9]) АЗР. I. 26, 23, 26.

Въ народной рѣчи, какъ великорусской, такъ и малорусской, сохранилась краткая форма прошед. прич. дѣйст. залога, употребляемая въ смыслѣ дѣепричастія, съ окончаніемъ *ши*, которому въ гласныхъ темахъ предшествуетъ согласный *в*. Это окончаніе соотвѣтствуетъ именит. множ. (церковносл. *ше*). Оно утвердилось въ народной рѣчи въ замѣнъ литературнаго русскаго *въ*, а также старинныхъ формъ съ тематическими согласными: *идъ, сѣдъ, несъ, взялъ, начялъ* (въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ *ѣм, ѣн*, изъ ѧ) Что касается до членныхъ прошед. причастій дѣйст. залога, то ихъ нѣтъ въ народныхъ нарѣчіяхъ ни великорусскомъ, ни малорусскомъ. Они существуютъ только въ литературномъ русскомъ языкѣ, какъ существовали и въ книжной малорусской рѣчи, въ которую перешли изъ книжной славянорусской рѣчи.

IV.

Черты малорусскаго нарѣчія, чуждыя нарѣчіямъ церковнославянскому и великорусскому.—Звуки гласные и согласные.—Глагольныя формы.

Намъ остается еще сдѣлать обзоръ звуковъ и формъ собственно малорусскихъ, входящихъ въ составъ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Гласный і изъ о и е.

Самая рѣзкая особенность малорусскаго вокализма—это превращеніе въ извѣстныхъ случаяхъ основныхъ *о* и *е* въ *і*.

Объ этомъ явленіи мы въ свое время достаточно высказались [1]). Указавъ на связь его съ потерей глухихъ гласныхъ, мы обратили вниманіе на сѣверно-малорусскія замѣны основныхъ *о* и *е*, допуская три стадіи въ развитіи *і* изъ *о* и *е*: древнѣйшую—*оо*, *ее*, среднюю, на которой подъ вліяніемъ ударенія явились дифтонги *уо*, *ю͡о* и стяженія ихъ *у*, *ю*, позднѣйшую—*уі*, *ю͡і* и стяженіе ихъ *і*. Затѣмъ, сблизивъ сѣверно-малорусскіе дифтонги двухъ типовъ *уо*, *уо* съ дифтонгами *іе*, *і̯е* (изъ *ѣ*), мы сдѣлали вѣроятныя заключенія о дальнѣйшемъ развитіи изъ этихъ дифтонговъ ихъ великорусскихъ и малорусскихъ замѣстителей,—о времени появленія малорусскаго *і* изъ *о*, *е*,—наконецъ, по южнорусскимъ памятникамъ, начиная съ XIV вѣка, мы указали превращенія звуковъ *о* и *е*.

[1]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 107—123.

Противъ этихъ положеній высказано было нѣсколько замѣчаній, сущность которыхъ сводится къ вопросу о времени появленія въ малорусскомъ нарѣчіи той или другой количественной замѣны серединныхъ гласныхъ.

Такъ, г. Потебня полагаетъ, что въ малорусскомъ нарѣчіи возможно было одновременное существованіе серединныхъ глухихъ (*сън*) и удлиненіе чистыхъ (*коонь*). По его мнѣнію, „какъ замѣна глухихъ чистыми, такъ и удлиненіе чистыхъ въ среднихъ слогахъ суть вознагражденія не за потерю, а лишь за ослабленіе конечныхъ глухихъ“. Означая ступень паденія глухихъ, среднюю между нынѣшнею и древнею, посредствомъ значка ', „я, говоритъ Потебня, представляю себѣ такую постепенность формъ: 1) *ко-нь*, *съ-нъ*; 2) *кон'*, *сън'* (т. е. *о̄* еще далеко отъ двухъ явственныхъ *оо*, близкихъ къ дифференцированію въ *уо*, а *ъ* еще отличимо отъ *о*; *коон'*, *сон*“ [1]). Мы получили такимъ образомъ не цѣлые звуки, а только дроби звуковъ, съ которыми, во всякомъ случаѣ, не легко справиться: въ словѣ, напримѣръ, *сън'* три гласныхъ звука, изъ которыхъ первый—полный, другой—отличимый отъ перваго (вѣроятно, половинный), а третій—неизвѣстно какой, такъ какъ онъ означаетъ „ступень паденія глухихъ, *среднюю между нынѣшнею и древнею*“... Все дѣло въ томъ, что почтенный изслѣдователь въ позднѣйшихъ трудахъ своихъ отступилъ отъ прежняго мнѣнія своего о времени потери глухихъ гласныхъ въ русскихъ нарѣчіяхъ. Прежде онъ думалъ, что они потеряны были въ XII в. и даже раньше [2]),—теперь онъ думаетъ, что „до полнаго уничтоженія глухихъ *дѣло не дошло и теперь*, если взять во вниманіе, что сохраненіе разницы въ малорус. между конечными звучными и отзвучными (*бібъ*, *піпъ*) невозможно безъ сохраненія нѣкотораго остатка глухаго звука“ [3]). Интересно, между прочимъ, сближеніе въ этомъ отношеніи малорусскаго нарѣчія съ польскимъ. „Фактъ въ томъ, говоритъ г. Потебня, что въ польскомъ литературномъ языкѣ въ

[1]) Къ исторіи звуковъ русскаго языка, 51.

[2]) Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи, 14.

[3]) Къ исторіи звуковъ русскаго языка, 51.

среднихъ слогахъ предъ звучными стоитъ *о́* (изъ *оо*, *ѓо*), а предъ отзвучными *о̃*: *бо̃д* и *рор*, *сло́д* и *кот*, *бо́г* и *бок*. Объясненіе состоитъ въ томъ, что конечный глухой звукъ долѣе удерживается здѣсь послѣ отзвучныхъ (болѣе сильныхъ), требовавшихъ бо́льшаго напряженія дыханія, чѣмъ послѣ звучныхъ, почему предъ послѣдними появилось удлиненіе основнаго *о* въ то время, какъ предъ первыми нѣтъ“ [1]). Для насъ кажется непонятнымъ, что въ польскомъ нарѣчіи конечный глухой звукъ долѣе удерживается послѣ отзвучныхъ, между тѣмъ въ малорусскомъ нарѣчіи предполагается слѣдъ глухаго звука даже и теперь—именно послѣ звучныхъ, которые отличаются (конечно, какъ и въ польскомъ нарѣчіи) меньшимъ напряженіемъ дыханія, слѣдовательно, меньше обезпечиваютъ цѣлость глухихъ гласныхъ. Какъ бы мы, во всякомъ случаѣ, ни отодвигали потерю глухихъ гласныхъ отъ первыхъ вѣковъ древнерусской письменности, все таки едва ли можно утверждать положительно, что „два-три столѣтія назадъ такія слова, какъ *сон* (въ малорусскомъ нарѣчіи) были близки къ двухсложности, а между тѣмъ *о* изъ *ъ* въ нихъ уже существовало“ [2]). Если среднее *о* въ словѣ *сон* уже тогда существовало, то не было необходимости въ *ъ*, потому что самое *о* могло быть вызвано не ослабленіемъ, а самой потерей *ъ*, слѣдовательно, слово *сон* не было тогда двухсложнымъ. Если же оно было двухсложнымъ, то средняго *о* не существовало, а былъ на его мѣстѣ глухой гласный звукъ. Если слѣдствіе допускается, то и причина должна быть принята, потому что слѣдствіе безъ причины, какъ извѣстно, не бываетъ. Что касается до тѣхъ соображеній, которыя основываются на положеніи, что во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ *ъ* въ словѣ *сон* (*сънъ*) звучитъ, какъ *о*, а не какъ *уо*, *у* или *і*, а это неизбѣжно должно было бы случиться въ малорусскомъ нарѣчіи, еслибы въ то время, когда начали говорить *куонь*, *кунь*, *кінь*, глухой *ъ* въ словѣ *сънъ* превратился въ *о*,—то на это можно замѣтить, что *о* въ такихъ словахъ, какъ *сон* не могло превратиться въ *уо*, *у* или *і* въ слѣдствіе краткости *о*, образовавшагося изъ *ъ*.

[1]) Къ исторіи звуковъ русскаго языка, 51—52.

[2]) Ibidem.

Недавно явилось въ наукѣ документальное подтвержденіе того положенія, что первоначальнымъ моментомъ въ образованіи *і* изъ основнаго *о* было *оо*, — именно въ южнорусскихъ памятникахъ XIII—XIV в. есть формы: *въ воовьия*, *воовьчихъ* (Галиц. еван. XIII в.), *во̄ци*, *во̄ци* (Поликар. еван. XIV в.) [1]). Такимъ образомъ долгое *о*, записанное въ одномъ изъ гродненскихъ говоровъ, существуетъ не менѣе шести вѣковъ. Но такъ какъ всякое звуковое явленіе возникаетъ и развивается раньше, чѣмъ появляется въ письменныхъ памятникахъ, то образованіе *оо* можно передвинуть съ XIII къ XII и даже XI в., т. е. къ начальной эпохѣ древнерусской письменности. Отсюда изъ *уо*—*у*, изъ *уі*—*і*. Кромѣ этого пути въ образованіи *у*, *і*, г. Соболевскій предполагаетъ и другой путь. Онъ думаетъ, что послѣ паденія глухихъ гласныхъ „долгое *о* сначала звучало открыто, потомъ стало звучать закрыто и приближаться къ *у*, въ которое оно и стало переходить еще въ XII вѣкѣ, и которое мы находимъ въ *ужасаються* 3. л. ед. ч. (Добр. еван. XII в.), *щюдръ*, *субутный* (Типогр. еван. № 6, XII—XIII в.). Въ современномъ малорус. это *у* изъ *о* долгаго сохраняется во многихъ говорахъ: *буг*, *кунь*, *муй*“ и проч. [2]). Но *у* въ приведенныхъ словахъ есть ничто иное, какъ звукъ, стяженный изъ *уо*, какъ доказываютъ тѣ же говоры, въ которыхъ говорятъ *буг* и *буог*, *кунь* и *куонь*, *муй* и *муой*. По нашему мнѣнію, нѣтъ никакой надобности осложнять вопросъ новой гипотезой, предполагая между *оо* и дифтонгами долгое *у*, когда это *у* въ народномъ произношеніи есть звукъ краткій, и когда предъ нами на лицо всѣ градаціи этого звука, какъ вверхъ, такъ и внизъ, изъ коихъ большая часть скрѣпляется свидѣтельствомъ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятниковъ. Не видимъ скачка въ развитіи *и̊* изъ основнаго *о* и въ чешскомъ нарѣчіи: и здѣсь изъ основнаго *о* явилось долгое *о*, изъ этого послѣдняго *ио*, а изъ *ио*—позднѣйшее *и̊*. Другое дѣло—образованіе краткаго *у* изъ краткаго (неударяемаго) *о*. Здѣсь нѣтъ условій для образованія дифтонга,

[1]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 97.

[2]) Ibibem, 96—97.

поэтому въ словахъ: *яблуня, упать, пужар* и т. п. *у* явилось прямо изъ *о*. Это явленіе, собственно говоря, общерусское, но оно не отмѣчено нами въ обзорѣ общерусскихъ звуковъ, между прочимъ, потому что намъ не встрѣтилось оно въ позднѣйшей малорусской книжной рѣчи. Первые слѣды этого явленія относятся къ XI в: такъ, уже въ Сбор. 1073 г. творит. пад. женск. р: *которивуѣ* вмѣсто *которивоѣ*[1]).

По аналогіи съ долгимъ *о* нужно допустить и долгое *е*, но этотъ предполагаемый архаизмъ не отысканъ въ народныхъ говорахъ, можетъ быть, потому что долгое *е* очень рано начало превращаться въ *joo*, и отсюда обычнымъ путемъ чрезъ *jyo* въ *jy* (*ю*): *ѣдущомъ, мытаромъ* (Холмс. еван. XII—XIV в.), *гюдьюмъ* (Галиц. еван. XIII в.), *отрочищюмъ* (Холм. еван.)[2]). Безъ всякаго сомнѣнія, *е*, подъ вліяніемъ потери конечныхъ глухихъ гласныхъ, уже измѣнилось во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ мы видимъ *ѣ* вмѣсто *е*. Это явленіе рѣзко обозначилось въ XIII в: такъ, въ Добриловомъ евангеліи 1164 г. очень часто пишется *ѣ* тамъ, гдѣ прежде (напр. въ Галицкомъ евангеліи 1144 г.) стояло *е: знамѣньѣ, учьныѣ, камѣньѣ, корѣньѣ, ремѣнь, учитѣль, зѣлье, пѣщь, сѣдмь, шѣсть, въ нѣмъ, о сѣмь, въ нѣй, сѣй, будѣть* и проч.[3]).

Какъ звучалъ этотъ *ѣ*?

Г. Соболевскій называетъ его *новымъ* въ отличіе отъ древняго *ѣ*, который, по его мнѣнію, одинъ только изъ всѣхъ звуковъ „при распаденіи общеславянскаго языка перешелъ въ отдѣльныя славянскія нарѣчія, въ томъ числѣ и въ русскій языкъ, въ качествѣ долгаго звука“[4]). Въ древнѣйшее время онъ произносился, какъ мягкое *е*, и вмѣстѣ съ *е* имѣлъ способность

[1]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 62.

[2]) Очерки изъ исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 93. По наблюденію г. Потебни, предъ твердыми согласными и предъ *j* основное *е* превращается въ *i* чрезъ *jo*: *вев = вjов = вjуов, — jej = joj = jуoj* и т. д., а предъ мягкими согласными *je* прямо превращается въ *ji* (*і*): *лебідь* изъ *лебѣдь*, *весілле* изъ *весѣлие*. (Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи, 32, 33).

[3]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 2, 3, 4.

[4]) Ibidem, 80. Въ послѣднемъ сочиненіи своемъ г. Соболевскій выражается объ этомъ съ большею осторожностью: „*ѣ*, говоритъ онъ, *какъ кажется*, былъ единственный долгій звукъ въ русскомъ языкѣ древнѣйшаго періода“ (Лекціи по исторіи русскаго языка, 40).

сильно смягчать предшествующій согласный звукъ, но всегда имѣя склонность къ переходу въ *і*, съ теченіемъ времени онъ началъ отклоняться къ іотному *і*. Относительно новаго *ѣ* г. Соболевскій думаетъ двояко: съ одной стороны это было долгое *е*, которое однако же въ нѣкоторыхъ случаяхъ „не смотря на исчезновеніе глухаго или *и* въ послѣдующемъ слогѣ, не подвергалось измѣненію и осталось краткимъ“[1]). Эта двойственность въ воззрѣніи на новый *ѣ* выступаетъ еще рѣзче въ слѣдующихъ словахъ: „новый *ѣ* первоначально отличался отъ *е* только количествомъ. Имѣя всѣ качества *е*, и въ ихъ числѣ склонность къ переходу въ *о*, которой не имѣлъ древній *ѣ*, онъ никогда не былъ тождественнымъ съ этимъ послѣднимъ“[2]). Впрочемъ, въ этомъ новомъ *ѣ* сохранилась и еще черта, роднящая его съ древнимъ *ѣ*. Можно думать, говоритъ г. Соболевскій, что *ѣ* переходитъ въ *о* чаще, чѣмъ *е*, вѣроятно потому, что онъ сохранилъ древнюю мягкость“[3]). Такимъ образомъ, новый *ѣ* есть отчасти долгій, а отчасти краткій звукъ; кое-что онъ сохранилъ изъ древняго *ѣ*, но не все, кое-что изъ основнаго *е*, но не все; въ немъ есть всѣ условія для того, чтобы сдѣлаться всѣмъ, чѣмъ угодно. По нашему мнѣнію, удобнѣе говорить о видоизмѣненіяхъ основнаго *е*, которыя происходили подъ разными условіями, а также—объ этихъ самыхъ условіяхъ, которыя породили разные рефлексы звука *е*, выраженные, между прочимъ, и буквою *ѣ*,—а не о новомъ фиктивномъ *ѣ*, составленномъ изъ разнообразныхъ и отчасти несовмѣстимыхъ элементовъ. Но этого мало: въ изслѣдованіи г. Соболевскаго, кромѣ новаго *ѣ* изъ *е*, указаны по галицко-волынскимъ памятникамъ еще два новые *ѣ*[4]). Самъ по себѣ и старый *ѣ* представляетъ не малую загадку въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и въ разныя эпохи письменности въ каждомъ изъ этихъ нарѣчій.

[1]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, 89.

[2]) Ibiedem, 92—93.

[3]) Ibidem, 93.

[4]) Ibidem, 93—64.

Теперь же выступаютъ предъ нами нѣсколько *новыхъ* *ѣ* въ южнорусской письменности, и всѣ они представляютъ варіаціи стараго, въ наукѣ недостаточно выясненнаго, т. е. къ одной малоизвѣстной величинѣ присоединяется нѣсколько новыхъ, еще менѣе извѣстныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлались ли яснѣе самые звуки послѣ того, какъ обозначающая ихъ буква названа №№ 1, 2, 3? Такую нумерацію можно бы было примѣнить почти ко всякому звуку для обозначенія всѣхъ переходовъ его въ другіе звуки. Такъ, напримѣръ, *ы* въ малорусскомъ нарѣчіи переходитъ въ *у*, *о*, *е*, *і* [1]),—и вотъ изъ одного *ы*, со включеніемъ основнаго, можно было бы составить пять номеровъ, знаніе которыхъ имѣло бы интересъ болѣе орѳографическій, чѣмъ лингвистическій. Намъ кажется, что этотъ методъ изслѣдованія, отвлекая вниманіе отъ звука къ буквѣ, невольно располагаетъ къ *буквенному* представленію звука, т. е. ко внесенію въ это представленіе того, что намъ извѣстно не столько о звукѣ, сколько о буквѣ. А такъ какъ орѳографія буквы *ѣ* въ древнѣйшей русской письменности даетъ намъ сравнительно немного данныхъ безспорныхъ и точныхъ, то отсюда неизбѣжно должна получиться неопредѣленность и сбивчивость и въ представленіи того звука, который послѣ паденія глухихъ гласныхъ образовался изъ основнаго *е*, и который со второй половины XII вѣка началъ обозначаться въ южнорусскихъ памятникахъ посредствомъ буквы *ѣ* [2]). Можно сказать только, что въ данномъ случаѣ основное *е* могло перейти въ растяженное, долгое *е*, и эта *позднѣйшая*, *секундарная* долгота могла быть выражена посредствомъ буквы *ѣ*. А такъ какъ *е* предъ мягкими согласными переходитъ въ *і* (*ï*), то позволительно думать, что буква *ѣ* уже въ XII вѣкѣ, послѣ паденія конечныхъ глухихъ гласныхъ, могла выражать и звукъ *і* (*ï*), сходный съ тѣмъ *и*, который въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ памятникахъ является въ XII и даже XI вѣкѣ на мѣстѣ основнаго *ѣ*.

[1]) Studien... Ogonowski, 39—40.

[2]) О другихъ недостаткахъ теоріи г. Соболевскаго, пріуроченной къ этнографическому распредѣленію древнерусскихъ племенъ, мы надѣемся поговорить въ другое время.

Считаемъ своею обязанностію отнестись критически и къ собственному мнѣнію о значеніи малорусскихъ дифтонговъ изъ основныхъ *о*, *е*. Въ изслѣдованіи своемъ объ этихъ звукахъ мы считали ихъ первозвуками, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовались стяженные гласные, какъ великорусскіе *о*, *е*, такъ и малорусскіе *у*, *ю*, *і*. Мы отодвигали ихъ къ общему моменту въ жизни русскихъ нарѣчій, который соотвѣтствуетъ идеѣ русскаго праязыка. Противъ этого мнѣнія съ особенною убѣдительностію высказано было нѣсколько замѣчаній г. Ягичемъ. „Что удобнѣе, говоритъ онъ, выводить ли великорус. *бог*, *стол* изъ *буог*, *стуол*, или же сказать, что и по паденіи конечнаго *ъ* великорусское *о* удерживаетъ тотъ же вѣсъ безъ всякой количественной перемѣны? Охотно можно согласиться съ тѣмъ, что въ великорусскомъ *бог* звукъ *о* нѣкогда произносился протяженнѣе, какъ и теперь въ сербскомъ *бôг*... Слѣдовало бы и ограничиться этимъ положеніемъ,—слѣдовало бы сказать, что въ великорусскомъ нарѣчіи *о* качественно осталось неизмѣннымъ, а количественно съ теченіемъ времени сократилось, а въ малорус. изъ *бог* = *боог* явилось не только *буог*—*буг*, но и *буіг*—*біг*“ [1]). Не споримъ, что въ привлеченіи великорусскаго нарѣчія къ малорусскимъ дифтонгамъ изъ *о*, *е* была добрая доля преувеличенія, объясняемаго желаніемъ вывести великорусскій и малорусскій вокализмъ изъ одного первоисточника, но мы всегда считали мнѣніе свое не болѣе, какъ гипотезой, на смѣну которой должно придти другое болѣе вѣроятное объясненіе, поэтому мы охотно допускаемъ возможность движенія двухъ главныхъ русскихъ нарѣчій не отъ дифтонговъ, сохранившихся въ подлясскомъ малорусскомъ говорѣ изъ *о*, *е*, а отъ удлиненныхъ, или же, какъ говоритъ г. Ягичъ, растяженныхъ гласныхъ (*оо*, *ее*), образовавшихся въ эпоху паденія *ъ* и *ь*.

Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. мы вовсе не встрѣчаемъ дифтонговъ, какъ нѣтъ ихъ и въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ. Что касается до стяженныхъ звуковъ, то они составляютъ въ ней обычное явленіе: **бо́ль** вмѣсто *боль*

[1]) Archiv für Slaw. Philologie, II, 254—255.

(Кир. Транк. 56), хо́р8мъ вмѣсто *хоромъ* (ib. 61), пл8тъ вмѣсто *плотъ* (Лекс. Бер. 198), р8ка вм. *ровъ* (ib. 216), р8гъ вм. *ровъ* (ib. 140), гр8мъ вм. *громъ* (ib. 174), намютъ вм. *наметъ* (ib. 115), в' нюй вм. *въ ней* (ib. 116), свою́ вм. *своей* (Г. К. 218), *облюъ* вм. *облегъ* (Хм. л.), зьычаюмъ, шпыта́люмъ вм. *звычаемъ, штыталемъ* (Рад. Ог.). Стяженіе *у, ю* было популярно въ средѣ писателей въ теченіи всего XVII вѣка и, повидимому, распространено было далеко за предѣлами сѣверныхъ малорусскихъ говоровъ: такъ, мы постоянно встрѣчаемъ эту старинную особенность малорусскаго вокализма въ перепискѣ Богдана Хмельницкаго: *свуй, поклунъ, мунъ, нунъ, попувъ, посланцувъ* и т. п. Что касается до *і* изъ *у, ю*, то оно—тоже не рѣдкость на всемъ пространствѣ XVII вѣка, при чемъ *і*, какъ изъ *ю* (*е*), такъ и изъ *у* (*о*), обозначается иногда буквою *ь*, а въ слѣдствіе смѣшенія *и* съ *ы*—гласный *і* изъ *у, о* обозначается и буквою *ы*: пи́йде вм. *пойде* (Кир. Транк. 52 об.), у́кы́ръ вм. *уборъ*, зтѣкъ вм. *зтекъ* = сы́нмъ вы́ный (ib. 153), *горщикъ* вм. *горщокъ* (Кіев. л. 85), *о укрѣпляющимъ* вм. *щемъ* (Діар. А. Ф. 144), *въ козацкимъ* вм. *комъ* (Льв. П.), *килька, кильо* вм. *колько* (ib.), *въ еднымъ* вм. *въ едномъ* (ib.), къ грецкилъ вм. комъ (Г. Каз. 104). о чи́мъ вм. о чемъ (ib. 122), на весо́лымъ вм. ломъ (Рад. Ог. 893), по ты́мъ вмѣсто по томъ (ib. 1083), пѣчъ и на той же страницѣ: в' пѣчѣ (ib. 695), вы́кѣлъ вмѣсто выкелъ (ib. 945), *на другій недели* (Меж. л. 97).

Смѣшеніе основнаго и съ основнымъ ы.

Не мало затрудненій въ исторіи русскихъ нарѣчій представляетъ также звукъ *ы*. Въ изслѣдованіи своемъ объ этомъ звукѣ мы указали по народнымъ говорамъ и по памятникамъ древнерусской письменности звуковыя замѣны основнаго *ы* въ связи съ образованіемъ этого звука, что привело насъ къ заключенію о вѣроятномъ произношеніи *ы* въ древнерусскую эпоху, какъ *и*. Этимъ объяснили мы развитіе въ XIV в. секундарнаго *ы* вмѣсто основнаго *и*, а также вообще стремленіе малорусскаго вокализма къ губному порядку гласныхъ. Что касается до средняго украинскаго *и*, то оно, какъ результатъ смѣшенія основнаго *и* съ основнымъ *ы* и перехода того и другаго въ широкое *ы*, есть звукъ поздній, не получившій въ южнорусской письменности надлежащаго выраженія [1]).

Противъ этого мнѣнія высказано было не мало возраженій, изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются крайнею неумѣренностію тона. Съ особенною рѣзкостію выразился по этому поводу г. Колосовъ [2]). По его мнѣнію, мы не обратили вниманія на губной характеръ звука *ы*. Это положеніе, установленное дедуктивно, Колосовъ защищаетъ прославленіемъ дедукціи, хотя бы она и не согласовалась съ очевидными фактами. „Если бы и не разъ, а много разъ встрѣтилось въ памятникахъ на мѣстѣ *ы* сочетаніе буквъ, которое не соотвѣтствуетъ природѣ этого звука, я бы, говоритъ онъ, попытался объяснить себѣ такое сочетаніе такъ или иначе, но не усумнился бы въ вѣрности сдѣланныхъ выше заключеній". Но самъ Колосовъ, противъ воли своей, выводитъ наружу вредъ чистой дедукціи, указывая на то, что Шлейхеръ, желая подыскать соотвѣтствіе *ы* = *гв*, допустилъ *и* = *ij* (*бьенъ*), тогда какъ здѣсь *и* сократилось въ *ь*, слѣдовательно, нѣтъ здѣсь ничего похожаго на разложеніе *ы* въ *гв*. Слѣдуя, однако же, дедуктивному методу, Колосовъ утверждаетъ, что въ древнеславянскомъ языкѣ ряды звуковъ *а, і, у* будто бы никогда не смѣшиваются между собою,—будто бы, сверхъ того, находятся въ *полномъ* соотвѣтствіи между собою. Но въ данномъ случаѣ мы считаемъ болѣе убѣдительнымъ мнѣніе Шлейхера, который ставитъ примѣтой сѣверо-восточнаго семейства языковъ смѣшеніе, напримѣръ, ряда *і* съ рядомъ *а* [3]). Что касается до соотвѣтствія звуковъ, то оно, какъ видно изъ статьи самого Колосова, совсѣмъ *не полное*. Такъ, по его мнѣнію, *ы* (*гв*) соотвѣтствуетъ *и*, но *и* не разлагается: гдѣ же тутъ *полное* соотвѣтствіе? Затѣмъ, съ тѣми же пріемами дедуктивнаго упрямства Колосовъ вступаетъ въ полемику не съ нами только, но и съ

[1]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 124—143.

[2]) Загадочные звуки въ исторіи русскаго яз. Колосова, 1876 г.

[3]) Compendium, Schleicher, 126.

Миклошичемъ, Шлейхеромъ, Гатталой и Гейтлеромъ, которые не отрицаютъ, какъ извѣстно, небнаго элемента въ звукѣ *ы*. По его мнѣнію, изъ элементовъ *ъь* образовалось *ы*—„звукъ порядка губнаго, произношенія котораго мы навѣрно не знаемъ“,—но при этомъ предполагаетъ, что въ древнеславянскомъ языкѣ *ы* звучало такъ, какъ звучитъ теперь въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и польскомъ [1]). „Было ли когда *ы* двоегласнымъ звукомъ, и это, говоритъ онъ, неизвѣстно“ [2]). Итакъ, этотъ *неизвѣстный гласъ извѣстенъ* только тѣмъ, что онъ былъ *чисто губной* звукъ. Колосовъ упрекаетъ насъ за то, что мы, какъ и другіе, дали большое значеніе фрейзингенской замѣнѣ *ы* посредствомъ *ui*. Допустимъ, что это такъ, что *ui* въ данномъ случаѣ не выражаетъ дифтонга. Откуда же все-таки *i* въ томъ же фрейзингенскомъ памятникѣ вмѣсто *ы*, т. е. откуда небный элементъ въ *ы*? Случаи замѣны *ы* посредствомъ *i* въ памятникахъ русской редакціи, указанные нами, Колосовъ объясняетъ діалектическими наслоеніями. Допустимъ, что это черта не русская,—но откуда же небность въ *ы*, хотя бы и не русскомъ? И какимъ образомъ славянскія нарѣчія, утратившія *ы*, взяли для замѣны его звукъ изъ другой категоріи, т. е. именно звукъ *i*, если вѣрить Колосову, что въ нихъ категоріи гласныхъ звуковъ не смѣшиваются между собою? Колосовъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ сбивчиво. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „*i* нарѣчій, утерявшихъ *ы*, или непосредственно явилось изъ *ы*, равнаго великорусско-польскому *ы*, или чрезъ ту ступень, которую представляетъ среднее *и* на мѣстѣ *ы* въ малорусскомъ“ [3]),—а въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ, что между основнымъ *ы*—(произношеніе котораго намъ невѣдомо) и современной его замѣной *i* посредствующимъ звукомъ было то *ы*, которое удержалось въ русскомъ и польскомъ нарѣчіяхъ по настоящее время“ [4]). Но если *i* изъ *ы* явилось непосредственно, то въ *ы* заключался небный элементъ, выступившій въ *i*. Если же между *ы* и *i* былъ посредствующій звукъ, то какой именно—великорусско-польское *ы* или малорусское среднее *и*? Одинъ разъ древнѣйшее произношеніе *ы* Колосову вѣдомо, въ другой разъ—невѣдомо. И если невѣдомо, то можно ли говорить о посредствующей ступени между величинами, изъ которыхъ одна совершенно неизвѣстна? Можно ли съ увѣренностію утверждать послѣ этого, что „въ эпоху появленія первыхъ письменныхъ славянскихъ памятниковъ *ы* произносилось такъ, какъ произносится теперь въ русскомъ и польскомъ?“ [1]) Нужно согласиться, что и это есть не болѣе, какъ гипотеза, можетъ быть, болѣе вѣроятная, чѣмъ наша гипотеза о древнерусскомъ произношеніи *ы*, какъ *и*. Нужно и то еще сказать, что въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ есть слѣды дифтонга въ произношеніи *и* [2]), и поэтому догадка г. Потебни объ образованіи нѣкоторыхъ современныхъ звуковъ изъ дифонга *ы* не лишена серіознаго значенія [3]). Въ виду всего сказаннаго можно вполнѣ согласиться съ г. Колосовымъ только въ томъ, что *ы* дѣйствительно одинъ изъ загадочныхъ звуковъ въ русскихъ нарѣчіяхъ. Что касается нашихъ соображеній о звукѣ *ы*, то для насъ они имѣютъ нѣкоторое значеніе лишь на столько, на сколько согласуются съ письменными памятниками. Остается несомнѣннымъ, что въ древнѣйшихъ памятникахъ русской редакціи нерѣдко встрѣчается замѣна основнаго *ы* буквой *и*, а въ южнорусскихъ памятникахъ XV—XVI в.—обратная замѣна основнаго *и* и даже *і* изъ *ъ* буквой *ы*. Это именно тотъ моментъ смѣшенія *и* съ *ы*, который выразился въ преобладаніи этого послѣдняго звука надъ первымъ, и на которомъ стоятъ современные галицкіе, подольскіе и волынскіе говоры малорусскаго нарѣчія. Онъ отразился довольно рѣзко и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: **ско́имы, надъ ни́мъ, о кѣ́ры** (Уч. ев.), *Володимеровы* (дат. ед. Пал. З. К. 1107), **приспосокла́лы** (Тр. п. 10), **запра́кнлы** (ib. 131), **прычы́нѣ, дѣ́шы, ѵ́тыскѣ, быпажа́лы** (Лям. Острожск.), въ *листы*

[1]) Загадочные звуки русскаго яз., 2.
[2]) Ibidem, 19.
[3]) Ibidem, 19.
[4]) Ibidem, 15.

[1]) Загадочные звуки русскаго яз., 19.
[2]) Отчетъ о занятіяхъ славянс. нарѣчіями, Кочубинскаго, I, 45; II, 47. Grammatyka jezyka małoruskiego, Wagilewicza, 1845 г., предисловіе, стр. XVIII.
[3]) Отчетъ о 20 присужденіи наградъ гр. Уварова, 805—807.

вмѣсто въ *листъ* (Діар. А. Ф. 63), *коло ныхъ* (Льв. II.), *пожи-выты* (Хм. л.), **тыр҃инѣ** (Г. К. 5), **нич҃истоты** (род. ед. Рад. Ог. 929), **кр҃овы** (ib. 1079), **къ к҃ѣры** вмѣсто *въ вырь* (ib. 115). Можно думать, что въ это время уже существовало и позднѣйшее украинское среднее *и*. Мы видимъ его тамъ, гдѣ встрѣчаемъ постановку *и* вмѣсто *ы*, которая къ концу XVII вѣка постепенно усиливается: **т҃исячи** (Уч. ев.), *владиками* (Пал. З. К. 1045), *пастирству* (ib. 1046), *подстаростимъ* (Хм. л.), **ск҃рикши** (К. Х.), **р҃ики** (Рад. Ог. 433), и т. п.

Коренные согласные въ старинномъ малорусскомъ правописаніи.

Основная черта малорусскихъ согласныхъ—преобладаніе звучныхъ надъ отзвучными и твердыхъ надъ мягкими указана нами выше. Съ этой стороны малорусскіе согласные сравнительно съ церковнославянскими и великорусскими представляютъ различіе въ отношеніи количественномъ, а не качественномъ, поэтому мы и не могли причислить ихъ къ звуковымъ особенностямъ собственно малорусскимъ, т. е. безусловно чуждымъ тому или другому говору великорусскаго нарѣчія. Такъ, напримѣръ, въ бѣлорусскомъ нарѣчіи губные и гортанные произносятся твердо въ такихъ же случаяхъ, какъ и въ малорусскомъ [1]); звучные согласные устойчивѣе въ бѣлорусскомъ, чѣмъ въ сѣверно-великорусскомъ и южно-великорусскомъ [2]). Что касается до малорусской книжной рѣчи XVII в., то въ ней замѣтно стремленіе держаться словопроизводства, поэтому мы видимъ коренные согласные тамъ, гдѣ въ народномъ произношеніи имѣли мѣсто иные звуки, образовавшіеся путемъ ассимиляціи: *гадка*, а не *гатка*, *молодший* а не *молотший*, *отче*, а не *очче*, *коротший*, а не *корочший*, *лучший*, а не *лучший*, *дочць*, а не *доцць*, *книжць*, а не *книзць*, *хвалишся*, а не *хвалисся*, *хвалится*, а не *хвалиця*, и т. п. Расположеніе къ сохраненію на письмѣ коренныхъ согласныхъ поддерживалось отчасти навыкомъ къ грамматическому сравненію словъ малорусскихъ съ церковнославянскими,

[1]) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 67, 70.
[2]) Ibidem, 65, 66, 68, 73, 84.

отчасти твердой позиціей въ малорусскомъ консонантизмѣ звучныхъ согласныхъ, не подчиняющихся ассимиляціи съ отзучными, на что было указано выше. Впрочемъ, народный выговоръ часто оказывался сильнѣе всякихъ этимологическихъ соображеній. Особенно охотно слѣдовали ему малорусскіе писатели, когда онъ совпадалъ съ коренными звуками въ словѣ, поэтому нерѣдко можно встрѣтить у нихъ такія формы, какъ **к҃ѣгчи**, а не *бѣжчи* (Рад. Ог. 1112), **облягти**, а не *облехти* (Г. К. 73)—формы, какъ извѣстно, позднѣйшія, возникшія путемъ народной этимологіи изъ стремленія къ этимологической ясности слова. Еще сильнѣе сказалось вліяніе народной фонетики въ тѣхъ случаяхъ, когда отзвучные согласные встрѣчались съ звучными: здѣсь ассимиляція отъ согласныхъ звучныхъ часто брала верхъ надъ коренными согласными: такихъ примѣровъ, какъ *дожчъ* (Г. М. 147), *збырания*, *збуты* (Сл. о безд.), можно было бы привести чрезвычайное множество.

Звуковыя особенности въ склоненіи именъ существительныхъ.

Въ склоненіи именъ существительныхъ малорусское нарѣчіе сохранило, какъ мы видѣли, много старинныхъ окончаній, сходныхъ съ церковнославянскими. Есть въ галицкомъ говорѣ немногія оригинальныя формы, возникшія на древнерусской почвѣ: такова, напримѣръ, форма творит. падежа темы *a, ja* въ именахъ существит. женс. р: *рибоу(в)*, *землеу(в)*, отсюда и въ именахъ существительныхъ темы *i*: *костеу(в)*. Объясняютъ эти формы потерей *j* между *o* и *y* [1]), но мы болѣе склонны думать, что онѣ образовались по аналогіи отъ именъ существительныхъ мужес. р: *домовь*, *доловь* (*домови*, *долови*), при чемъ произошло смѣшеніе падежей дательнаго съ творительнымъ. Форма *домовь* встрѣчается уже въ XII в. въ одной смоленской грамотѣ [2]), *доловь*—въ южно-русскихъ грамотахъ XIV в. [3]). Не менѣе оригинальна форма того же падежа въ нѣкоторыхъ галицкихъ разно-

[1]) Замѣтки о малорус. нарѣчіи, Потебни, 55. Studien Ogonowski, 124.
[2]) Изв. Ак. т. X, вып. 6, 602.
[3]) Приложенія къ Очерку звуковой исторіи малорус. нарѣчія.

рѣчіяхъ: *рибом, землем*. По нашему мнѣнію, здѣсь простой обмѣнъ однородныхъ согласныхъ *в* и *м* [1]). Тѣхъ и другихъ формъ мы не встрѣчаемъ въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, конечно, оттого, что онѣ и въ то время не были въ общемъ употребленіи.

Зато писатели малорусскіе не чуждались тѣхъ народныхъ особенностей во флексіяхъ именъ существительныхъ, которыя обусловлены малорусской фонетикой.

Такъ, мы уже приводили не мало примѣровъ переходнаго смягченія гортанныхъ въ шипящіе предъ *е* (звят. падеж.), въ свистящіе предъ *і* (дат. падеж. женс. р. и предложный всѣхъ трехъ родовъ).

Есть флексіи, сложившіяся подъ непосредственнымъ вліяніемъ смягченно-удвоенныхъ согласныхъ, и притомъ съ превращеніемъ *е* въ *я*, свойственнымъ украинскому говору: дубя́ (имен. ед: Лекс. Бер. 200), пѣ́рм = слав. *пѣ́рїе* (ib. 102), пѣ́рмм҃ъ (твор. ед. ib.), камѣ́нмм҃ъ (твор. ед.), есть и камѣ́нямъ (Г. К. 63), на́чинмм҃ъ (Рад. Ог. 641). И въ наращаемомъ *дитя* звукъ *я* по аналогіи съ предыдущими именами въ творит. един. сохраняется: „вѣ́дѣчи дитя́мъ малі́мъ“ (Г. М. 362).

Такъ же точно оставили свой слѣдъ на формахъ имени существит. и своеобразныя особенности малорусскаго вокализма. Стяженные гласные встрѣчаются иногда въ родит. пад. множ. ч. въ именахъ существит. мужес. р., но замѣчательно, что это все то же старинное *у*, болѣе близкое къ дифтонгамъ, чѣмъ *і*, которое, какъ мы видѣли, тоже употреблялось, только не въ родит. множ. Впрочемъ, окончаніе *овъ* считалось болѣе умѣстнымъ въ книжной рѣчи. Рядомъ съ этимъ окончаніемъ встрѣчаемъ иногда послѣ гласныхъ и мягкихъ согласныхъ *йовъ*, послѣ шипящихъ *овъ*: напо́їовъ (Г. Каз. 105), когачо́въ (Рад. Ог. 90), *дожчовъ* (Меж. л. 99),—а звукъ *йо* представляетъ, какъ извѣстно, одну изъ переходныхъ стадій въ развитіи малорусскаго *і* изъ *е*. Въ мягкомъ склоненіи именъ существит. сред. р. есть еще формы родит. п. множ. ч. особаго образованія:

[1]) Отчетъ о присужденіи наградъ гр. Уварова, 781—782.

рѣ́шіи҃ь (Рад. Ог. 768), прилѣ́довань҃ (ib. 1073), писпа́й (ib. 853). По видимому, формы эти образовались по аналогіи съ церковнославянскими *поль, морь*, но такъ какъ онѣ не встрѣчаются въ народной рѣчи, то самое образованіе ихъ нужно отнести къ разряду грамматическихъ насилій надъ языкомъ, возникшихъ въ средѣ литературной, а не народной. Въ современной галицкой литературѣ формы эти пользуются широкимъ употребленіемъ.

Особенно характерно въ малорусскомъ нарѣчіи смѣшеніе мягкаго склоненія съ твердымъ въ именахъ темы *а, ја*—въ дат. падежѣ именъ существ. женс. р. и въ предложномъ всѣхъ трехъ родовъ. Признаемъ совершенно справедливымъ замѣчаніе г. Потебни, что это явленіе нужно объяснять не притяженіемъ аналогіи, которая шла отъ мягкихъ окончаній, какъ объясняли мы, а простой фонетической замѣной *ѣ* посредствомъ *і* [1]). Той же фонетической замѣной *ѣ* посредствомъ *е* нужно объяснять смѣшеніе твердаго склоненія съ мягкимъ и въ великорусскомъ нарѣчіи. Съ этой точки зрѣнія—въ обоихъ русскихъ нарѣчіяхъ твердыя окончанія вытѣснены мягкими съ тою разницею, что въ малорусскомъ выразителемъ мягкости явилось іотное *і*, въ великорусскомъ—іотное *е*, при чемъ для обозначенія *і* въ малорусской письменности употреблялась та самая буква *ѣ*, которая на сѣверѣ означала звукъ *е*: матцѣ (Г. К. 162), прилѣ́зѣ (Г. М. 350), на мѣсцѣ (ib.), къ небѣ (ib.) и т. д. Иногда вмѣсто *ѣ* является *и*, а въ слѣдствіе смѣшенія *и* съ *ы*—эта послѣдняя буква: *въ повѣти* (Діар. А. Ф. 52), *въ Кіеви* (ib. 15), *на дорози* (ib. 91) и тамъ же: *въ дорозѣ* (58), по тѣлы (Г. Каз. 118), *въ мѣсти* (Х. л.), *въ вѣры* (Пал. З. К. 1006), *въ листы* (Діар. А. Ф. 63). Это *и* въ соотвѣтствующихъ формахъ есть явленіе ана-

[1]) Отчетъ о 20 присужденіи наградъ гр. Уварова, 781—782. Встрѣчается эта замѣна и въ сѣверномъ великорусскомъ говорѣ, но „она не часта, говоритъ Колосовъ, даже и въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ смѣняется на *и* почти каждое *ѣ*, принадлежащее корню слова“ (см. Обзоръ... 26),—поэтому *і* вмѣсто *ѣ* въ разсматриваемыхъ формахъ, какъ спорадическое явленіе въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ, не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для отчисленія самихъ формъ къ разряду общерусскихъ.

логическое съ *е* вмѣсто *ѣ* въ старинной великорусской книжной рѣчи, напр: *жене* (дат. ед.), *на леднике* (Домост. Сильвест.) и проч. [1]). Въ мягкомъ склоненіи, какъ мы видѣли, удерживалось старинное *и*, но иногда и сюда вторгалось широко распространенное *ѣ*, проникая даже въ имена темы *і*: ѥтерпи́нѣ (Сбор. ц. ар. м.), ѥмы́слѣ (Рад. Ог. 428), есть и ѥмы́сли (ib.), ѥночѣ (ib.).

Звуковыя и морфологическія особенности въ спряженіи глаголовъ.

Въ спряженіи глаголовъ малорусское нарѣчіе представляетъ своеобразныя особенности не только звуковыя, но и морфологическія. Какъ тѣ, такъ и другія отразились въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

1-е л. множ. ч. во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія удерживаетъ старинное окончаніе *мо*. Появилось оно еще въ XIII в. (*изгонимо* Галиц. еван. XIII в.) [2]) и затѣмъ не исчезало изъ малорусской письменности во всѣ вѣка ея существованія. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. оно составляетъ самое обычное явленіе, рѣшительно преобладающее надъ окончаніемъ *мъ* [3]).

Въ прошед. времени изъявит. наклоненія, которое выражается, какъ извѣстно, причастіемъ на *лъ*, коренные гласные звуки *о* и *е* въ закрытыхъ слогахъ обыкновенно удерживаются въ малорусскомъ правописаніи XVII в: *могъ* и *могълъ* (Льв. П.), *знеслъ* (ib.), но нерѣдко также, согласно съ народнымъ произношеніемъ, вмѣсто *е* является *ѣ* (*і*): привѣлъ (Г. Каз. 106), *стерълъ* (Льв. П.).

Сложныя формы прошед. времени по своему составу напоминаютъ соотвѣтствующія церковнославянскія формы, поэтому

[1]) Историческая христоматія Буслаева, 838.

[2]) Къ исторіи древнерусскихъ говоровъ, Шимановскаго, 77.

[3]) Окончаніе *мо* встрѣчается и въ бѣлорусскомъ нарѣчіи (Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 143, 147, 150, 153),—но мы не имѣемъ достаточныхъ основаній считать эту форму коренною бѣлорусскою, потому что примѣры взяты изъ западныхъ бѣлорусскихъ говоровъ, сосѣднихъ съ сѣверными малорусскими. Въ примѣрахъ, приведенныхъ у Карскаго изъ сборниковъ Безсонова и Носовича (147, 153), вовсе не обозначены мѣстности. Самъ Карскій относится съ недовѣріемъ къ этимъ сборникамъ (стр. 8).

онѣ указаны нами выше въ обзорѣ малорусскихъ формъ, сходныхъ съ церковнославянскими. Что касается до ихъ фонетической окраски, то онѣ представляютъ такія особенности, которыхъ нѣтъ въ церковнославянскихъ формахъ: начальный звукъ корня *ѥс* послѣ согласныхъ удерживается, послѣ гласныхъ выпадаетъ; согласный *с* во всѣхъ лицахъ (1 и 2 един. и множ.) постоянно звучитъ мягко, при чемъ самый глаголъ вспомогательный большею частію ставится послѣ причастія на *лъ*, непосредственно съ нимъ сливаясь [1]). Какъ въ этомъ послѣднемъ видѣ, такъ и въ отдѣльности отъ причастія, сложныя формы прошед. времени составляютъ постоянную принадлежность книжной малорусской рѣчи XVII в. [2]).

Одна изъ сложныхъ формъ будущаго времени, распространенная во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія, своеобразно развита въ немъ и не повторяется ни въ одномъ изъ славянскихъ нарѣчій. Образуется она слѣдующимъ образомъ: къ неопред. наклоненію присоединяется глагольный корень *им* (отъ ѥ-мати) съ личными окончаніями наст. времени, при чемъ два гласные звука *и* (конечный гласный суффикса *ти* и начальный корня *им*) стягиваются въ одинъ звукъ: *ходити(и)му*, *ходити(и)меш*, *ходити(и)ме*, *ходити(и)мемо*, *ходити(и)мете*, *ходити(и)мутъ* [3]). Въ горныхъ разнорѣчіяхъ галицкаго говора и въ нѣкоторыхъ

[1]) См. выше, стр. 48—49.

[2]) Въ галицкихъ грамматикахъ проводятъ обыкновенно сложныя формы прошед. времени по всѣмъ наклоненіямъ, при чемъ накопляются вспомогат. глаголы въ такомъ количествѣ, что самыя формы становятся положительно неудобными въ живой рѣчи. Таковы, напримѣръ, формы страдат. залога: *бувъ бимъ похваленый бувъ, зістав бимъ бувъ похваленим* и т. д. (Грамматика руского языка, Осадцы, 181). Мы считаемъ эти формы логической фикціей, потому что онѣ не подтверждены примѣрами народной рѣчи.

[3]) Г. Карскій приписываетъ эту форму и бѣлорусскому нарѣчію (Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, 155), но не указываетъ мѣстностей, въ которыхъ она существуетъ. Такъ, онъ отнесъ говоръ пиичуковъ, въ которомъ встрѣчается эта форма, къ бѣлорусскому нарѣчію, между тѣмъ это одинъ изъ сѣверныхъ малорусскихъ говоровъ. Поэтому мы считаемъ сложное будущее съ корнемъ *им* въ слитной формѣ особенностью малорусскаго нарѣчія. Если же она и живетъ гдѣ нибудь въ подлинномъ бѣлорусскомъ говорѣ, то, полагать надобно, она проникла туда изъ сѣверо-западныхъ малорусскихъ говоровъ.

разнорѣчіяхъ сѣверно-малорусскаго говора глагольный корень *им* часто ставится впереди неопред. наклоненія, не сливаясь съ нимъ окончательно [1]). Этотъ болѣе архаическій видъ сложнаго будущаго составляетъ обычное явленіе въ памятникахъ XIV—XV в., какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ. Что касается до слитной формы, то, сколько намъ извѣстно, въ первый разъ она появилась въ южнорусскихъ письменныхъ памятникахъ только въ XVI в. [2]). Затѣмъ она встрѣчается уже довольно часто въ книжной малорусской рѣчи XVII в: дѣспѹтова́тимі (Лекс. Бер. 159), спира́тимѣтєм (ib.), мокитимєтъ (Г. К. 140), ви́дѣтимѹтъ (ib. 139), ба́читимѹтъ (ib. 140), лежа́тимемъ, лежа́тимете (Рад. Ог. 281), мѣ́тимѹтъ, ма́тимѹтъ (ib. 329).

Въ образованіи сложнаго прошед. времени условнаго наклоненія галицкій говоръ отличается отъ украинскаго присоединеніемъ къ корню *би* (*бы*) корня *чес*, отсюда получаются формы: *би-м*, *би-сь*, *би-сь-мо*, *би-сь-те*. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. галицкія формы не менѣе часты, какъ и украинскія.

Потеря суффикса *и* въ повелит. наклоненіи, при отсутствіи ударенія, перешла въ малорусскомъ нарѣчіи не только во 2 л. множ., о чемъ была рѣчь выше, но и въ 1 л. множ: *глянькмо*, *станьмо*. Эта форма болѣе употребительна, чѣмъ описательная: *глянем*, *глянемо*, *станем*, *станемо*, въ которой 1 лице множ. повелит. накл., какъ и въ великорусскомъ нарѣчіи, замѣняется 1 лицемъ множ. изъявит. наклоненія. Подъ удареніемъ суф. *и* въ малорусскомъ нарѣчіи сохраняется въ 1 и 2 л. множ., какъ въ тѣхъ глаголахъ, которые имѣютъ *и* въ церковнославянскомъ нарѣчіи: *хвалим*, *хвалите*, малорус. *хвалім*, *хваліте*,—такъ и въ тѣхъ глаголахъ, въ которыхъ стоитъ *ѣ*, а не *и* въ церковнославянскомъ нарѣчіи: *несѣмъ*, *несѣте*, малорус. *несім*, *несіте* [1]). Полагать надобно, что это *и* съ давняго времени въ малорусскомъ нарѣчіи смѣшалось съ *і* изъ *ѣ*. Уже въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ во множ. ч. повелит. наклоненія вмѣсто ожидаемаго *и* мы встрѣчаемъ иногда *ѣ*: *осяжѣте*, *ищѣте*, *свяжѣте* [2]). Тѣ же формы и въ галицкомъ евангеліи XIII в. [3]), а въ памятникахъ XIV в. *ѣ*, а не *и* даже въ глаголахъ IV класса: *отвалѣте* (Полик. еван.), *храньѣтеся*, *творѣте* (Луцк. еван.) [4]). Окончаніе 1 л. множ. ч. *мо* безусловно сохраняется, когда суф. повелит. накл. *і* превращается въ іоту или замѣняется смягченіемъ согласнаго: *даймо*, *станьмо*; но когда суф. *і* удерживается, то окончаніе *мо* иногда сокращается въ *м*: *ходім*, *несім*. Окончаніе 2 л. множ. ч. *те* охотнѣе сокращается въ *ть*, въ особенности послѣ *і*: *берѣть*, *несѣть* (въ галицкомъ говорѣ: *берѣт*, *несѣт*), но всегда сохраняется при тѣхъ же условіяхъ, какъ въ окончаніи *мо*: *дайте*, *станьте*. Слѣды сокращенія *те* въ *ть* можно уже видѣть въ XII в: *въпросить*, *пьяться* (Добр. еван.) [5]). Всѣ эти формы повелит. наклоненія въ большомъ изобиліи встрѣчаются въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, при чемъ суф. *і*, по преданію отъ древнѣйшихъ временъ, почти всегда

[1]) „Прийди, прийди, красный хлопче, щось ти *йму казати*“ (Гол. III, 160); „ступай, ступай, Бондарочко, ти *меш мати* муку“ (ib. I, 66); „котрій иде у старости, *ме* горівку *пити*, лише най ся добре варуе, ледви не *мут бити*“ (ib., III, 215); „идіть собі, люде, съ хати, бо ми *мемо спати*“ (ib. I, 50); „ой чи *мете*, выбранчики, від насъ *утікати*?“ (ib. I, 142). Въ этомъ видѣ, т. е. въ отдѣльности отъ неопред. наклоненія, и притомъ съ сохраненіемъ въ корнѣ *им* начальнаго *и*, форма эта существуетъ въ немногихъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ (Обзоръ, Колосова, 243).

[2]) „Не только тыхъ, але других людей *иматиму*, *битиму* и вѣшати ихъ буду“ (1561 г. Луцк. кн. л. 159, об.); „то держу и вживаю, и *держатиму*“ (1566 г. Луц. кн. л. 98, об.); „нехай мене у короля позываетъ, а ему *уметиму* отказать“ (1567 г. Луцк. кн. л. 19). Примѣры выписаны изъ рукописей кіевскаго центральнаго архива и сообщены намъ О. И. Левицкимъ.

[1]) Уже въ церковнославянскомъ нарѣчіи суф. *и* во 2 л. един. ч. повелит. наклоненія представляетъ, по мнѣнію Миклошича, сокращенную форму, замѣняя *ѣ* (соединительная гласная *е*+и=*ѣ*), которое подъ защитой личныхъ окончаній сохранилось въ 1 и 2 л. множ. ч. Миклошичъ объясняетъ это явленіе необходимостью болѣе быстраго произношенія, соотвѣтствующаго самому характеру повелѣнія: *ид-и* вм. *идѣ*=*ид-е-и* (Vergleich. Formenlehre, 98),—Шлейхеръ – конечнымъ мѣстомъ дифтонга въ словѣ (Die Formenlehre der Kirch. Slav. Spr. 89). Одно объясненіе не исключаетъ другаго, хотя ни то, ни другое неубѣдительно.

[2]) Очерки изъ исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 7.

[3]) Ibidem, 20.

[4]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 177.

[5]) Очерки... его же, 74.

обозначается посредствомъ буквы *ъ*: плáчмо (Г. К. 191), вважмо (Рад. Ог. 12), выгóбмо (ib. 822), захованмо (Г. К. 84), не лѣнúвмося (Г. Каз. 121), шанбмо (Рад. Ог. 399), напúшемъ (Г. Каз. 212), йдемъ (ib. 6), пойдемъ (Рад. Ог. 177), прúймемо (Г. Каз. 40), молемося (ib. 44), гладемо (ib. 269), пришлетѣ (К. Х.), *чиньте* (Льв. П.), згубетѣ (Рад. Ог. 861), любетъ (Лекс. Бер. 74), носетъ (ib. 98), *прiймуть* (Льв. П.), присмотрѣтъся (Рад. Ог. 642).

V.

Сводъ наблюденій надъ грамматическими свойствами книжной малорусской рѣчи XVII в. Стилистическія особенности ея: проза историческая и ораторская.

Намъ не оставили малорусскіе писатели XVII в. ни одной замѣтки, изъ которой мы могли бы познакомиться съ техническими способами слововыраженія, которые они употребляли въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли писать по малорусски. Каждый изъ нихъ участвовалъ въ созданіи литературной малорусской рѣчи по мѣрѣ своего умѣнья и таланта, независимо отъ той или другой готовой теоріи. Конечно, болѣе или менѣе они знакомы были съ грамматической теоріей Мелетія Смотрицкаго, но она служила для нихъ только исходной точкой, отъ которой далеко отступали они подъ вліяніемъ живыхъ потребностей мысли, давая предпочтеніе въ большинствѣ случаевъ звукамъ и формамъ общерусскимъ и малорусскимъ предъ церковнославянскими. Группируя разнообразные элементы рѣчи, они вырабатывали такимъ образомъ отчасти грамматическія, отчасти стилистическія требованія, которыя считались обязательными въ литературной практикѣ, хотя и не были возведены въ научную теорію.

Сведемъ всѣ данныя, которыя указываютъ на эти требованія. Для этого остановимся прежде всего на правописаніи, въ которомъ является предъ нами книжная малорусская рѣчь XVII вѣка.

По всему видно, что малорусскіе писатели стремились найти такую норму рѣчи, въ которой книжное начало сохранило бы свою централизующую силу, безъ всякаго однако же

ущерба для народныхъ элементовъ ея, поэтому и въ самомъ правописаніи они старались примирить этимологическое начало съ фонетическимъ.

Въ сферѣ согласныхъ звуковъ малорусскіе писатели избѣгали звуковыхъ комбинацій, появившихся въ народной рѣчи подъ вліяніемъ качественной ассимиляціи согласныхъ (по органамъ произношенія). То же начало они старались выдержать и въ сферѣ количественной ассимиляціи (по способу произношенія). Они сохраняли звучные согласные, какъ въ срединѣ, такъ и въ концѣ словъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи послѣ нихъ слѣдовали глухіе гласные, и такимъ образомъ незамѣтно для самихъ себя переходили на почву народной фонетики, которая отклоняла ихъ отъ этимологическаго пути въ тѣхъ случаяхъ, когда отзвучные согласные предъ звучными сами переходили въ звучные. Та же двойственность въ принципѣ и то же господство народнаго, фонетическаго начала въ результатѣ замѣчается и въ отношеніи къ смягченію согласныхъ. Такъ, мы видимъ въ малорусскомъ правописаніи XVII в. твердые свистящіе вопреки народному произношенію, но рядомъ съ этимъ и твердые шипящіе, которые составляли принадлежность большинства малорусскихъ говоровъ,—видимъ также народное смягченіе гортанныхъ, совпадавшее съ церковнославянскимъ преданіемъ, и не совпадавшее съ нимъ народное смягченіе зубныхъ, наконецъ, смягченно—удвоенные согласные. Звукъ *л* предъ согласными и въ концѣ словъ большею частію выдерживается, не превращаясь въ *в*, зато этотъ послѣдній согласный нерѣдко смѣшивается съ *у* даже у такихъ писателей, которые обладали достаточными грамматическими познаніями.

Въ сферѣ гласныхъ звуковъ мы видѣли тѣ же два параллельныя теченія—этимологическое и фонетическое, съ преобладаніемъ послѣдняго. Такъ, въ закрытыхъ слогахъ принято было за правило возстановлять коренные гласные *о* и *е*, народное *і* вмѣсто *о* и *е* попадается очень рѣдко, но *у* и *ю*, какъ звуки, въ которыхъ основные *о* и *е* становятся болѣе различимыми, чѣмъ въ *і*, встрѣчаются нерѣдко. Можно полагать, что *і* вмѣсто *о* и *е* въ XVII в. не было еще такъ распространено, какъ въ

настоящее время, ибо малорусскіе писатели съ нѣкоторымъ выборомъ относились къ особенностямъ родной рѣчи, избѣгая такихъ звуковъ, которые не были во всеобщемъ употребленіи. Такъ, напримѣръ, они не вводили въ правописаніе перегласованія *а* въ *е*, особенно со второй половины XVII вѣка, избѣгали *у* въ глаголахъ на *ова*, потому что это были спорадическія явленія въ самомъ малорусскомъ нарѣчіи. Зато широкое мѣсто они дали въ правописаніи тѣмъ гласнымъ звукамъ, которые составляютъ органическую принадлежность всѣхъ малорусскихъ говоровъ. Сюда относятся: 1) давнія черты общерусскаго вокализма, напримѣръ, обычное выраженіе юсовъ посредствомъ *у*, *ю*, *я*, замѣна глухихъ гласныхъ чистыми и полногласіе; 2) спеціальныя черты малорусскаго вокализма, которыя проходятъ чрезъ всѣ говоры малорусскаго нарѣчія. Таково, напримѣръ, смѣшеніе *ы* съ *и*, при чемъ замѣтить можно, что къ концу XVII в. все чаще и чаще пишется *и* вмѣсто *ы*—знакъ, что среднее малорусское *и* достаточно созрѣло уже въ устахъ народа. Таково же употребленіе буквы *ъ* для выраженія звука *і* не только тамъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи было *ъ*, что составляетъ, какъ мы видѣли, особенность и нѣкоторыхъ великорусскихъ говоровъ, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда *і* образовалось не изъ *ъ*.

Эта послѣдняя черта, своеобразная въ старинномъ малорусскомъ правописаніи, наложила рѣзкую печать народной фонетики на формы имени и глагола, отмѣченныя въ XVII вѣкѣ. Мы видѣли, что буква *ъ* писалась иногда 1) даже въ мягкомъ склоненіи именъ существительныхъ, въ дат. пад. един. ч. женс. р. и въ предложномъ всѣхъ трехъ родовъ (вопреки церковнославянскому преданію); 2) въ мягкомъ склоненіи именъ существительныхъ женс. р., въ родит. един., именит. и винит. множес. ч., и мужеск. р. въ именит. и винит. множес. (тоже вопреки церковнославянскому преданію, но согласно съ древнерусскимъ преданіемъ); 3) въ 1 и 2 л. повелит. накл. (отчасти согласно, отчасти не согласно съ церковнославянскимъ преданіемъ). Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ буква *ъ* произносилась, какъ *і*, смягчая предшествующій согласный звукъ. Независимо отъ всѣхъ этихъ формъ, связанныхъ съ произношеніемъ буквы *ъ* и

употребленіемъ ея въ книжной малорусской рѣчи XVII в., мы видѣли въ ней самыя типическія формы малорусскаго глагола,— напр. 1 л. множ. ч. съ окончаніемъ *мо* и будущее время изъ неопред. наклоненія, слившагося съ глагольнымъ корнемъ *им*. Но съ особенною охотою пользовались малорусскіе писатели тѣми народными формами имени и глагола, которыя представляли большее или меньшее сходство съ церковнославянскими: въ нихъ они видѣли прочную опору для сліянія народной рѣчи съ книжными преданіями. Мы разумѣемъ слѣдующія формы: 1) звательный падежъ въ именахъ муж. и женс. р.; 2) дательн. един. ч. въ именахъ муж. р. на *ови* и *еви*; 3) именит. множ. ч. въ тѣхъ же именахъ на *ове* и *еве*; 4) неопр. накл. съ окончаніемъ *ти;* 5) передвижное *ся* при глаголахъ; 6) сложное прошед. изъ спрягаемаго причастія на *лъ* и глагольнаго корня *ѥс*; 7) условное прошед. изъ того же причастія и аориста *бих*. Впрочемъ, послѣднія двѣ формы напоминаютъ церковнославянскія только составомъ своимъ, а не способомъ сложенія.

Таковъ былъ грамматическій матеріалъ, изъ котораго выстроена была книжная малорусская рѣчь XVII в. Въ разныхъ пропорціяхъ и соотношеніяхъ онъ выступаетъ предъ нами въ разныхъ произведеніяхъ малорусскихъ писателей, но въ общемъ преобладаютъ народныя стихіи рѣчи надъ книжными, церковнославянскими. Эти послѣднія являются уже въ славянорусской редакціи, въ которую вплетаются черты мѣстныхъ нарѣчій. Въ первой половинѣ XVII в. замѣтны еще вліянія бѣлорусскія, которыя легко узнать можно по двумъ фонетическимъ признакамъ, если только встрѣчаются они въ одномъ и томъ же памятникѣ: это именно—*е* вмѣсто *ѣ* и перегласованіе *а* въ *е*, которое болѣе свойственно бѣлорусскому, чѣмъ малорусскому нарѣчію. Самымъ типическимъ памятникомъ этого рода можно считать знаменитый „Апокризисъ“ Христофора Филалета, напечатанный въ 1597 г. въ Вильнѣ. Здѣсь мы находимъ: на тѣмъ зѣздѣ, на сиѣздѣ и на сиѣздѣ, оу роздѣлѣ и к' роздѣлѣ, о наукѣ и кѣрѣ, ескерѣнн, хотечи и т. п. Тѣ же особенности бѣлорусской рѣчи встрѣчаются въ Учительномъ евангеліи 1604 г., въ Казаньяхъ Леонтія Карповича 1615 г., въ Кіевской лѣтописи

1621 г., въ Панегирикѣ Петру Могилѣ 1632 г., въ Ляментѣ острожскомъ 1636 г. и въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ. Но по мѣрѣ того, какъ центромъ просвѣщенія становился Кіевъ, особенности народнаго малорусскаго нарѣчія, и прежде сообщавшія главную окраску книжной малорусской рѣчи, выступаютъ съ большею рѣшительностію и опредѣленностію: какъ съ фонетической, такъ и съ морфологической стороны, въ теченіе всего XVII вѣка преобладаютъ особенности сѣверныхъ и западныхъ малорусскихъ говоровъ. Со второй половины XVII в. народныя вліянія становятся замѣтными даже въ произведеніяхъ, напечатанныхъ славянорусскою рѣчью, напр: хранѣмъ (Мечъ Б. 194), пришлѣте (Син. 27), пѣзры (ib. 65), кѣри (ib.), гвозды (Мечъ Б. 393), лжы (ib. 423) и т. п.

Что касается до церковнославянскихъ звуковъ и формъ, то они далеко не имѣли въ книжной малорусской рѣчи того значенія, какое имѣли въ славянорусской рѣчи. Къ нимъ обращались преимущественно въ текстахъ св. писанія. Такъ, І. Галятовскій, лучшій стилистъ своего времени, пишетъ: на ѡклосѣхъ и въ текстѣ: на ѡклащехъ (Г. М. 105), кѵрѣчимсѧ и на той же страницѣ въ текстѣ: кѵрѣщимсѧ (ib. 162), собѣ и въ текстѣ: себѣ (ib. 368), старшого, кжого и въ текстѣ: члѣческаго (ib. 253). Мы уже упоминали о томъ, что прошедшія простыя встрѣчаются у этого писателя тоже исключительно въ текстахъ св. писанія. Большая также рѣдкость встрѣтить у Галятовскаго и у другихъ современниковъ его, писавшихъ книжною малорусскою рѣчью, причастія наст. вр. дѣйст. зал. съ окончаніемъ *щій* внѣ текстовъ св. писанія: всюду господствуетъ народная форма краткихъ причастій съ окончаніемъ *чи* и образованная отъ нея полная форма съ окончаніемъ *чий*. Впрочемъ, нужно сказать, что употребленіемъ причастій, какъ дѣйствительнаго, такъ и страдательнаго залога, книжная малорусская рѣчь больше всего сближалась съ рѣчью славянорусскою, подчиняясь въ то же время вліянію латинскаго синтаксиса, которое выразилось, напримѣръ, въ постановкѣ глагольнаго сказуемаго на концѣ предложенія и вообще въ симметрическомъ расположеніи предложеній, которое свойственно періодическому теченію рѣчи. Нужно

вспомнить при этомъ, что и въ народныхъ малорусскихъ думахъ глагольное сказуемое постоянно ставится на концѣ предложенія, а періодическое построеніе рѣчи составляетъ обычную принадлежность думъ. Полагать надобно, что оно не противорѣчило интеллектуальному настроенію народа, ибо не противно было народному вкусу, тѣмъ болѣе, что въ книжной малорусской рѣчи оно растворялось разговорнымъ теченіемъ ея и оживлялось сравненіями, поговорками, ироническими замѣчаніями, прямо выхваченными изъ жизни. Такими свойствами обладала не только историческая проза, но и ораторская [1]).

[1]) Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ львовской лѣтописи и изъ „Огородка“ Антонія Радивиловскаго:

„(Потоцкій) досить анѣмушно строфовалъ до Хмелницкаго: „хлопе, мовитъ, чимъ же такъ зацному рыцерству ордъ татарскихъ заплатишъ?“ Которому отповѣлъ Хмелницкій не глупо: „тобою и иншими съ тобою“.

„(Дорошенко) завелъ былъ ляховъ хорошенько, а не (sic) бити, мусѣли бо ся просити“.

„Небожата ляхи, повергши пыху, мусѣли пѣхотою ходити“.

„Ото жъ Унія... лежитъ Русь съ поляками“ (*на полѣ битвы*).

„Нѣмцѣ, якъ мухи погинули“.

„Жидовъ рѣзали, якъ куръ“.

„Не хочу я въ Грицями воевати, нехай идутъ до ролѣ, або свинѣ пасти“ (слова гетмана Жолкевскаго о козакахъ).

„Умеръ панъ Лукашъ Жолкевскій, староста переяславскій, що съ козаками орѣхи грызъ“.

„Скоро я встану съ той хоробы (слова канцлера Замойскаго), я тое поганство знесу, а ежели умру, на вѣки имъ нѣхто нѣчого не вчинитъ“. И такъ розгнѣвавшися, жебы пророчество его сполнилося, умеръ“.

„Не крычи и не гдачъ, такъ кѹрка, знесши яйце крычитъ и и кѹдкѹдачетъ“ (Рад. Ог. 39).

„Єсть давный звычай ѹ посполитыхъ людей, же гды на сей празники з Церквы прийдѹ до домѹ з вербою, звыли бючи нею домовыхъ своихъ ѡживатн приповѣдаютъ: не я тебе бю, верба тебе бє“ (1019).

„Пракда камъ колетъ очи“ (390).

„На тебѣ Бє, что мнѣ негоже“ (637).

„Зажикай свѣта, поки слѹжа лѣта“ (849).

Приведенныя ниже поговорки и пословицы или прямо взяты проповѣдникомъ изъ устъ народныхъ, или слегка передѣланы имъ на книжный ладъ. Пріемъ этотъ съ точки зрѣнія современной проповѣди считается несовмѣстнымъ съ поучительно-религіознымъ содержаніемъ ея, поэтому южнорусская проповѣдь XVII вѣка вызвала въ наше время довольно рѣзкіе упреки въ безцѣльномъ пустословіи, въ излишествѣ риторическихъ украшеній, расчитанныхъ на то, чтобы доставить слушателю пріятное развлеченіе, а не душевную пользу. „Это было искусство для искусства“, говоритъ одинъ изъ современныхъ критиковъ старинной южнорусской проповѣди, „помимо всякаго практическаго приложенія. Слушатели могли безъ скуки присутствовать при замысловатыхъ, иногда веселыхъ, иногда печальныхъ разглагольствованіяхъ проповѣдника, могли посмѣяться, пожалуй поплакать, но практическаго вывода изъ церкви не выносили“ [1]).

„Искра лихомъ и поле выжигаетъ, и сама потомъ гинетъ“ (394).

„Тонучій хватаетъся и меча“ (404).

„Накладаетъ (тяжущійся), поки к калитѣ ставаетъ“ (563).

„Мовятъ посполите люде: такое ождѣжане, такое и пошанованье; такъ тя видѣ, так тя тежъ и пишутъ“ (382).

„ — : Празни бо мѣника не быва“ (382)

„ — : Трафила коса на камѣ“ (408).

„ — : У битомъ тыко покажи кій, аже зараз оутекаетъ“ (473).

„ — : Смѣлшаѣ далеко баба за стѣною, нежели рыцерь к полю“ (537).

„ — : Пальцемъ на него (обѣдневшаго человѣка) тыкати кѹдутъ“ (393).

„ — : А ни на волосокъ заснути неможетъ“ (780).

„ — : гды кто оутѣкъ, якъ десять поби“ (788).

„ — : — Оржіе приноситъ миръ“ (790).

„ — : — : З сильнымъ боротисѧ, смерть на умѣ“ (901).

„ — : Новый ца, новое и право“ (1023).

[1]) Южнорусское проповѣдничество XVI и XVII вв., Ф. Терновскаго, 75.

Дѣйствительно, по сознанію самихъ проповѣдниковъ, „мно́го бы́ло в҃ цр҃кви таки́хъ у҃чи́телей, что не такъ сѧ стара́ютъ о҆ живо́ прикла́ный, а҆ко о҆ слова́ пѣ́нкный и҆ вымо́вѣ ритори́чными фигу́рами о҆здо́бленую“ (Рад. Ог. 596). То было время, когда риторика казалась могущественною силою, ничуть не меньшею, какъ могущество власти: „що на свѣтѣ, сказано въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка, могу́тство або́ ритори́ка, то къ цр҃кви сто́ит чино́ви поко́ра“ (Сб. ц. ар. М.). Могущество это сказалось прежде всего на самихъ проповѣдникахъ, которые, сознавая иногда непригодность риторическаго оружія, тѣмъ не менѣе охотно употребляли его при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Съ помощію этого оружія они добывали матеріалъ для своихъ поученій, извлекая его изъ источниковъ самыхъ разнообразныхъ: изъ апокрифическихъ сказаній, изъ средневѣковыхъ книгъ нетрезваго содержанія „҆ѡ҃ звѣро́хъ, пта́хахъ, га́дахъ, ры́бахъ, де́ре҆вѣ҃, зе́лахъ, ка́мѣнѧхъ, и҆ розма́итыхъ вещє́й, кото́рыи҆ к҃ мо́рю, к҃ рѣка́хъ, к҃ ст҃ы́нѧхъ, и҆ на и҆ны́ѧ мѣ́стца҆ зна́йдуючи“ (Г. Наука, 146),—наконецъ, изъ исторіи рода человѣческаго: „кла́дучисѧ по свѣ́тѣ па́мѧтію мое́ю, говоритъ одинъ изъ нихъ, „по весе́ломъ по́лю и҆сто́рій свѣтовы́х҃, а҆ко межи цвѣтя́ми, межи ѡ҃ка́жными цр҃е́й и҆ гетма́ншкѣ спра́вами“, припомнилъ я... далѣе слѣдуетъ извѣстная исторія о пребываніи Ѳемистокла у Ксеркса, царя персидскаго. Собирая медъ краснорѣчія съ разныхъ цвѣтовъ, они предлагали его слушателямъ своимъ въ видѣ замысловатыхъ діалоговъ, аллегорій, параболъ и всякаго рода сравненій.

Все это такъ.

Но мы должны вспомнить при этомъ, какое назначеніе имѣла южнорусская проповѣдь по понятіямъ самихъ проповѣдниковъ. Апотеоза христіанскихъ добродѣтелей—вотъ въ чемъ заключалась главная цѣль ея, поэтому въ большинствѣ случаевъ южнорусскіе проповѣдники имѣли въ виду нарисовать своимъ слушателямъ свѣтлыя картины христіанской жизни, прославляя подвиги святыхъ, угодившихъ Богу. Они стремились увлечь слушателей въ этотъ идеальный міръ, не похожій на современную имъ дѣйствительность, чтобы найти тамъ, въ этомъ мірѣ,

нравственное успокоеніе отъ тревогъ и невзгодъ жизни и выйти изъ него обновленными и освѣженными, съ вѣрой въ правду и добро. Они старались ободрить своихъ слушателей на пути спасенія, не допуская ихъ до унынія и отчаянія: „стара́йсѧ“, поучаетъ І. Галятовскій проповѣдника, чтобы ты словомъ своимъ „не привѣ́лъ люде́й до ѡ҃чамне́нія, до ро́спачи, бо з҃ ро́спачи... многіи҆ зада́ю самі҆ смерть свѣ́тѣ, зачи́ же бы ты не былъ тогѡ҃ грѣ́ха҆ оу҃ча́стникомъ, не приводи́ нѣ́кого до ѡ҃чамне́нія“ (Г. Наука, 131). Этимъ объясняется многое въ южнорусской проповѣди: и риторическія краски ея, слишкомъ яркія, и *блуканіе* „по весе́ломъ по́лю и҆сто́рій свѣтовы́х҃“, посредствомъ которыхъ хотѣли „пока́зити люде́й до сла́вы“ (Г. Наука, 243), и популярный, отчасти простонародный тонъ ея, объясняемый тѣмъ же побужденіемъ, и наконецъ, самый языкъ ея, близкій къ народному и переполненный, какъ мы видѣли, поговорками и пословицами народными. Они желали сдѣлать рѣчь свою удобопонятною для слушателей: „е҆сли́ вѣ́дѣшь, говоритъ І. Галятовскій, обращаясь къ проповѣднику, сло́во Бж҃ое проповѣ́дати, а҆ нѣкто́ его не зрозумѣ́етъ, себѣ самого вѣ́дѣ҃ проповѣ́дати и҆ выслала́ти, а҆ не сло́во Бж҃іе“ (Г. Наука, 244). Вотъ почему онъ предпочиталъ малорусскую рѣчь всякой иной въ собственныхъ своихъ произведеніяхъ. Онъ не сомнѣвался въ литературной правоспособности малорусскаго нарѣчія и ставилъ его рядомъ съ польскимъ и латинскимъ, заявляя, что книгу свою „Мессі́а пра́ведный“ написалъ „малороссі́йскім, по́лскимъ и латі́нскімъ діале́ктом, бо в҃ мало́й Р҃ссіи и҆ в҃ корол҃е́вствѣ по́лскомъ и҆ в҃ па́нствѣ҃ латі́нскихъ жидо́въ... и҆з҃ х҃а҃ пра́вдивого Ме́сіи и҆ зо всего́ наро́дѹ хр҃тіа́нскѡ нарѹга́лисѧ“ (Г. М. Предисловіе). Не нужно упускать изъ виду, что это говоритъ ректоръ кіево-могилянской коллегіи, первый составитель науки „о҆ зложе́нію каза́нія“, талантливый представитель малорусскаго литературнаго слова въ школѣ и въ жизни. Безъ сомнѣнія, понятія Галятовскаго раздѣляли въ его время многочисленные читатели и ученики его.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Галятовскій посвятилъ свое сочиненіе „Мессія Праведный“ Алексѣю Михай-

ловичу, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что „малороссійскій діалектъ“ будетъ принятъ въ Москвѣ доброжелательно. И дѣйствительно, во второй половинѣ XVII в. еще не былъ поставленъ въ Москвѣ вопросъ о „малороссійскомъ діалектѣ“. Московское духовенство относилось съ недовѣріемъ къ югозападнымъ ученымъ по вопросамъ вѣры, а не языка. Такъ, въ 1696 году московскій патріархъ Адріанъ далъ свое дозволеніе митрополиту кіевскому переложить новоизданный полный переводъ православнаго исповѣданія на *малороссійское нарѣчіе* [1]).

Посвящалъ свои сочиненія тому же Алексѣю Михайловичу и другой малорусскій писатель, предпочитавшій славянорусскую рѣчь малорусской, покровитель І. Галятовскаго, Лазарь Барановичъ. И его труды встрѣчали въ Москвѣ полное радушіе.

Такимъ образомъ двѣ школы малорусскихъ писателей, которыя отличались одна отъ другой болѣе языкомъ, чѣмъ міровоззрѣніемъ, существовали въ теченіи всего XVII в. рядомъ, не сознавая, куда прибьетъ ихъ волна политической жизни.

Но прежде чѣмъ говорить о судьбѣ той и другой школы, считаемъ нужнымъ бросить обратный взглядъ на весь пройденный нами путь.

---

[1]) Описаніе славянс. рукописей московс. син. д. библ. Горскаго и Невоструева, отд. II, 597.

Схоластическая наука на южно-русской почвѣ во второй половинѣ XVII вѣка.

Національное самосознаніе въ эпоху „Руины“.—Положеніе посполитаго люда въ лѣвобережной Украинѣ.—Школа, какъ примиряющее начало въ вопросахъ внутренней жизни.—Всесословный характеръ кіево-могилянской коллегіи.—Отраженіе народныхъ понятій въ южнорусской печати временъ „Руины“.

Въ началѣ изслѣдованія нашего мы поставили вопросъ: „удастся ли новому поколѣнію защитниковъ „бѣдной Руси“ сохранить свѣжесть народнаго чувства и не усвоить вмѣстѣ съ „латинскою наукой“ тѣхъ понятій, которыя чужды были народному духу?“

На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать ни *да*, ни *нѣтъ* безъ оговорокъ.

Собственно говоря, идея народности въ современномъ значеніи этого слова была чужда старшему поколѣнію представителей южнорусскаго просвѣщенія, къ которому принадлежали Іоаннъ Вишенскій, Захарія Копыстенскій, Іовъ Борецкій. Только религіозная ревность побуждала нѣкоторыхъ представителей этого поколѣнія нисходить къ понятіямъ „простыхъ людей“, „для вырозумѣня“ которыхъ они рѣшались писать „простою мовою“. Только политическія соображенія наталкивали ихъ на мысль о народной массѣ, о „россійскомъ родѣ“, какъ говорили тогда. Внѣ религіи и политики эта самая масса была для нихъ темная книга, въ которой они не умѣли читать. Болѣе или менѣе проникнутые народнымъ настроеніемъ, они не чуждались

народныхъ понятій и даже самого метода народной мысли, который съ особенною выразительностію выступаетъ въ народномъ языкѣ, но, безъ всякаго сомнѣнія, этотъ методъ не былъ для нихъ исходной точкой въ развитіи идей просвѣщенія. Черпали они эти идеи изъ того же схоластическаго источника, какъ и позднѣйшее поколѣніе малорусскихъ писателей, получившихъ образованіе въ кіево-могилянской коллегіи. Правда, эти послѣдніе учились по латинскимъ книгамъ, тогда какъ писатели первой четверти XVII в. предпочитали греческія книги. Но и въ тѣхъ, и въ другихъ книгахъ царила одна и та же наука, съ однимъ и тѣмъ же методомъ оправданія готовыхъ истинъ, а не открытія новыхъ. Въ виду этихъ соображеній мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ недавно въ почтенныхъ трудахъ г. Сумцева, будто бы „въ южнорусскую науку вторглась чуждая ей римско-католическая схоластика, мало по малу заглушившая хорошіе всходы національной украинской письменности на греко-славянскихъ началахъ“ [1]). Мы видѣли, что во второй половинѣ XVII в. украинская письменность выступила съ неменьшею сознательностію, какъ и въ греко-славянскую эпоху южнорусскаго просвѣщенія,—увидимъ въ послѣдствіи, что эта сознательность не исчезала во все продолженіе XVIII в.,—если же ослабѣвала иногда, то вовсе не подъ вліяніемъ римско-католической схоластики, которая въ XVIII в.—по крайней мѣрѣ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра—не представляла серьезной опасности для національнаго самосознанія. Безъ сомнѣнія, въ первой четверти XVII вѣка южнорусскіе люди не были еще такъ утомлены борьбой за свое существованіе, какъ въ печальную эпоху такъ называемой „Руины“. Современники Сагайдачнаго больше были воодушевлены вѣрой въ народное дѣло, чѣмъ современники П. Дорошенка. Самыя задачи политической жизни послѣ Андрусовскаго мира (1667 г.), послѣ раздѣленія Малороссіи между двумя государствами—московскимъ и польскимъ, сдѣлались сложнѣе. Будущее становилось все болѣе и болѣе загадочнымъ. Послѣ изнурительныхъ войнъ Богдана Хмельницкаго страна нуждалась въ продолжительномъ и прочномъ покоѣ, чтобы сосчитать, какъ потери, такъ и выгоды свои отъ перенесенныхъ ею потрясеній, чтобы подвести итоги своему прошлому и собраться съ силами для новой жизни, для новыхъ испытаній. А между тѣмъ ей посылала судьба одни испытанія, но не покой. Ежеминутно висѣла надъ ней гроза непріятельскихъ нашествій со всѣми ужасами грабежа и кровопролитія. Съ надеждой она обращала взоры свои на сѣверъ. Но оттуда вмѣстѣ съ войсками, которыя болѣе или менѣе охраняли лѣвобережную Украину отъ внѣшнихъ враговъ, приходили воеводы, приносившіе съ собою новыя политическія понятія и необычные порядки жизни. Возникали недоразумѣнія и смуты, которымъ, казалось, и конца не было. Являлись искатели приключеній, которые торговали совѣстью своею и счастьемъ родины своей. „Тогда умножишася въ Украинѣ, говоритъ позднѣйшій лѣтописецъ, дѣтство котораго прошло подъ впечатлѣніями „Руины“, найпервѣй въ значнихъ, потомъ и въ посполитихъ козакахъ, гнѣвы, несогласія, властолюбія, раздвоенія, измѣненія, рвенія, зависти, вражди, междоусобія съ кровопролитіемъ, и иная тимъ подобная злоключенія и непотребства“ [2]). Въ такую эпоху трудно сохранить бодрость духа и вѣру въ собственныя силы. И однако же, мы все таки не скажемъ вмѣстѣ съ г. Сумцевымъ, что „по силѣ національнаго самосознанія южнорусскіе люди начала XVII вѣка стояли выше южнорусскихъ людей конца XVII вѣка“ [2]). Самъ Сумцевъ прекрасно обрисовалъ pia desiderata общественной жизни, которыя вовсе не двусмысленно высказывали малорусскіе писатели, принадлежавшіе къ кружку Лазаря Барановича [3]). Глубоко огорчало ихъ отдѣленіе правобережной Украины отъ лѣвобережной:

Подолле плаче, рыдая,
Волынь стогне, вздыхая...
О гордости, твое то дѣло,
Иже отечество не цѣло! [4])

[1]) „Кіевская Старина“, 1885 г., апрѣль, 655.

[2]) І. Вишенскій, Сумцева. „Кіевская Старина“, апрѣль, 655.

[3]) Характеристика южнорусской литературы XVII вѣка, Сумцева. „Кіевская Старина“, 1885 г., январь, 11.

[4]) Южнорусскія лѣтописи, издан. Бѣлозерскимъ, 1856 г., 160.

Такъ горюетъ на развалинахъ отечества своего неизвѣстный намъ составитель плохихъ стиховъ подъ названіемъ „Ламентъ людей побожныхъ“. Писатели малорусскіе временъ „Руины“ сожгли корабли позади себя. Они на вѣки разстались съ Польшей, но, отдаваясь подъ крѣпкую руку московскихъ царей, они хотѣли бы сохранить единство и цѣлость своего отечества, съ независимою церковью, съ его старинными порядками и учрежденіями, основанными на выборномъ началѣ, которое одухотворяло всѣ формы жизни церковной, войсковой, городской и сельской. Соблюдая вѣжливость и угодливую предупредительность по отношенію къ Москвѣ, они мечтали о мирной жизни подъ покровительствомъ ея на основаніи statu quo, въ которомъ засталъ Малороссію моментъ присоединенія ея къ московскому государству. „Мы, вибивши изъ Украины Ляховъ, пишетъ Лазарь Барановичъ Алексѣю Михайловичу, доброхотне, православни суще, православному монарсѣ поддалися, хотячи на волностяхъ нашихъ козацкихъ древнихъ подъ православною монархою жити“ [1]). Въ другихъ письмахъ своихъ онъ увѣряетъ царя, что козаки „обѣщались вѣрне царскому пресвѣтлому величеству служити, точію милости его просятъ, чтобы не было воеводы, и на волностяхъ, старому Хмельницкому наданихъ, чтобы жили“ [2]). „Свободою убо, ею же Христосъ насъ свободи, помазанниче Божій, пресвѣтлый царю, ихъ свободи, да стоятъ на свободѣ“ [3]). Въ письмахъ къ Симеону Полоцкому Лазарь Барановичъ впадаетъ въ лирическое изліяніе своихъ чувствъ по поводу храбрости козаковъ. Онъ не отрицаетъ угловатости въ натурѣ ихъ, сравниваетъ духовный чинъ среди козаковъ съ розами между терновникомъ, но, говоритъ онъ, „безъ этой колючести не было бы ничего добраго... Воеводъ отнюдъ не хотятъ: для козака воевода—великая невзгода... А если это родное нашего украинскаго края, то чѣмъ его перекрестить? Покропить только освященною водою, и хотя онъ (козакъ) черенъ, записати въ бѣлую книгу,

[1]) Письма Л. Барановича, изд. 2-е, Черниговъ, 1865 г., 121.
[2]) Ibidem, 59.
[3]) Акты З. и Ю. Россіи, VII, 67.

не гнушаться на Украинѣ украинскими свитками“ [1]). Вообще говоря, малорусскіе писатели второй половины XVII вѣка были мирные, благожелательные люди, которые не желали чужаго и не отказывались отъ своего. А чужое они знали не съ одной польской стороны, но и съ московской, поэтому они были богаче опытомъ жизни, чѣмъ представители греко-славянской эпохи южнорусскаго просвѣщенія. Можетъ быть, они уступали этимъ послѣднимъ въ цѣльности національнаго самосознанія, но никакъ не въ отчетливости и разносторонности его. Они чувствовали потребность сознать въ себѣ не только общія, родовыя особенности русской жизни, которыя не могли согласоваться съ условіями католическаго и шляхетскаго режима, но и видовыя черты мѣстной малорусской жизни, которыя не укладывались въ общественно-политическую норму, созданную московскимъ государствомъ. Питая къ главѣ государства безусловное уваженіе, они вовсе не желали превращенія Украины въ одно изъ воеводствъ великорусскаго типа.

Есть, однако же, одно темное пятно въ міровоззрѣніи писателей, о которыхъ мы говоримъ. По своему общественному положенію они принадлежали къ высшимъ рядамъ духовенства, которое владѣло „подданными“, не задумываясь надъ соціальнымъ значеніемъ этого владѣнія, надъ противорѣчіемъ его съ завѣтными стремленіями народа, рвавшаго на себѣ путы крѣпостной неволи. Правда, суровая участь посполитыхъ, повидимому, смягчалась проповѣдію духовенства о милосердіи къ нимъ. Но хорошія слова имѣютъ силу только тогда, когда они сопровождаются высокимъ подвигомъ самоотверженія. А къ этому подвигу вовсе не располагали крѣпостные порядки, которые застала въ московскомъ государствѣ лѣвобережная Украина, только что вырвавшаяся изъ „ярма лядскаго“. Напротивъ того, въ московскомъ государствѣ положеніе крестьянъ было еще хуже, чѣмъ подъ „региментомъ“ козацкой старшины. При Алексѣѣ Михайловичѣ великорусскіе крестьяне постоянно перебѣгали „за рубежъ“ въ гетманщину: въ 1672 году великорусскіе помѣщики

[1]) Письма Л. Барановича, 53—54.

жаловались царю на малорусское духовное и свѣтское начальство и на козаковъ за укрывательство бѣглыхъ крестьянъ, въ особенности на Лазаря Барановича, у котораго поселилось всякихъ „прихожихъ людей“ больше пяти тысячъ,—„а выдачи, писали жалобщики, никому нѣтъ“ [1]). Такимъ образомъ, въ новой политической обстановкѣ возобновлялись старые порядки, манившіе къ себѣ сословными удобствами привиллегированнаго положенія, котораго начали добиваться люди, только что вырвавшіеся изъ „лядской неволи“.

Но далеко еще было то время, когда вполнѣ созрѣли плоды этихъ домогательствъ. На стражѣ народныхъ интересовъ стояла запорожская Сѣчь. Она глубоко чувствовала страданія родины: „непрестанно насъ тое мулило и долѣгало, писали Запорожцы къ гетману И. Самойловичу, что за невзгодою и непріязнію обосторонныхъ Днѣпра гетмановъ, приходило намъ пустую и мертвую Малую Россію, матку нашу, полними слезъ оглядати очима, и красніе жилища отцевъ и праотцевъ нашихъ зрѣти дивіемъ звѣромъ водвореніемъ“ [2]). Она стояла на сторонѣ московскаго царя, но въ то же время рѣзко порицала своекорыстную политику Самойловича, который враждой къ П. Дорошенку вызвалъ паденіе Чигирина: „если бысь, говорили Запорожцы, не добывалъ его и не взялъ подъ свою власть съ Дорошенкомъ, то и Турчинъ добывати его не приходилъ бы, а за часомъ, чрезъ розумніи медіяціи, могла бы и вся сегобочная Украина отъ власти турецкои и безъ такого кровопролитія подъ великую руку монархи православнаго съ Дорошенкомъ приклонитися“ [3]). Такъ смотрѣли Запорожцы въ эпоху „Руины“ на политическое положеніе своей родины. Она была для нихъ дорогою матерью, страдавшею отъ междоусобія неразумныхъ дѣтей своихъ. Нельзя сказать, чтобы сами они были вполнѣ свободны отъ упрека въ этомъ неразуміи, но въ основныхъ стремленіяхъ своихъ они всегда ставили интересы *всей* Украины выше лич-

[1]) Акты Зап. и Юж. Р. IX. 857.
[2]) Величко III, 468.
[3]) Ibid. 470.

ныхъ счетовъ, которые обострились въ слѣдствіе насильственнаго раздвоенія Украины на двѣ половины. Особенно чутко они относились къ бѣдствіямъ *посполитаго* люда, безусловно отрицая всякую тѣнь крѣпостнаго права, какъ въ старой шляхетско-польской формѣ, осложненной религіозными гоненіями, такъ и въ подновленной формѣ—безъ всякой примѣси религіознаго угнетенія. Если бы страна поставлена была въ лучшія условія политической жизни, то не одни „козацкія вольности“ нашли бы въ ней своихъ защитниковъ, но и завѣтное стремленіе народа къ уравненію правъ посполитыхъ съ козаками, къ уничтоженію всякихъ поползновеній козацкой старшины къ крѣпостному насилію. Конечно, все это не могло бы произойти само собою, безъ борьбы и внутреннихъ потрясеній, но во второй половинѣ XVII в. козацкая старшина не успѣла еще сформироваться въ родовую знать, которая могла бы безъ всякой посторонней поддержки выдержать напоръ народныхъ стремленій. Она не успѣла еще забыть о своемъ происхожденіи: еще такъ недавно она стояла въ рядахъ посполитаго люда, дѣлила съ нимъ радости и горе жизни. Волны народнаго движенія вынесли ее на верхъ, поэтому она не могла не сохранить нѣкотораго уваженія къ самому этому движенію, къ самодѣятельному участію народа въ его собственной жизни.

Есть, наконецъ, еще одна выразительная особенность въ умственномъ строѣ той эпохи, о которой мы говоримъ,—особенность, которая могла вносить примиряющее начало въ спорные вопросы внутренней жизни. Мы разумѣемъ возбужденность мысли, затронутой просвѣщеніемъ, которое рано или поздно должно было привести къ выводамъ, болѣе благопріятнымъ для народныхъ массъ, чѣмъ крѣпостныя формы жизни, нѣсколько видоизмѣненныя въ лѣвобережной Украинѣ. И въ самомъ дѣлѣ, школа давно уже сдѣлалась потребностію малорусскаго населенія. Особенно дорожило оно кіево-могилянской коллегіей, для которой наступили трудные дни по смерти Петра Могилы. Въ вихрѣ событій, послѣдовавшихъ вслѣдъ за возстаніемъ Богдана Хмельницкаго, коллегія не могла оставаться спокойнымъ пріютомъ для учащейся молодежи, которую манила жизнь съ ея

бурями и военными тревогами. Поэтому высшіе и средніе классы въ коллегіи опустѣли, — да и эти послѣдніе, послѣ козацкихъ неудачъ въ борьбѣ съ поляками, отразившихся на матеріальныхъ средствахъ коллегіи, тоже исчезли [1]),—и вотъ въ 1666 г. кіевскіе жители начали хлопотать о возобновленіи кіевскихъ школъ. Московское правительство не считало возможнымъ отвѣчать имъ на заявленіе объ этомъ рѣшительнымъ отказомъ. „Буде имъ, писали въ томъ же году изъ Москвы, противъ ихъ волностей не въ оскорбленье будетъ, и тѣхъ бы школъ нынѣ не заводить“ [2]). Но такъ какъ „перевесть тую старую школу, по мнѣнію кіевскаго воеводы Петра Шереметьева, никоторыми мѣры нельзѣ, потому что кіевскимъ жителямъ будетъ въ великое оскорбленіе“, то „великій государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ въ Кіевѣ школы заводить и людей въ нихъ учить кіевскихъ жителей“ [3]). Вопросъ о школѣ считался въ то время чрезвычайно важнымъ, поэтому онъ былъ предметомъ дипломатическихъ переговоровъ, какъ съ Москвой, такъ и съ Польшей. Въ инструкціи Петра Дорошенка, данной посламъ войска запорожскаго, которые отправлены были на сеймъ польскій въ 1670 г., говорится: „Академію въ Кіевѣ фундовати волно, въ которой грецкимъ, латинскимъ и рускимъ языкомъ учити Русь маетъ... Другую также Академію въ Могилевѣ Бѣлорусскомъ, албо тутъ на Украйнѣ... фундовати. Гимназія, тежъ школы, въ которыхъ бы по латынѣ учено, и друкарнѣ, колко ихъ потреба будетъ, абы безъ трудности становити было волно, и волно науки отправовати, и книги всякіе друковати“ [4]).

Но существуетъ мнѣніе, высказанное болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, что „заведеніе въ Кіевѣ коллегіи не было потребностію народа, что объ этомъ заботилась только шляхта и высшее духовенство въ видахъ собственныхъ пользъ“, — поэтому коллегія не имѣла ничего общаго съ народомъ [5]).

[1]) Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіей, Аскоченскаго, I. 209.
[2]) Акты Зап. и Юж. Россіи VI. 93.
[3]) Ibidem.
[4]) Акты Зап. и Юж. Руси IX. 302—303.
[5]) Представители кіевской учености, Пекарскаго, Отеч. Зап. 1862 г. 391—392.

Намъ кажется это мнѣніе чрезвычайно рѣзкимъ. Нужно вспомнить только, что коллегія была всесословнымъ учрежденіемъ, въ которомъ учились дѣти духовенства вмѣстѣ съ дѣтьми козаковъ, мѣщанъ и даже посполитыхъ. Причина этой всесословности заключалась въ томъ, что всѣмъ одинаково дорого было „древнее благочестіе“, которое считалось тогда наиболѣе выразительнымъ признакомъ народности. Съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ верхніе слои южнорусскаго населенія переходили въ католичество, самыя сословія Южной Руси опредѣлялись не столько происхожденіемъ, сколько занятіями. Самымъ обыкновеннымъ явленіемъ было въ то время движеніе посполитыхъ въ мѣщане, а тѣхъ и другихъ въ козаки. Нерѣдко было и обратное передвиженіе по нисходящей линіи, часто невольное, иногда добровольное, особенно изъ козаковъ въ мѣщане,—лица же духовнаго званія выбирались изъ посполитыхъ, мѣщанъ и козаковъ, поэтому духовнаго сословія въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ теперь, вовсе не было не только въ XVII, но и въ XVIII в. [1]). Слѣдовательно, говорить о своекорыстныхъ сословныхъ цѣляхъ, которыя будто бы преслѣдовали люди, подобные Петру Могилѣ, именно—сподвижники и ближайшіе преемники его, во всякомъ случаѣ, неосновательно. Не таковы были эти труженики мысли, для которыхъ не было вопроса о томъ, кто долженъ учиться въ школахъ — званные или избранные. Они не могли себѣ представить даже, чтобы ученье было удѣломъ только имущихъ и знатныхъ людей,—тѣмъ болѣе, что и плоды ученія въ то время не всегда были сладки. „Не дивѹйсѧ, читѣлникѹ, говоритъ І. Галятовскій, заканчивая свой „Ключъ разумѣнія“, ты̀ по̀мыкаѥ̀ш, которы̀м сѧ ктѻ̀й кни́зѣ знайдѹ̀ю, бо та́м кни́га тако́го ча́ю̀ робѝласѧ, ѥ̀ которы̀й бѣ́лшъ ѥ̀мѡ̀ оу̀тѣка́ли ѝ на смр҃ть нѣ́жели на кни́гѹ тѹ̀ю погладда́ли. Ни ѥ̀дино́гѡ ѝмѣ̀ пока́ѧ пла̀ наша, но бо всѣ́м скорбѣ́ше: кнѣ̀ оу̀дѹ̀ бра́ни,

[1]) При Богданѣ Хмельницкомъ во главѣ козацкихъ движеній становились иногда священники („Кіевс. Старина“, 1888 г., іюль, 25). Бывали случаи, что одно и то же лицо нѣсколько разъ смѣняло рясу на боевые доспѣхи (Лѣтопись Грабянки, 183).

кивотъ оўдѧ стрѧхи“ [1]). Очевидно, представители южнорусскаго просвѣщенія трудились не въ „видахъ собственныхъ пользъ“, не для своихъ „власныхъ приватъ“, какъ говорили тогда, а для добра общаго. Они почерпали свое вдохновеніе не въ правительственной поддержкѣ, а въ сознаніи той нравственной пользы, которую они приносили народу.

Можно ли сказать, что это была мнимая польза?

Почти положительно отвѣчаетъ намъ на этотъ вопросъ г. Сумцевъ. „Наука во второй половинѣ XVII в., говоритъ онъ, была въ Южной Руси явленіемъ *почти вполнѣ мертворожденнымъ и крайне далеко отстояла отъ жизни*“ [2]). „Преподаваніе богословія пріучало учениковъ къ ханжеству и внѣшней обрядности“ [3]). „Схоластическому богослову (южнорусскому) не было никакого дѣла до того, какъ народъ относится къ христіанскому вѣроученію съ своей національной точки зрѣнія, что внесъ и вноситъ въ него изъ своей національной жизни“ [4]). Говоря объ І. Галятовскомъ, г. Сумцевъ утверждаетъ, что „грозныя и многознаменательныя событія прошли мимо него, не затронувъ ни его ума, ни его чувства, засушенныхъ безжизненной школой“ [5]).

Мы думаемъ, что это мнѣніе въ значительной степени навѣяно общей репутаціей схоластической науки, которая по всей справедливости не пользуется сочувствіемъ въ средѣ образованныхъ людей,—думаемъ такъ на томъ основаніи, что въ трудахъ самого г. Сумцева есть положенія не совсѣмъ согласныя съ тѣми, которыя мы привели выше. „Нѣтъ надобности, говоритъ онъ, доказывать, что идеалы Л. Барановича, Ин. Гизеля и І. Галятовскаго исходятъ изъ малорусской дѣйствительности; идеалы эти не разрываютъ съ нею связей, они только очищаютъ ее отъ недостатковъ и такимъ образомъ возводятъ на опредѣленную, во всякомъ случаѣ значительную по высотѣ степень внутренняго и внѣшняго совершенства“ [6]). Очевидно, вопросъ о

[1]) Ключъ разумѣнія, 253 обор.

[2]) „Кіевская Старина“, 1884 г., апрѣль, 588.

[3]) Ibid., январь, 6.

[4]) Ib., 16.

[5]) Ib., февраль, 199.

[6]) „Кіевс. Старина“ 1885 г. январь, 14.

южнорусской наукѣ въ XVII в. вовсе не исчерпывается тѣмъ положеніемъ, что это была схоластическая наука, слѣдовательно, ей были свойственны *всѣ* особенности схоластическаго метода мысли. Это положеніе есть ничто иное, какъ готовая формула, снятая съ аналогическихъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ умственной жизни средневѣковой Европы. Какъ только мы сопоставляемъ эту формулу съ историческими данными, она во многихъ отношеніяхъ оказывается несостоятельной. Особенно сильно чувствуется несостоятельность ея въ трудахъ г. Сумцева, который не поскупился на историческія краски для того, чтобы представить южнорусское просвѣщеніе XVII в. въ его истинномъ видѣ. Къ сожалѣнію, уважаемый нами авторъ сходитъ иногда съ исторической почвы, ослабляя собственные свои выводы и положенія, добытыя путемъ непосредственнаго изученія малорусскихъ писателей въ связи съ исторической обстановкой жизни и дѣятельности ихъ. Такъ, напримѣръ, онъ смотритъ на Ин. Гизеля, какъ на человѣка, „проникнутаго евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему“, какъ на писателя, который былъ защитникомъ христіанской жизни по духу, а не по формѣ [1]). Что же тутъ общаго съ „ханжествомъ и внѣшней обрядностью“, которая, какъ извѣстно, никогда не пользовалась въ южнорусской церкви значеніемъ господствующаго, всепоглощающаго начала ея жизни? Конечно, южнорусскіе іерархи заботились объ исправленіи церковныхъ обрядовъ, объ устраненіи изъ богослужебныхъ книгъ народныхъ суевѣрій [2]), — но они никогда не забывали, что сущность православія заключается не въ однихъ церковныхъ обрядахъ, но и въ живомъ общеніи вѣрующихъ, безъ различія званій, сословій и состояній. Въ томъ собственно и заключается коренная особенность южнорусской церкви, что въ ней іерархія не была заражена идеей своей непогрѣшимости,

[1]) „Кіевс. Старина“ 1884 г. октябрь, 212.

[2]) Въ богослужебныхъ книгахъ до Петра Могилы были молитвословія апокрифическаго и даже мифологическаго характера (молитвы о 12 пятницахъ, колядки). Голубева, П. Могила, 374. См. также „О поврежденіи церковной обрядности и религіозныхъ обычаевъ въ южнорусской митрополіи“ Е. Крыжановскаго. Руководство для сельскихъ пастырей, 1860 г.

что она сама привлекала мірянъ къ широкому участію въ дѣлахъ церкви, которое выражалось въ соборахъ и особенно въ братствахъ. Не могла она не прислушиваться къ голосу народа, хотя бы уже потому, что этотъ голосъ, по установившемуся обычаю, имѣлъ громадное вліяніе на замѣщеніе церковныхъ должностей. Вліяніе это постепенно ослабѣвало въ теченіе XVIII в, когда сельскія и городскія общества потеряли право выбора священниковъ. Этотъ народный строй южнорусской церкви выражался, между прочимъ, и въ самой обстановкѣ богослуженія: и теперь еще въ глухихъ мѣстностяхъ Малороссіи можно слышать церковные напѣвы, напоминающіе народную мелодію,—можно видѣть старинныя иконы съ изображеніемъ святыхъ рядомъ съ лицами мірянъ въ обыкновенныхъ костюмахъ [1]). Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ можно ли утверждать, что представители южнорусскаго просвѣщенія были равнодушны къ тому, „что внесъ и вноситъ народъ въ христіанское вѣроученіе изъ своей національной жизни?“ Можно ли сказать, что они стояли въ сторонѣ отъ этой жизни, какъ посторонніе зрители грозныхъ и многознаменательныхъ событій ея?

Предъ нами произведенія южнорусской печати временъ „Руины“. Остановимся на двухъ извѣстныхъ писателяхъ того времени—І. Галятовскомъ и А. Радивиловскомъ.

„Мілам і вдячнам мнѣ єстъ там праца“, говоритъ І. Галатовскій въ предисловіи къ сочиненію своему „Месіа пракедный“. А совершилъ онъ ее „по трудны і небезпечны дорогах (ѣздячи), оушкодзоном здоровем і шкоды великій понесшы, и смерти ся вкровтнои не поднократ сподзкаючи“. Такъ не говорятъ люди, изсушившіе свой умъ и сердце въ безжизненной школѣ.

[1]) Не далѣе какъ въ началѣ настоящаго вѣка (1814 г.) былъ составленъ планъ расписанія Спасскаго собора въ Черниговѣ: предполагалось изобразить всѣхъ черниговскихъ князей, начиная отъ Мстислава Ярославича, заложившаго храмъ въ 1031 г., а также черниговскихъ архіереевъ, начиная отъ Л. Барановича, всѣхъ русскихъ царей, начиная отъ Алексѣя Михайловича до Александра Павловича включительно, тмочисленное Наполеоново воинство, посрамленное русскимъ оружіемъ. Но предположенные рисунки замѣнены другими (Черн. Епарх. Вѣдом. 1863 г., 283—290).

Глубокою скорбію звучала рѣчь ихъ, когда они касались бѣдствій родины. „Пришолъ до насъ, говоритъ въ одномъ изъ казаній своихъ А. Радивиловскій, мечъ гнѣвъ Божій, а пришолъ не трезвый, але барзо пьяный... і оупилсм крови христіанской“ („Огородокъ“, 1078). „Войска поганскій, говоритъ онъ въ другомъ казаньи своемъ, не єдинъ і нашій Россійской земли цковъ, не єдинъ монастыръ, не єдинъ мощный и до добытъ трудный градъ з гроунтъ выкорнули... не одного о смерть, то ѿ меча, то ѿ глада, то ѿ зимна приправили“ (411). „Ѡ Боже мой! восклицаетъ онъ въ третьемъ казаньи своемъ, іакъ много ихъ матокъ, который видячи сны свои и дѣти і небогу трецкую і татаскую позабираный, плачутъ“. (934). „Оубесели, обращается онъ къ Ѳеодосію Печерскому въ четвертомъ казаньи своемъ, засмученые сердца наши.... знеси повшенъ погаскіе, абысм погламовали і запачкости своей... зостановы теченіе крови христіанской, абысм оужо больше не лмла ѿ меча погаского... высушы слезы з очей нашихъ текучій“ (313) [1]). Выписанныя нами строки достаточно доказываютъ, что *грозныя и многознаменательныя* событія до глубины души потрясали писателей, получившихъ образованіе свое въ кіево-могилянской коллегіи. Нужно удивляться еще, какимъ образомъ совсѣмъ не прекратилась литературная производительность ихъ „в тый жалобный і праве непаслывый часы“ (381). Утѣшали они себя мыслію о лучшихъ временахъ, когда подъ властію единовѣрнаго Монарха „никого не вздутъ выгонати зъ отчизны, зъ маетностей, изъ домовъ, за вѣръ христіанскую“ (Ключъ, 35),—когда славянскіе народы соединятся въ одну дружную семью для борьбы съ магометанствомъ, стариннымъ врагомъ христіанства (Лебедь съ періемъ своимъ) [2]), когда внутри страны евреи не будутъ „на податки, на чиншъ панмъ, грошъ христіанскій давати, і тымъ грошмъ розныя товары на ярмаркахъ сукъ куповати, мѣста, села, мыта и аренды закуповати, і шаты собѣ дорогіи справовати“ (Мессія Праведный, 398). Въ такой политической обстановкѣ представляетъ І. Галятовскій бу-

[1]) См. также „Огородокъ“ стр. 294, 389, 425, 456, 514, 534, 535, 550, 554, 717, 726, 784, 816, 909, 922, 927, 965, 966, 975, 1074.

[2]) Костомарова, Рус. исторія въ жизнеописаніяхъ. Отд. II. 367—368.

дущее родины своей. Обращаясь къ настоящему, рисуетъ намъ онъ идеальныя черты человѣка своего времени. Онъ подсказываетъ проповѣднику, который хочетъ сказать надгробное слово,—„добрым оучи́нки оумѣ́лого чл҃вѣка“, если этотъ человѣкъ „вели́кїи пра́цы и тр҃ды для цѣ́ркви Бж҃ой и для ѡ҃тчи́зны подыймова́лъ“, если онъ „бы́лъ милосе́рдный на людей оубо́гихъ, накладалъ на цѣ́ркви, на монастыри, на шпита́лѣ“, если онъ „пр҃ймова́лъ к҃ до́мъ сво́й гостей, прихо́дневъ, пелгры́мовъ, кыкѵ́пова́лъ нево́льниковъ з҃ нево́лѣ пога́нскои“ (Наука 24). Нельзя сказать, чтобы въ этихъ „благихъ пожеланіяхъ“ звучала нота рѣшительная, которая давала бы намъ знать, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ творческой силы и таланта, съ вдохновеннымъ писателемъ, способнымъ увлечь за собою народныя массы. Галятовскій былъ человѣкъ средней силы, не созданный для обновленія жизни посредствомъ великихъ идей. Онъ раздѣлялъ многіе предразсудки своихъ современниковъ и, между прочимъ, ихъ нетерпимость по отношенію къ иновѣрцамъ, ихъ недомысліе по разнымъ вопросамъ внутренней жизни. Наконецъ, въ его воззрѣніяхъ, дѣйствительно, не мало есть схоластической примѣси, которая нерѣдко ставила его въ противорѣчіе съ самимъ собою. Такъ, напримѣръ, въ одномъ казаньи своемъ, разсуждая о „трехъ станахъ“—посполитомъ, панскомъ и духовномъ, онъ утверждаетъ, что первый станъ предназначенъ служить панамъ и духовенству (Каз. 213),—а въ другихъ казаньяхъ онъ напоминаетъ своимъ слушателямъ, что „всѣ хр҃істі́ане—когда́тын и оубо́гіи, паны и слѹ́ги, потента́тове и нево́льники сѹ́ть на́шими бли́жними и кра́тїею на́шею“ (Каз. 207),—что „лю́де пы́шніи, кото́рым тепе́р҃ не хо́тѧтъ това́рышитися з҃ людми́ оубо́гими“, а также люди, „кото́рїѣ чѹ́жѣ гр҃ницы, пла́цы и дворы отѣ́ймѹ́ютъ и собѣ́ простра́нное, а лю́демъ тѣ́сное мѣ́сце чи́нятъ... вѹ́дѹтъ мѣ́сти товари́ство з҃ ді́вкоми, вѹ́дѹтъ къ пе́клѣ, такъ въ скри́нѣ желѣ́зной тѣ́сной замкне́ни на вѣ́ки“ (Каз. 58—59). Не могъ не знать Галятовскій, что въ его время многіе становились „панами и потентатами“ путемъ захвата чужой собственности, поэтому разсужденіе его объ отношеніяхъ посполитыхъ къ панамъ и духовенству есть ничто иное, какъ схоластическое пустословіе, поддерживаемое

страстью ко всякаго рода риторическимъ „прикла́дамъ и подсѣ́нствамъ“. Безъ сомнѣнія, эта риторика состояла въ нѣкоторомъ знакомствѣ съ старымъ грѣхомъ *панскихъ* и *потентатскихъ* преданій, унаслѣдованныхъ отъ Польши и не смытыхъ потоками крови въ бурную эпоху войнъ Богдана Хмельницкаго. Но мы были бы неправы, если бы ничего другаго не видѣли въ ней, кромѣ этого грѣха. Не онъ породилъ на свѣтъ южнорусское просвѣщеніе XVII в, не въ немъ оно находило свою силу и поддержку. Появилось оно исторически, какъ потребность угнетенной народной массы сознать себя народомъ съ историческимъ правомъ существованія среди другихъ народовъ,—развивалось оно на почвѣ русскаго самосознанія, отмѣченнаго индивидуальными признаками мѣстной жизни съ ея старорусскими преданіями, не возбранявшими народу принимать участіе въ его собственной судьбѣ. Символомъ этого самосознанія была „благочестивая вѣра“, для защиты которой призвана была схоластическая наука. Въ Южную Русь эта наука перешла не въ чистомъ ея видѣ, но съ доброю примѣсью положеній, выработанныхъ въ Европѣ въ эпоху возрожденія. На новой этнографической почвѣ, среди новыхъ историческихъ условій, она должна была получить своеобразныя черты. Конечно, представители ея не были людьми непосредственнаго народнаго чувства, но прогрессъ народной жизни невозможенъ, какъ извѣстно, безъ культурной мысли, оплодотворяющей народное чувство въ великій, сознательный подвигъ, который является не случайностію минуты, а плодомъ строго обдуманнаго плана. Въ хаосѣ понятій, наступившемъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго, предложено было нѣсколько плановъ политической и общественной жизни, но ни одинъ изъ нихъ не выражалъ народной воли въ подлинномъ ея видѣ. Не было въ странѣ силы, которая могла бы поддержать тотъ или другой планъ на болѣе продолжительное время, хотя бы въ видѣ опыта—для того, чтобы путемъ мирнаго прогресса придти къ разрѣшенію трудныхъ вопросовъ жизни, къ примиренію разнообразныхъ теченій ея. Винить въ этомъ мы не можемъ схоластическую науку,—не можемъ говорить о ней, какъ о какой то демонической силѣ, которая явилась на Украину для ея разрушенія. Мы не отри-

цаемъ схоластическаго происхожденія и метода южно-русской науки. Вмѣстѣ съ другими мы могли бы, конечно, пожелать, чтобы представители ея шире и свободнѣе смотрѣли на міръ Божій, чтобы они рѣшительнѣе и тверже высказывали свои убѣжденія, чтобы они не путались въ собственныхъ мысляхъ, не впадали въ излишнее многорѣчіе и въ праздное стихоплетство. Но мы знаемъ, что всѣ эти желанія могутъ быть заявлены, какъ говорится, заднимъ числомъ, поэтому и сужденія, изъ нихъ вытекающія, не могутъ удовлетворить требованіямъ исторической критики, которая должна считаться съ руководящими идеями изучаемаго нами вѣка. Съ точки зрѣнія этихъ идей мы видимъ въ южнорусской наукѣ XVII в., какъ первой, такъ и второй половины его, живую душу, которая постоянно отзывалась на всѣ текущія явленія жизни живымъ голосомъ. Это былъ тотъ самый голосъ, который слышимъ мы въ народныхъ южнорусскихъ думахъ, изображающихъ боевыя схватки съ врагами христіанства—турками и татарами, съ врагами „благочестивой вѣры“—панами-ляхами, съ врагами народнаго благосостоянія—жидами-орандарями.—Тѣ же темы мы встрѣчаемъ и въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей временъ „Руины“. Такъ, І. Галятовскій въ обширныхъ трактатахъ своихъ противъ мусульманъ, поляковъ и евреевъ не проронилъ ни одного слова, несогласнаго съ народнымъ чувствомъ. Не говоритъ онъ, конечно, языкомъ этого чувства, какъ говорили творцы народныхъ думъ, но отъ ученыхъ трактатовъ нельзя требовать языка поэзіи. Довольно и того, что современники Галятовскаго, усвоивъ латино-польскую науку, не отрѣшились отъ народныхъ стремленій, возникшихъ въ первую эпоху просвѣщенія, и готовы были дать этимъ стремленіямъ широкое примѣненіе. Они продолжали развивать книжную малорусскую рѣчь въ томъ направленіи, съ которымъ она выступила еще во второй половинѣ XVI вѣка, какъ литературный органъ народнаго самосознанія. Мы видѣли, что народное начало проведено было въ этой рѣчи сознательно, хотя и не вездѣ послѣдовательно....

СЛОВАРЬ КНИЖНОЙ МАЛОРУССКОЙ РѢЧИ

— ПО —

РУКОПИСИ XVII ВѢКА.

(Приложеніе къ первой части сочиненія: „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в.“).